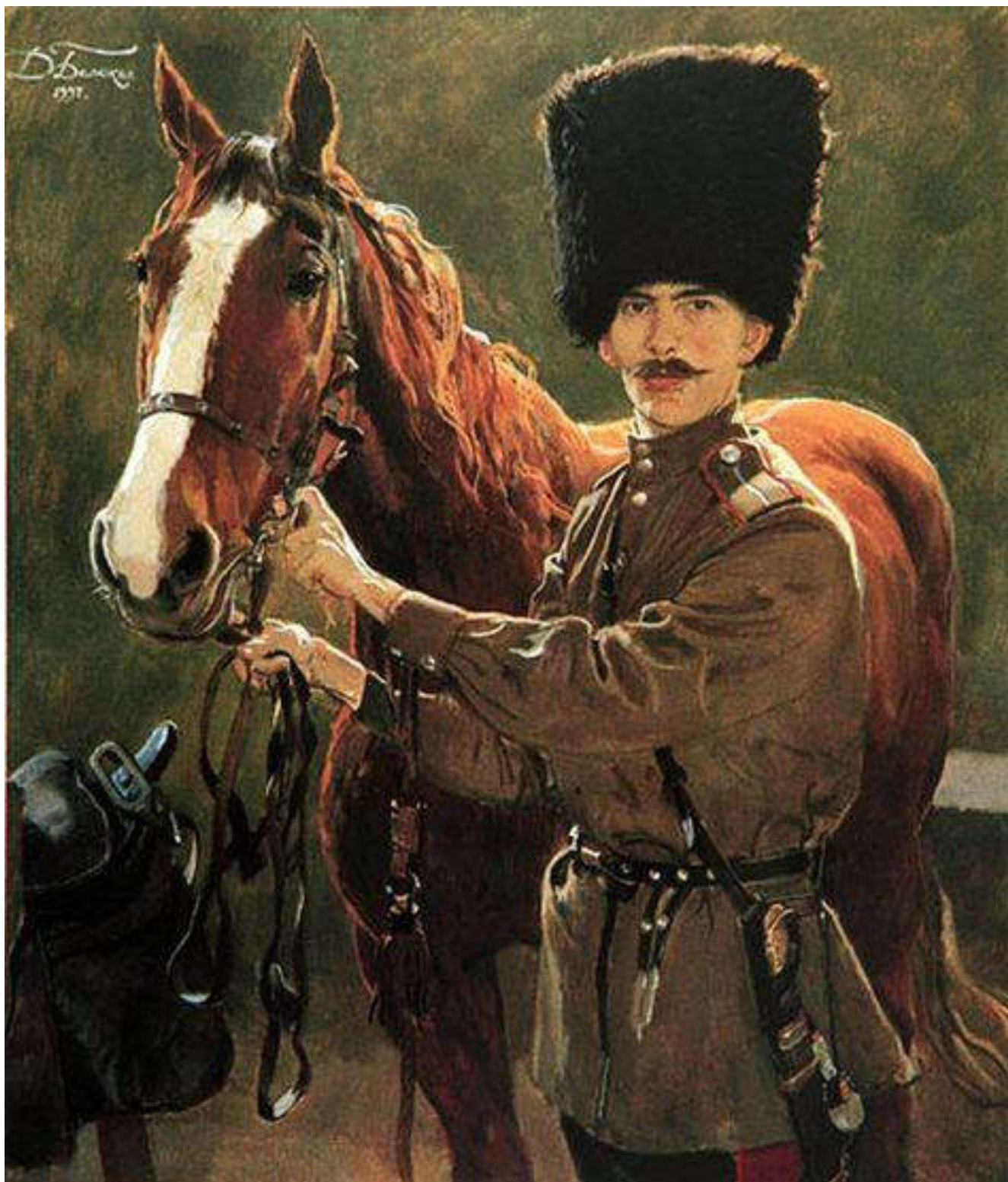

Казачи за Камнем

Историко-информационный краеведческий журнал
№ 2 (29) февраль - 2023 года

КАЗАКИ

ЗА КАМНЕМ

№2 (29) 2023 года

Историко-информационный
краеведческий журнал
Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:

Александр Толкачёв
Владимир Крюков
Почётный атаман Амурского
Казачьего войска

Редколлегия:

Сергей Косяченко
и казаки России
Электронный адрес редакции:
KazzaK1949@mail.ru

Музыкальный редактор:

Валерий Федоренко

**Журнал выходит на средства
членов редколлегии**

*Мнения авторов не всегда совпадают с
мнением редакции*

В номере

Стихи. С передовой Донбасса.....	4
Фронтовой праздник.....	5
Информационное письмо.....	6
Одесситы и самосуд.....	10
Амсон-хан.....	14
Стрелец Мошкин.....	20
Значение 1916 года.....	45
Голодоморы.....	24
Дезертиры в Питере.....	26
Февральская революция.....	27
Полиция и милиция.....	28
Белоземляки о Красной армии.....	30
Дьявольщина.....	31
Амурское казачество в 1914-1917 годах.....	34
Феномент «Большого террора».....	51
Расстрел Красной армии.....	55
Кастеты ОГПУ.....	58
Лев Гумилёв.....	60
Картины Петра Кривоногова.....	64
Автопортрет Калашникова.....	68
Памяти земляка.....	71
Лагерь Бадабер.....	74
Из ДВ – в Афган.....	76
Дорога через войну.....	81
Вернулся неожиданным.....	85
Шашка Бакланова.....	90
Самсон-хан.....	91
Нехватка боевого опыта.....	100
Не надо их разубеждать.....	102
Угонщик танка.....	103
Партизанщина (военная сказка).....	103
«Ночная ведьма».....	109
Тыл во время войны 1941-1945 годов.....	111
Смелые и честные люди.....	132
Положил душу за други своя.....	133
Поэзия дня сегодняшнего.....	135
Казачьи разборки.....	136
Политическая сатира.....	138

На первой обложке - картина из Интернета

На второй обложке – Картина «Свечи памяти» А. Толкачёва

*На третьей обложке и последней обложке –
картины художника П. А. Кривоногова*

Стихи с передовой Донбасса

Ну что, народ! Садитесь поудобней.
Смартфон. Пивко. И праздничный угар.
Смотрите шоу, как для вас сегодня
Освобождает "Вагнер" Соледар.

Мороз за двадцать. В сердце лютый холод.
Тут отогреться непосильный труд.
Но для пути вперед есть сильный довод,
В подвалах наши люди русских ждут.

За шагом шаг. Порожек за порошком.
Как клещ вцепился в каждый дом рагуль.
Враг зол и смел, на зеркало похожий,
И кажется, снежинок меньше пуль.

Летят окурки дальше, чем гранаты.
Пошла возня - и тупятся ножи.
Здесь за Россию рубятся солдаты,
За право русских вновь по-русски жить.

Прекрасен бой на телеграм канале,
Без вкуса крови, запаха мочи,
Живая плоть не корчится в металле,
И позывной у друга не молчит.

А там, на грани столкновений армий,
В объятьях смерти, заглушая стон,
Срывая ногти, матерятся парни,
Когда в стволе заклинило патрон.

А мы сидим, как будто в кинозале,
Не осознав военную беду,
Чтоб города быстрее освобождали,
Мы быть должны не в зрительном ряду.

Пока бойцы несут и наше бремя,
Нам в телефонах глупо пропадать.
Любой из нас, обязан в это время
Хоть чем-нибудь, но фронту помогать!

12 января 2023 года

Фронтвой праздник

В этом году день Защитника Отечества мы встречаем в суровое военное время, впервые после Победы в Великой Отечественной войне.

Теперь у каждого свой фронт - боевой или тыловой. Стал воином - идешь на бой с супостатом, остался в тылу - трудишься на предприятии для фронта, доставляешь гуманитарную помощь или ухаживаешь за ранеными. Другого не дано.

Защита Отечества - наш священный долг и обязанность. Любящий свою Родину достойно служит ей верой и правдой в мирное и военное время, в радости и горести, не щадя своих сил и самой жизни.

У нас практически каждая семья связана с армией, с традициями, идеями и ценностями военного патриотизма, что доказано самой историей становления, развития и укрепления России. Наши талантливые полководцы и отважные бойцы всегда отставили свою Родину и не раз спасали окружающий нас мир от завоевателей.

23 февраля - это праздник всех, кто храня верность Присяге и не щадя своей жизни, защищал Матушку-Русь, Российскую Империю, Советский Союз и сегодня стоит страже России, сражаясь с нацистами всего западного мира.

Это день чествования всех, кто по примеру Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского готов встать на защиту своего Отечества и уверенно громить супостата по примеру [генералиссимуса Александра Васильевича Суворова](#).

Это праздник всех наших близких и родных, которые делят с воинами все тяготы и лишения ратной службы, и поддерживают в трудную минуту.

Дорогие братья и сестры! От всей души поздравляем вас с Днем защитника Отечества и 105-й годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота!

Желаем вам и вашим близким крепкого здоровья, благополучия в семьях, веры, добра, мужества, находчивости, суворовской мудрости и отваги, уверенных побед на всех фронтах и Божией помощи во всех ваших праведных трудах!

С глубоким уважением,
Московские суворовцы

Новости

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Комитет по делам национальности Тюменской области
Общественная палата Тюменской области
Тюменский государственный университет

Тюменская областная общественная культурно-просветительская организация «Знание» (Тюмень)
МОО "Сибирское казачье войско" Союза казаков России (Тюмень)
Обско-Полярная казачья линия СКВ Союза казаков России (ЯНАО)
Южно-Тобольское отдельское казачье общество (Тюмень)

Приглашают к участию в традиционной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Осмысление и роль казачества (казаков) в присоединении Сибири и Дальнего Востока к России».

Конференция пройдёт 26-27 октября 2023 года в очно-заочной форме.

Основные направления работы конференции:

1. Казачество как социально-политический феномен в истории Российского государства и общества.
2. Роль казаков в становлении, формировании и укреплении Евразийской Российской государственности.
3. Фальсификация Российской истории основа (база) для формирования экстремизма, ксенофобии и этнической ненависти.
4. Роль современного казачества в сохранении историко-этнической памяти, воспитании подрастающего поколения на семейных культурно-исторических традициях старшего поколения.
5. Исторические параллели участия казачества в сохранении русского мира в годы Великой Отечественной войны и в специальной военной операции на Украине.
6. Присоединение Сибири и Дальнего Востока в народном фольклоре, сказках, былинах и легендах.
7. Противодействие фальсификации Российской истории, экстремизму в интернет-пространстве: опыт, проблемы и перспективы.
8. Казачество современной России, его роль в казачеведческой науке и в совершенствовании гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.
9. Роль архивов, музеев и библиотек в сохранении историко-этнической памяти и противодействии фальсификации истории Отечества.
10. Памятники и памятные места, как фактор сохранения исторической памяти и патриотического воспитания молодежи.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Сопредседатели:

Зайцев Геннадий Степанович – Советник Верховного атамана СКР, член Общественной палаты Тюменской области и правления ТООКПО «Знание», почётный атаман Обско-Полярной казачьей линии Сибирского казачьего войска Союза казаков России (ОПКЛ), к.и.н. (Тюмень)

Степанченко Валерий Иванович – Советник Верховного атамана СКР, атаман Обско-Полярной казачьей линии Сибирского казачьего войска Союза казаков России, первый заместитель атамана Союза сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков, член Российского военно-исторического общества, заслуженный юрист ЯНАО, к.ю.н. (Салехард).

Члены оргкомитета:

Плишкина Ольга Эзимовна - председатель Правления Тюменской областной общественной культурно-просветительской организации "Знание".

Моисеева Галина Георгиевна - член совета ТООО "Ямальский ветеран", серебряный волонтер группы Союза ветеранов ЯНАО "БлагоДарим".

Смирнов Иван Владимирович - сотрудник ТюмГУ.

Справки по телефону: тел. 89222604513; 89123973018; 89199340680

ЗАЯВКА НА УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

В связи с тем, что оргкомитет планирует публикацию материалов конференции до её проведения, для участия в конференции следует до 27 августа 2023 г. отправить в адрес оргкомитета свои **ВЫСТУПЛЕНИЯ** (в электронном виде) и **ЛИЦЕНЗИОННЫЕ ДОГОВОРА** сканированные с подписями в электронном виде и заявки, а оригиналы письмом по данному адресу - 625 006, г. Тюмень, ул. 50 лет Октября, д. 3, кв. 109, Зайцеву Г.С. (прилагаются):

доклад, оформленный в виде статьи для публикации в сборнике – электронной почтой (ataman1950@gambler.ru: znanie.tyumen@gmail.com: i.v.smirnov@utmn.ru) (в объеме до 5-7 машинописных страниц). Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word шрифтом Times New Roman, кегль 12, выравнивание «по ширине», с переносами, интервал полуторный, абзацный отступ – 1 см., все поля – по 2 см.;

в правом верхнем углу – фамилия и инициалы автора, город, вуз/организация, ниже через строку пишется название доклада прописными буквами по центру, ниже, через строку – текст статьи.

Постраничные и концевые сноски не допускаются. Список «Литература» после текста статьи, через строку; располагается по алфавиту, нумерация проставляется от руки (без использования программы автоматической нумерации), ссылки на список литературы в тексте статьи оформляются в квадратных скобках (номер цитируемого источника по списку, страница).

Пример: [1, с. 134]. Образцы библиографического описания: Евсеев В.Н. Быличка и народная христианская легенда: жанровые картины мира // Валихановские чтения-11: сборник материалов международной научно-практической конференции (Казахстан, г. Кокшетау, 21-23 апр. 2006 г.) / редкол. А.А. Айтмухамбетов, И.С. Карабулатова, Е.А. Журавлева и др. Кокшетау, 2006. С. 75-78; Евсеев В.Н.

Мифологические рассказы юга Тюменской области. Былички и бывальщины. М., 2004. 216 с.; Евсеев В.Н. Многоголосие мира: о романе В. Белова «Кануны»// Литературное обозрение. М., 1988. № 4. С. 40-43; Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень, 2005. 366 с.

Оргкомитет оставляет за собой право отклонить материалы, не соответствующие тематике конференции или не оформленные для публикации в соответствии с требованиями, а также напоминает, что ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий, иных сведений, за соблюдение законов об индивидуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Командировочные расходы за счёт командирующей стороны.

Стоимость сборника – 350 р. (не включая пересылку). Авторы и участники конференции получают сборник бесплатно (оплачивают только пересылку).

Заявка

- 1.ФИО.
- 2.Место работы.
- 3.должность.
- 4.ученая степень и звание.
- 5.Название доклада
- 6.Потребность в технических средствах.
- 7.Почтовый адрес.
8. телефон и e-mail.
9. Необходимость бронирования гостиницы (указать срок и на какую стоимость номера делать заказ).
10. Выслать заполненные два **ЛИЦЕНЗИОННЫХ ДОГОВОРА**

Оргкомитет просит учесть, что впервые конференцию будет готовить один человек (Зайцев Г.С.), на общественных началах. Поэтому, убедительно просим, вычитывать тексты, соблюдать требования по их оформлению и в указанный срок высылать, заявку, статьи и **ЛИЦЕНЗИОННЫЕ ДОГОВОРА**.

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР № _____
о предоставлении права использования
произведения (неисключительная лицензия)

г. Тюмень

«___» _____ 202 года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице директора Библиотеки Кокарева Константина Павловича, действующего на основании Доверенности № ___ от "___" ___ 202__ г. года, с одной стороны, и _____ (ФИО всех авторов полностью в последовательности, соответствующей упоминанию в произведении), именуемые в дальнейшем «Лицензиары», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Стороны», заключили настоящий договор (далее - Договор) о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. Лицензиары предоставляют Лицензиату безвозмездно на условиях, изложенных в настоящем Договоре, право использования произведения «_____» (далее – произведение).

1.2. Лицензиары гарантируют, что являются правообладателями исключительного права на произведение.

2. Гарантии сторон

2.1. Лицензиат гарантирует соблюдение законных интересов и неотчуждаемых прав Лицензиаров.

2.2. Лицензиары сохраняют за собой право выдачи лицензий другим лицам.

3. Права, передаваемые лицензиату, права и обязанности Сторон

3.1. Лицензиары обязуются:

3.1.1. Передать Лицензиату для дальнейшего использования экземпляр произведения в течение 3 дней с момента заключения настоящего Договора.

3.1.2. Воздерживаться от каких-либо действий, способных затруднить осуществление Лицензиатом предоставленных ему по настоящему Договору прав.

3.2. Лицензиары вправе:

3.2.1. Знакомиться с документами, относящимися к использованию произведения.

3.2.2. Лицензиары при любом использовании произведения вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания.

3.3. Лицензиат обязуется:

3.3.1. Представлять отчеты об использовании Произведения Лицензиарам по их требованию в порядке и сроки, указанные в таком требовании.

3.4. По настоящему договору Лицензиары предоставляют Лицензиату право использования

Произведения следующими способами:

- использовать метаданные (название, имя автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) произведений путем распространения и доведения до всеобщего сведения, научной обработки (систематизация, предметизация, каталогизация), переводить произведения в электронную форму;

- воспроизводить и распространять произведение посредством предоставления пользователям возможности просмотра, скачивания и копирования электронных копий произведения в открытом доступе на платформах: электронной библиотеки ТюмГУ, в институциональном репозитории ТюмГУ, E-Library (РИНЦ), Межвузовской электронной библиотеки (МЭБ НГПУ), Национальной электронной библиотеки (НЭБ) и других электронных библиотек, ведущих российских и зарубежных вузов; а также включать в различные базы данных (БД) и электронные библиотечные системы (ЭБС);

3.5. Лицензиары, в целях исполнения настоящего договора, предоставляют Лицензиату право хранения и обработки, следующих своих персональных данных без ограничения по сроку: фамилия, имя, отчество; паспортные данные.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчетности и т.п.

Согласие Лицензиаров на обработку персональных данных действует до дня его отзыва в письменном виде.

4. Расторжение договора

4.1. Стороны вправе досрочно расторгнуть Договор по письменному соглашению.

4.2. Лицензиары вправе расторгнуть договор в случае непредставления Лицензиатом возможности Лицензиарам ознакомиться с документами, отчетами об использовании Произведения.

5. Заключительные положения

5.1. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания и действует в течение 70 (семидесяти) лет.

5.2. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения соглашения, споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.3. Все изменения и дополнения к настоящему Договору должны быть совершены в письменной форме.

5.4. Во всем, что не урегулировано настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.5. Настоящий Договор составлен в _____ экземплярах, имеющих равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиары:

ФИО _____ паспорт: _____ адрес регистрации: _____ тел. e-mail _____ Лицензиат:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет»

ИНН/КПП: 7202010861/720301001;

юр. адрес: ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003

_____/_____/

(подпись)

ФИО _____ паспорт: _____ адрес регистрации: _____

тел. /e-mail: _____

(подпись) _____ / К.П. Кокарев /

М. П.

АКТ

приема – передачи произведения

г. Тюмень «__» _____ 20__ года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице директора Библиотеки Кокарева Константина Павловича, действующего на основании Доверенности № ___ от " __ " 202__ г. года, с одной стороны, _____ (ФИО всех авторов полностью в последовательности, соответствующей упоминанию в произведении), именуемые в дальнейшем «Лицензиары», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Стороны», составили настоящий акт к договору № ___ от «__» _____ года о нижеследующем.

1. Лицензиары передали, а Лицензиат принял в соответствии с условиями Договора 1 (один) экземпляр Произведения _____

2. Стороны взаимных претензий по порядку и объему исполнения обязательств по Договору не имеют.

3. Настоящий Акт составлен в ___ экземплярах, имеющих равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

4. Подписи Сторон

Лицензиары:

ФИО _____

_____/_____/

(подпись) Лицензиат:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет»

ФИО _____

_____/_____/

(подпись)

_____ / К.П. Кокарев /

М. П.

Новости Тюмени

09.03.23 год, в представительстве ЯНАО в Тюменской области состоялась встреча с потрясающим человеком, журналистом, писателем Козловым Сергеем Сергеевичем. Он написал роман «Романовы», сейчас по этой книге снимают двенадцати серийный художественный фильм. Делегацию ТООО «Ямальский ветеран» представляли Ташкевич В. А., Моисеева Г. Г. и советник Верховного атамана СКР Зайцев Г. С.

В ходе встречи состоялся обмен мнениями, а также Сергею Сергеевичу вручили словарь-справочник «Ермак» под редакцией Зайцева Г. С. и Степанченко В. И.

В ответном слове гость выразил благодарность и в свою очередь подарил свой роман «Романовы» с дарственной надписью Зайцеву Г. С.

История России

Одесситы - единственные в СССР - устроили самосуд в 1944 году

<https://dzen.ru/a/Y-DRvU0vHIKO9J8E>

Многим кажется, что одесситы - абсолютно мирные и очень юморные люди. Которых больше заботят собственные проблемы, финансы, берег моря, а вовсе не глобальные проблемы и потрясения.

Наверное, они самые мирные во всей Украине. Так складывалось исторически, ведь, например, ещё сто с лишним лет назад пацифистская еврейская община насчитывала в Одессе аж 125 тысяч человек.

Но сейчас Одесса - другая. Один миллион жителей ждёт нас. Чтобы расквитаться за 2 мая 2014-го, за пытки и убийства, за террор и мины, за всех, кому не давали вспоминать Великую победу 1945-го. И мы обязательно придём - по крайней мере такой сигнал 22 апреля дало наше Министерство обороны.

А когда придём, даже страшно представить, что будет с теми, кто хоть как-то причастен к иезуитской казни в Доме профсоюзов. Ведь именно Одесса - из всех городов СССР – единственная, кто устроила самосуд по отношению к румынским, фашистским, бандеровским палачам и полицаям. Висели они повсюду - все! Пачками.

Суды и публичные казни в Харькове, Николаеве, Киеве, Полтаве, Донецке (Сталино) – конечно же, были. Но самосуд - только в Одессе.

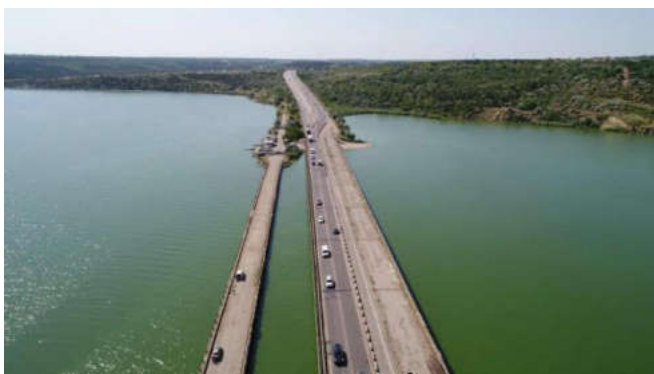
А чтобы понять нынешний настрой одесситов, посмотрите, какие там плакаты умудряются вывешивать сейчас - при нынешней власти карателей, которые стреляют без предупреждений.

А вот это фото, пусть и не политкорректное, но - очень многое говорящее. Билборд в городе вывесили серьезные brutальные одесские мужчины, обращаясь конкретно к нацбатовцам, взрывающим после себя вся и всё, включая мосты и ж/д полотна:

А отдельно украинским националистам объяснили, что на постройку печально известного долгостроя Одесской области - того самого моста - люди собирали «всем миром». Мост этот начали возводить ещё в 2008-м году, а до этого выехать из Одессы или въехать в него было самой настоящей проблемой.

По слухам, строительство этого моста через Хаджибейский лиман софинансировала местная мафия, зарабатывающая миллиарды на контрабанде, а также криминальные зернотрейдеры, контролирующие экспорт пшеницы. Это именно они по своим каналам объяснили кое-кому из ВСУ, чтобы с тротилом сюда даже и не совались: «Вычислим».

Ну, а теперь вспомним, что сделали в "жемчужине Черного моря" с нацистами в 1944-м. Почему был устроен такой самосуд. Причем вопрос с оккупантами был «закрит» ещё до того, как в Одессу вошли части генерала Малиновского и НКВД.

Одесса почти три года провела под властью фашистской Румынии.

В начале 1944 года, когда к городу приблизилась линия фронта, контроль над Одессой полностью взяли немцы. 9 апреля 1944 года войска 3-го Украинского фронта начали штурм «южной Пальмиры», и в итоге 304-я пехотная дивизия вермахта предпочла отступить за Днестр.

В ночь на 10 апреля фашисты в спешке покидали Одессу. Вместе с немцами и румынами эвакуировалось немало их украинских пособников. Однако уехать, разумеется, смогли не все. Красная Армия на целые сутки перекрыла город, чтобы никто не смог его покинуть. Пока в Одессу не вошли части НКВД, одесситы сами и вершили суд над оккупантами и предателями.

Поводов для мести было немало. Уходя, немцы и румыны разграбили Археологический музей, уничтожили промышленные предприятия, вывезли библиотеки, оборудование больниц и клиник. В порту были взорваны постройки, а одесскую бухту оккупанты захламили затопленными кораблями. Но главная причина самосуда, конечно же, заключалась в другом.

Несмотря на более «свободные» порядки по сравнению с территориями, оккупированными немцами, в Одессе царил разгул террора. Особенно пострадало еврейское население, не успевшее эвакуироваться в 1941 году.

Одно из самых страшных событий Холокоста произошло в лагере при совхозе Богдановка, где было расстреляно 54 тысячи человек. Не «дремала» и сигуранца – «румынское гестапо». За годы оккупации она уничтожила 10 тысяч человек, заподозренных в связях с партизанами и коммунистами.

Согласно воспоминаниям маршала Родиона Малиновского, буквально за день до бегства, 9 апреля, немцы устроили массовую казнь одесситов в глиняном карьере. Под пулями врага падали старики, женщины и дети. В этой бойне погибли 400 человек, в том числе 30 детей.

О том, как именно происходила расправа над оккупантами и предателями, сведений немного. Оно и понятно – с правовой точки зрения самосуд на освобождённых территориях попадал в «серую зону». Возможно, что советские правоохранители намеренно допустили подобный период, чтобы облегчить себе работу.

Согласно распространённой версии, на главной площади Одессы были установлены сотни виселиц. Пособников врага, предположительно, «вздёрнули» на скорую руку, после чего орудия казни убрали.

Любопытное свидетельство о правосудии в Одессе оставил советский лейтенант Владимир Гельфанд. В его дневниковой записи от 12 апреля 1944 года ничего не сказано о событиях на главной площади. Зато Гельфанд своими глазами видел машину-виселицу на улице Тираспольской. Одесситы собрались около неё, чтобы поглядеть на казнь «трёх мерзавцев» – двух румын и одного русского, которые бесчинствовали в селе Анатолевка под Одессой. Над ними формально всё же был совершён «суд».

«Один из румын был сильно расстроен и еле держался на ногах от предчувствия смерти, – писал Гельфанд. – Два других гада ничем не выдавали своих чувств, и глаза их смотрели безразлично в толпу. Я подошёл ближе и выслушал приговор. Потом отъехала машина, они стянулись с борта и повисли в воздухе. Средний, безразличный румын, забился ненадолго в судороге, и всё кончилось. Два других даже не шевельнулись – в агонии они были слабее среднего».

Чуть позже на остывшие трупы были выброшены таблички с указанием вины казнённых.

Ещё одного повешенного румына Гельфанд видел поблизости от сожжённого одесского вокзала. Как было указано, оккупант понёс кару «за насильничанье и расстрелы мирных граждан».

При этом известен Кишинёвский судебный процесс, проходивший с 6 по 13 декабря 1947 года. Подсудимые – трое немцев и семь румын. Во время войны они зверствовали в Одессе и были причастны к убийствам одесских евреев. Поскольку смертной казни в СССР в тот период не существовало, изверги отделались тюремными сроками.

Вот и сейчас всех их - кто устроил бойню в Доме профсоюзов, во главе с Гончаренко, ждут обычные тюремные сроки. Такое у нас законодательство. И выйдут они в 2040-м году на свободу, и будут доживать свой век где-нибудь в Германии, на выделенную "нацистскую пенсию".

Депутаты Госдумы, сенаторы Совета Федерации, Владимир Владимирович, вы правда считаете, что это справедливо?

Комментарии192

[вайс](#)

История воздаст каждому своё.

[И.В.](#)

Кадры расправы в Доме профсоюзов потрясли... Одесса больше не город юмора.

[Все врут](#)

Одесса уже не та! Не поверю, что на земле 404-го хутора остались хоть сколько-то адекватные люди. НЕ ПОВЕРЮ!

История России

Непобедимый. 1801-1839 гг. Самсон-хан – русский дезертир на генеральской службе у персидского хана. Капитан Альбрандт, штурм Гимров и его задание по возвращению из Персии беглых русских солдат

https://pulse.mail.ru/article/nepobedimyj-1801-1839-gg-samson-han-russkij-dezertir-na-generalskoj-sluzhbe-u-persidskogo-hana-kapitan-albrandt-shturm-gimrov-i-ego-zadanie-po-463469244758433027-7888993438560749320/?user_session_id=285994563f9fa30&qid=5ad3829d127886b2&utm_content=source_only_fulltext&utm_partner_id=901

Посвящается доблестному 44-му Нижегородскому драгунскому полку, русским воинам, павшим за Отечество, и их родственникам.

Особое место на страницах полковой истории занимает ответственное и опасное задание, связанное с волей императора Николая I, пожелавшего вернуть в Россию из Персии всех беглых русских солдат, которых набрался там целый батальон, и которые нашли себе пристанище среди иноверцев в землях персидского шаха.

Укрывательство наших солдат в Персии имело вредное влияние на нравственность кавказских войск, в особенности пограничных. А чтобы дезертиры охотнее возвратились в Россию, государь даровал им прощение.

Задание это было блестящим образом исполнено капитаном Нижегородского полка Альбрандтом.

Для полковой хроники эта история интересна тем, что и сподвижниками Альбрандта в этом нелегком деле были также Нижегородцы – поручик Яневич и подполковник Баратов.

Самым «знаменитым» из беглецов того времени был старый вахмистр Нижегородского же полка Самсон Яковлевич Макинцов – Самсон-хан, как его называли при персидском шахе, где он служил, по-нашему, в ранге генерал-лейтенанта.

Уроженец Ставропольской губернии, он бежал ещё в начале 19 века. Человек умный и обладавший отменными боевыми качествами, он был принят на персидскую службу сразу офицером и дал шаху мысль сформировать из русских дезертиров отдельный батальон, который и получил под своё командование со званием серхенга – полковника. Это было началом его военной карьеры, которая доставила ему богатства, почести и уважение среди персидского общества.

Созданный им батальон не замедлил совершить ряд боевых подвигов, и его неоднократные победы над турками и успешные действия в Курдистане принесли ему название «Бехадыран», что означает «Батальон богатырей».

Батальон Самсон-шаха содержал Дворцовый караул и «составлял охрану спокойствия правителей Персии, надежду на штурмах и в делах решительных». Он во многом посодействовал Магомет-шаху, наследнику Аббас-Мирзы, овладеть престолом, который был похищен у него Зели-султаном.

Однако воевать против русских Самсон-хан, сохранивший православие, отказался: «Мы клялись на Святом Евангелии не стрелять против своих одноверцев и клятве нашей не изменим». Тогда Аббас-Мирза назначил его своим военным советником, а русский батальон обещал держать в резерве, поставив во главе его перса Касум-хана. А с 1828 года батальон возглавил бежавший с кордонной линии в Армении прапорщик Скрыплев, женившийся на дочери Самсон-хана.

Вырвать из рук персиян подобный батальон, славившийся на всю страну, было делом на грани возможностей, но именно это и предстояло сделать Альбрандту – император Николай Павлович в 1837 году выразил «по этому вопросу» свою непреклонную волю.

Тогда же нашему полномочному министру в Персии было передано повеление государя «склонить шаха к добровольной уступке», а в случае отказа – покинуть Тегеран вместе со всеми членами дипломатической миссии.

Шах согласился, хотя, как показали события, не совсем искренне, и поставил условие, чтобы инициатива этого «мероприятия» шла от русского правительства. После этого кавказскому командованию оставалось только «изыскать» способ, каким можно было исполнить желание государя.

Посылать в Персию вооруженную команду было делом насколько опасным, настолько и бесполезным. Опасным потому, что команда, в случае каких-либо «нестыковок», могла погибнуть, а бесполезным – потому что дезертиры, увидя, что за ними присланы войска, легко могли пойти на вооруженный конфликт или просто разбежаться. Нужен был человек, сумевший бы воздействовать на беглецов только силой убеждения. И такого человека нашли – это был капитан Нижегородского полка Лев Львович Альбрандт, состоявший в то время старшим адъютантом при штабе Кавказского корпуса.

Он родился в Херсонской губернии в бедной семье. После тринадцати лет гражданской службы, куда он поступил по желанию отца, он вышел в отставку и в 1832 году, уже не в молодых годах, волонтером прибыл на Кавказ.

В том же году он проявил храбрость и мужество: будучи ещё простым волонтером, он в отряде охотников (команда из солдат и офицеров, добровольно, по своей охоте, шедшая на выполнение какого-либо опасного задания) участвовал в знаменитом штурме аула Гимры и Гимринской башни, в которой выдерживал осаду сам Кази-мулла (Газимагомед), первый имам Дагестана и Чечни, со своим сподвижниками: знаменосцем по имени Гитин, Шамилем – будущим имамом Дагестана и Чечни, двоюродным братом Шамиля – всего 18 человек.

Альбрандт первый вскочил в амбразуру башни и был ранен ружейными выстрелами в грудь, в правое плечо и в левую ногу. Здесь и мог бы он геройски окончить свою жизнь ... но зато из коллежских асессоров по представлению главнокомандующего он был произведен сразу в штаб-ротмистры с зачислением по кавалерии.

Ф.А. Рубо. Штурм аула Гимры

При штурме Гимринской башни Кази-мулла погиб. Шамиль был ранен, но каким-то чудом ему удалось бежать. Башня не сохранилась, но была восстановлена вновь и стоит на месте боя, на ней – памятная табличка.

А в находящемся рядом доме имама Шамиля организован музей.

Табличка на доме Шамиля. Фото из интернет

Как пишут историки, аул Гимры для Дагестана – то же самое, что Бородино для России. Из 3-х имамов Дагестана и Чечни двое были родом из этого селения: Шамиль и Кази-мулла свято почитаются до сих пор, а Гимринская башня является «святым местом».

Гимры считались неприступными – среди горцев даже бытовала пословица, что «русские могут сойти в Гимры только с дождем».

Главнокомандующий барон Розен, так описывал в донесении труднодоступность селения: «Дабы с вершины скалистого хребта, составляющего правый берег Сулака, приблизиться к Гимрам ... нужно на пространстве 4-х верст спуститься по узкой каменной тропинке вдоль косогоры и обрывов. Тропинка эта большею частью так крута, что даже пешие люди спускаются с опасностью. Далее спуск продолжается на пространстве также около 4-х верст узкими скалистыми уступами, из коих один переходит на другой по тропинкам, высеченным на камне и возможным только для пеших. С одного из сих уступов даже нельзя иначе сойти как по деревянной лестнице.

Вправо от сей дороги отделяется одна едва заметная тропинка, спускающаяся между скалистыми обрывами несколько ниже Гимр; но по оной с последней скалы нужно на пространстве 30 сажень перескакать с камня на камень по одному человеку, на что решаются только самые отважные горцы.

Влево же от сказанной дороги тянется над обрывами узкая тропинка, протяжением около 10 верст, выходящая на спуск, который до соединения с сею тропинкой несравненно труднее первого, но далее идет довольно отлогим глубоким суживающимся ущельем между огромными почти скалистыми высотами. Это ущелье, ведущее к Гимрам, было преграждено тремя каменными стенами, а скалы по бокам усыпаны каменными же завалами, расположенными в несколько ярусов с весьма хорошим военным соображением».

Но, несмотря все трудности и героическое сопротивление горцев, все три стены были взяты.

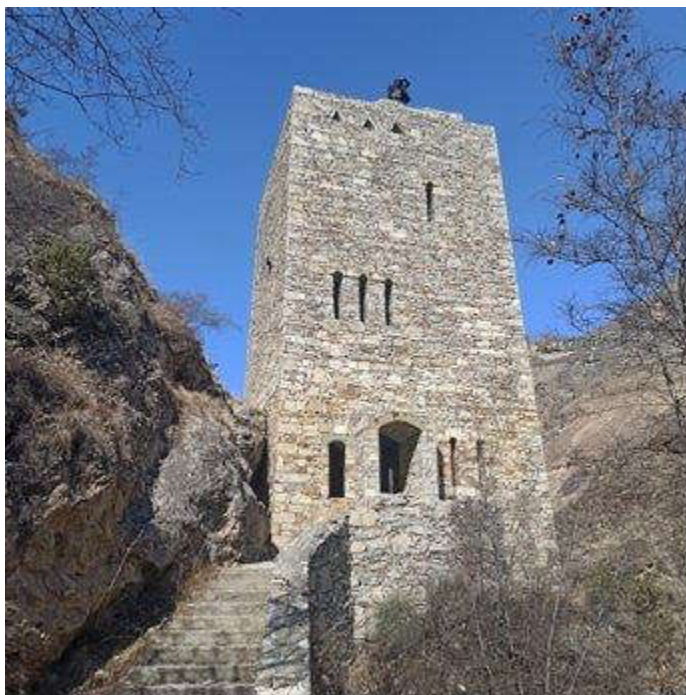
После пленения Шамиля в 1859 году М. Н. Чичагова – супруга полковника Чичагова, который был приставлен к Шамилю в период его жизни в Калуге, опубликовала биографический очерк. Эпизод гибели Газимагомеда при штурме Гимринской башни, со слов Шамиля, описан следующим образом:

«... Тогда Газимагомед сказал Шамилю: „Здесь нас всех перебьют, и мы погибнем, не сделав вреда неверным, лучше выйдем и умрём, пробиваясь“. С этими словами он, надвинув на глаза шапку, бросился из дверей. Только что он выбежал из башни, как солдат ударил его в затылок камнем. Кази-Магомед упал и тут же был заколот штыками. Шамиль, видя, что против дверей стояли два солдата с прицеленными ружьями, в одно мгновение прыгнул из дверей и очутился сзади обоих. Солдаты тотчас повернулись к нему, но Шамиль изрубил их. Третий солдат побежал от него, но он догнал и убил его. В это время четвёртый солдат воткнул ему в грудь штык так, что конец вошёл ему в спину. Шамиль, схватив правой рукой дуло ружья, левой изрубил солдата (он был левша), выдернул штык и, зажав рану, начал рубить в обе стороны, но никого не убил, потому что солдаты от него отбежали, поражённые его отвагой, а стрелять боялись, чтобы не ранить своих, окружавших Шамиля» (Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. 1889).

Вокруг Гимринской башни установлены мемориальные таблички, на одной из которых начертано: «Здесь приземлился имам Шамиль после прыжка из башни в день гибели первого имама Дагестана и Чечни Газимагомеда».

В рапорте барона Розена из лагеря при селе Гимры от 25 октября 1832 года говорилось:

“Неустранимость, мужество и усердие войск вашего императорского величества начальству моему всемилостивейше вверенных, преодолев все преграды самой природой в огромном виде устроенные и руками с достаточным военным соображением укрепленные, несмотря на суровость горного климата, провели их, чрез непроходимые доселе хребты и ущелья Кавказа, до неприступных Гимров, сделавшихся с 1829 г. гнездилищем всех замыслов и восстаний дагестанцев, чеченцев и других горских племен, руководимых Кази-муллою, известным своими злодеяниями, хитростью, изуверством и смелой военной предприимчивостью... Погибель Кази-муллы, взятие Гимров и покорение койсубулинцев, служба разительным примером для всего Кавказа, обещают ныне спокойствие в Горном Дагестане» (Казиев Ш.М. «Имам Шамиль»).

Гимринская башня сегодня. Фото из интернет

*

В 90-е годы уже нашего, 20-го века, именно Гимры (случайное совпадение?) были одним из оплотов радикального ислама на Кавказе и одним из лидеров по числу членов бандподполья. Вплоть до 2008 года на его территории множество раз вводился режим контртеррористической операции (КТО), а само село «зачищали» силовики.

В январе 2006 года возле села произошёл бой дагестанского ОМОНа с крупной ваххабитской бандой, в котором погибло десять милиционеров. В октябре 2007 года был убит начальник Унцукульского РОВД, и село было также блокировано крупными силами дагестанской милиции, ОМОНа и федеральных войск. Аул был окружён сетью блок-постов и КПП. Гимринский тоннель, являющийся главной транспортной артерией, связывавший район с остальной республикой, был заблокирован.

В 2008 г. КТО продолжалась в течение семи с половиной месяцев.

И в наше время этот мятежный аул де-факто жил «по шариату».

Сегодня Гимры – режимное поселение (единственное в Дагестане). На въездах в аул — посты командированных из центральных областей России полицейских. Они проверяют документы у всех, направляющихся в село и покидающих его. Все взрослые жители села имеют свой числовой номер и вместе с документами называют его при въезде и выезде из аула. Ещё пару лет назад посторонним для посещения аула требовалось оформить в РОВД разрешение на въезд.

*

... В 1835 Альбрандт году был переведён в Нижегородский драгунский полк капитаном.

Из ряда экспедиций, в которых он участвовал на правом фланге и на берегу Черного моря, одна имела для него особое значение. Это было в июне 1837 года (в этом году [в Нижегородский полк прибыл сосланный на Кавказ М. Ю. Лермонтов](#) и в этом же году, в [октябре месяце](#), Кавказ посетил [Николай I](#) – впервые после Петра I), когда русский десант с кораблей высаживался на мысе Адлер, находившемся на земле Цебельдинцев.

И лес, и все побережье были заняты неприятелем; Альбрандт командовал охотниками (опять охотниками!), которые и должны были первыми высадиться на берег – поручение было опасным, и он, как на парад, оделся в новый мундир с блестящими эполетами.

Несмотря на мощный огонь, охотники быстро захватили опушку леса, но, двинувшись дальше, были окружены противником. Назад пришлось пробиваться штыками – и здесь про-

изошёл один из самых кровавых эпизодов цедельбинской экспедиции. В какой-то момент выстрелы в лесу смолкли, и из его глубины доносился только лязг холодного оружия и крики сражавшихся («... бой длился. Резались жестоко, как звери, молча, с грудью грудь». «Валерик», М. Ю. Лермонтов).

Люди падали десятками; почти на глазах Альбрандта был изрублен Александр Бестужев-Марлинский, декабрист, служивший в Нижегородском же полку, один из известнейших писателей 30-х годов; и тело его осталось в руках неприятеля. В современном Адлере писателю установлен барельеф:

Памятник Бестужеву-Марлинскому в Адлере. Фото из интернет

Офицеры погибли почти все, а сам Альбрандт, по его словам, своей жизнью был обязан отчаянной храбрости двух молодых солдат из поляков, которые защищали его самоотверженно, и выползли из леса, сами все покрытые тяжелыми ранами. Только 80 охотников вернулись с ним в лагерь после упорного 4-х часового боя, но зато и горцы, увязшие в бою, дали время десантному отряду высадиться на берег и укрепить лагерь.

Покрытый кровью, с лицом, почерневшим от порохового дыма, Альбрандт явился к командующему барону Розену – и выслушал от него суровое замечание за свою запальчивую храбрость. Но исполнив свой долг, Розен обнял Альбрандта и тут же поздравил его с орденом Владимира 4-й ст.

Буквально через полтора месяца ему было объявлено, в числе прочих, Высочайшее Его Императорского Величества благоволение. В том же году он ещё раз удостоился получить Высочайшее благоволение за примерный порядок и отличное устройство, найденные Государем Императором 9-го Октября при осмотре Штаба Отдельного Кавказского Корпуса.

*

На этом человеке и остановил свой выбор новый командир Кавказского корпуса генерал Головин. Ему предстояло «поработать» одному в чужом государстве с другой религией, среди людей, в военное время преступивших закон, и уже привязанных к своей новой родине различными материальными выгодами. Он должен был вывести на покинутую родину этих военных преступников, несмотря на то, что в его распоряжении не будет ни одного вооруженного солдата. Ему предстояла деятельность не боевого офицера, не даже дипломата, а агитатора и пропагандиста, пламенная речь и твердость духа которого и должны были победить закоренелых преступников.

Отправляя Альбрандта из Тифлиса, генерал Головин дал ему в помощь ещё Нижегородского же полка поручика Яневича, который, как уроженец западных губерний, должен был влиять на поляков.

11-го июня 1838 года Альбрандт получил предписание, 15-го выехал из Тифлиса, а 19-го был уже в Тавризе...

Как всё происходило в Тавризе и Тегеране - следующий пост.

Источник: Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка / сост. В. Потто. - СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1892-1908.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ СТРЕЛЬЦА МОШКИНА

Виктор Лядов

И если, что должно случиться с Иваном, то обязательно случится. Все беды, какие только есть на белом свете, притягивал к себе калужский городской стрелец Мошкин. С детства так повелось. Мальчишки задумают из соседского сада яблоки умыкнуть, Иван с ними, всем ничего, а его поймают и выпорют. Пес ли цепной с привязи сорвется, никого не покусает, а Ваньке от него достанется. И так во всем!

На службе тако ж, за чтоб ни брался - все коряво выходило. И никуда не денешься - служба стрелецкая пожизненная, до гробовой доски. Хошь, не хошь, а тяни ляжку, покуда силы хватает.

Дожил Иван до двадцати пяти годов, да так ничего не нажил. Стрелецкий полуголова сын боярский Василий Слуцкий уж даже боялся его в работы по приказу наряжать - опять кака беда случится. А спрос-то с кого? Вестимо, с начальства! Воевода в Калуге строгий! А полного стрелецкого приказа в городе нет. Нет головы, только полуголова (полуполковик). И тут, на тебе! Грамота из Москвы - надобно засечную черту обновить и на пятьдесят верст в Дикое поле углубить. Воевода князь Юрий Дмитриевич Барятинский давно от Москвы добивался, чтоб засечную черту обновить и от города отодвинуть. А что собой засека представляла? Да крест-накрест поваленные деревья верхушками в Дикое поле направленные. Через такую засеку ни пешему, ни конному дороги нет. А где леса нет, там канавы глубокие вырыты, да башни деревянные, а то каменные с пушками стоят.

Не долго думая, отрядил полуголова сотню стрельцов в засечную стражу, среди них и Мошкина (от начальствующих глаз и неприятностей подальше). Да ещё и сотнику наказал:

- Ты, Митрич, там за Мошкиным присмотри. Он хоть и непутевый, а всё ж наш, стрелецкого рода. И дед, и отец справными государевыми стрельцами были. И в кого он такой уродился?! Ты уж сделай милость, а то снова чего-нибудь учудит. Намедни в карауле у городских ворот стоял, да так стоя, опираясь на пищаль, и заснул. Хорошо заметили во время, что воевода из города собирается. Если б князь его сонного увидел - повесил бы! Да и другим досталось бы.

Для работ на засеке отрядил воевода и казачью станицу с атаманом Микулой Масловым. Выходили из города ранним утром. Туман по полям стелился плотным молоком. На вытянутую руку и рядом идущего не увидишь. Казалось бы, туман должен был поглощать звуки, однако нет. Скрип телег, да лошадиное ржание оповещали любопытные уши окрест на несколько вёрст о передвижении засечных стражей.

Но вот, потянул ветерок, туман поредел, выглянуло солнце. Сразу и от сердца отлегло - в тумане-то лихого ногайского всадника не заметишь, а тот подкрадется, как волк, взмахнет арканом и... поминай как звали, если повезет, то продадут на невольничьем рынке в Крыму, а нет - так и останутся кости белеть посреди Муравского шляха в Диком поле.

Муравский шлях - многовековая разбойничья дорога, протянувшаяся от крымского Перекопа аж до самой до Рязани. На западе упирается шлях в украинные коронные земли, на востоке - в казачьи городки на Дону. Пересекают шлях в полуденном зное лихие ногайские и татарские орды. Иногда они ведут жестокую брань между собой, а чаще сливаются в одну орду и идут грабить, насиловать, забирать в полон, жечь деревни и города на Руси или Речи Посполитой. Не один век движутся народы в поисках лучшей доли по бескрайнему Дикому полю. Но в последнее время Москва стала прибирать эти дикие пустынные просторы под свою руку, стал оживать край! Зазеленела степь садами, тучные стада новых переселенцев ревом и мычанием огласили степные просторы, кое-где устремились к небу православные купола казачьих церквей, стал оживать Муравский шлях. И уже не только вооружённые дикие толпы пересекали степь, появились в степи купеческие кибитки. А где торговля - там деньги, там нажива. Там цивилизация! И уже движутся в разные стороны посольские караваны с обещаниями «вечного мира», который так и не наступает, хотя каждый очередной правитель той или иной стороны клянётся в нём своему соседу.

А вот и речка Тихая сосна, здесь на татарских перелазгах через неё, указанных служилыми людьми Иваном Орефьевым да Фомой Фроловым в «Книге Большого чертежу» предстояло стрельцам подновить заставы, выставить караулы и высматривать, не мелькнет ли на правом низком берегу татарский всадник, предвестник ордынского набега.

Тяжелы земляные работы. Иван спину сорвал, да так, что ни согнуться, ни распрямиться. Что за напасть такая?

- Вот с кем другим случись, - выговаривал сотник, - а от тебя, Ванька, следовало ожидать. Что-то давно от тебя никаких случаев не было. От самой от Калуги! Ну и что с тобой мне во чистом-то поле теперь делать?

- Да отлежусь я, господин сотник, дай денек – бормотал в оправдание Мошкин.

- Ладно уж, отлёживайся. А как полегчает – на тот берег в караул!

Два десятка казаков – все конные – да с десятков стрельцов перебрались на другую сторону реки. Вот и вся сторожа – караул. Перебрались через реку, едва замочив колена. Хоть и брод, однако, сильно в этом году Тихая сосна обмелела.

- Не к добру это, - перебрасывались между собой казаки, - как бы татарин в набег не собрался. Не любит он высокой воды, а как речки местные мелеть начинают, так он тут как тут!

С того берега прихватили стрельцы рогатки, благо, что собирать быстро: вставляй в брус крест-накрест заостренные колья – вот тебе и оборона! Казаки-то, чуть что на конях спасутся, а стрельцам за рогатками от кочевников отбиваться сподручней.

- Главное теперь Дикое поле стеречь, да нашим на тот берег во время весточку послать, ежели что, - так говорил десятник стрельцам, а может, дай Бог, всё и обойдется на этот раз. Не будет набега.

Но не обошлось... Налетели ногайские всадники посреди ночи. Подобрались ползком к рогаткам и вырезали тех, кто на страже стоял. Казаки же в ту пору в дозор подались. Так что взяли стрельцов спросонья тепленькими, ничего не понимающими.

- Что ж теперь будет-то? – спросил Иван у рядом лежащего десятника. Обоих по рукам и ногам скрутили веревками.

- Ну, ежели сразу не прикончили, то видать, парень, полону нам не избежать...

И потянулись унылые, безрадостные дни для Ивана. Гнали пленников в Крым на продажу. Связанные попарно брели они мучимые жаждой под палящим солнцем. Тех, кто уже с трудом ногами передвигал, крымчаки тут же убивали. Ох, Муравский шлях, Муравский шлях... Сколь же людей поглотил ты, как безжалостное чудище ненасытное!

Вот и Кафа. Добрели пленники до этого турецкого города в Крыму. Здесь самый большой невольничий рынок и большой порт. Именно здесь пересекаются торговые пути, ведущие на Запад и Восток. Одновременно здесь останавливаются до четырех сотен кораблей. И всем нужны рабы. Московские пленники за свое умение бегать из неволи ценились гораздо дешевле других. Татарские торговцы в Крыму, выводя свой живой товар на продажу, выдавали русских за поляков и литовцев, громко крича, что это рабы самые свежие, простые, нехитрые, только что приведенные из народа польского, а не московского.

Но ляхи и литвины – людишки хлипкие, на тяжелые работы негодные. А для султанского флота нужны гребцы выносливые, здоровые. А таковые только в московской земле имеются. Вот и попал Иван на каторгу, большую военную галеру. Такой корабль в Европе галеасом называли. На верхней палубе располагались пушки, на нижней – гребцы.

Купил Мошкина некий Абты-паша, капитан, особо отмеченный султаном.

Участь галерного раба была символом бед и страданий: кровавые мозоли на руках, свист бича надсмотрщика, скудное пропитание, а в случае потопления корабля — страшная гибель в морской пучине... Но это на обычной галере. На военной же – собственность султана – было всё же немного полегче. Вместе с Иваном на веслах сидело больше двух сотен земляков из разных мест земли русской, таких же бедолаг — служилых людей, казаков, крестьян, холопов. Многие из них томились в плену уже свыше десятка лет.

Был среди них и Яким Васильев, прошедший в литовском, татарском и турецком плену не много ни мало три десятилетия — полжизни! Турецкий же экипаж насчитывал около 250 человек.

Семь лет прошло с тех пор, как Иван Мошкин попал на каторгу. И вот, судьба казалось бы улыбнулась ему, бедолаге. Летом 1641 года каторга Абты-паши пришла под Азов, незадолго перед тем захваченный у турок донскими казаками. Султан прислал к крепости многочисленное войско и большую флотилию.

«И стал я, — рассказывал он после, — подговаривать своих товарищей, всех невольников, чтоб турок побить и в православную христианскую веру пойтить».

С тревожным чувством смотрели русские пленники на полуразрушенные турецкой артиллерией укрепления Азова, за которыми укрывались их братья-единоверцы, храбрые донцы. Помочь осажденным они ничем не могли. Зато именно здесь Мошкину и его товарищам представился случай приобрести необходимое средство для побега.

Галеасу Абты-паши досталась роль перевозчика пороха. Галерные гребцы, работавшие на разгрузке, небольшими порциями припрятали больше пуда «огненного зелья» и спрятали его в трюме между мешками с сухарями.

Между тем турецкая армия, так и не сумев выкурить из Азова нестигаемых донцов, сняла осаду и отступила. Султан был в гневе. Абты-паша, опасаясь впасть в немилость и потерять не только должность капитана, но и голову в придачу, не пошёл в Стамбул после Азова, а вынужден был скитаться по удаленным от столицы портам в Греции.

Ещё долго Мошкин выжидал удобного случая для захвата судна. И вот однажды, темной ноябрьской ночью «на Дмитриеву субботу», когда все турки, включая капитана, уснули, Мошкин горячей головней поджег украденный порох. Взрыв разметал по палубе около тридцати тел турецких матросов. С остальными турками восставшие невольники покончили в скоротечном рукопашном бою. Мошкин, завладевший саблей, собственноручно сразил капитана галеаса Абты-пашу.

Успех отважного восстания превзошел всякие ожидания: погиб только один русский пленник и 20 были ранены, тогда как у турок из 250 человек команды осталось в живых лишь 40 — их заковали в кандалы, снятые с гребцов. Мошкин в пылу схватки получил тяжелые раны — «в голову и руку стрелами, в голову и живот саблей», и сильно обгорел «по пояс».

Ну кораблем завладели, а что же дальше? И решил Мошкин со товарищи взять курс на запад — во владения христианских государей. Спустя неделю они прибыли в Мессину на Сицилии, находившуюся тогда под властью испанцев. По пути они захватили ещё одно небольшое турецкое судно.

И все, казалось бы хорошо окончилось, но вот же, судьба-судьбинушка опять сыграла злую шутку с Иваном! Испанцы были восхищены отвагой пленных «русинов», но совершенно не представляли, что с ними делать дальше. В конце концов, власти Мессины решили пригласить храбрецов на службу испанскому королю. Бывшим пленникам посулили неплохое жалованье, а получив отказ, посадили нескольких из них под стражу — для устрашения остальных.

В это время не мог Мошкин вступить за своих товарищей - был прикован к постели — полученные раны и ожоги заживали медленно. На ноги он встал не капитаном захваченного галеаса, а бесправным нищим странником — испанцы конфисковали корабль вместе со всем имуществом и трофеями. Хорошо ещё, что обобранных до нитки русских выпустили из города на все четыре стороны.

Путь на родину занял ещё более года. Путь их лежал через Рим, Венецию, Вену и Варшаву. Везде бывших турецких пленников принимали доброжелательно. Ивана даже сам папа римский принял.

Наконец добрались до Москвы... И вот тут-то опять злоклучения. Допросы в иноземном приказе, правда без пыток, как в то время принято было. Но ещё полгода промаялся Иван.

Вместе с Мошкиным до Родины добрались всего 19 человек из первоначальной команды.

Кто-то отстал от товарищей по дороге, кто-то почил в бозе от ран, а кто-то примкнул к бандам наёмников – их тогда много по Европам слонялось.

Но вот всё же вышел Иван Мошкин на свободу! Конечно, наложили на него епитимью – три месяца в монастыре отмаливал он встречу с папой римским. Хоть и папа, но еретик католический.

По царскому указу Иван Мошкин был поверстан в казаки и служил на засечной линии. Дослужился до сотника. Больше в полон не попадал. Крепостные и холопы, бывшие с ним, вместе с денежным вознаграждением получили вольную.

Вот такая удивительная жизнь сложилась у Ивана Мошкина.

Конец Империи

Значение 1916 года

https://dzen.ru/?clid=2226572&from=dist_vz&win=416&yredirect=true

Тёмный историк

Целый ряд исследователей, коих мне доводилось читать (О. С. Поршнева, А. Б. Асташов, К. А. Тарасов и т.д.), обращают внимание на значение 1916 года в изменении солдатских настроений. Письма с фронта показывали нарастающее недовольство даже не столько «бесконечной войной», поглотившей всю кадровую армию и всех подготовленных резервистов к 1916 году, сколько поведением многочисленных «тыловиков». Богатеи или просто ловкачи различными способами (в том числе нелегальными) отлынивали от фронта: шли в Земгор, устраивались по благу на оборонные предприятия, получали должности в канцеляриях запасных частей и т.д. Всё это видели семьи фронтовиков, а в Петрограде и сами «запасники» наблюдали кутежи наживавшихся на войне деятелей.

«По мнению А. Б. Асташова, солдат возмущало в первую очередь поведение «тыловых мародеров». В эту категорию попадали те, кто так или иначе выигрывал от войны: инженеры, банкиры, капиталисты, помещики и другие «богатеи», торговцы и спекулянты...» (с) К. А. Тарасов. Бремя войны: солдаты и рождение социального конфликта в 1917 году. / А. Б. Асташов. Русский фронт. Журнал «Новейшая история России», 2021.

Можно сказать, что «массовое сознание» солдат постепенно переключалось с внешнего врага на внутренних (что ещё позже станет одной из причин Гражданской войны). И, кстати, Февральская революция показала ещё кое-что: неуверенность генералов в том, что фронтовые части пойдут штурмовать Петроград и воевать с «запасниками».

История России

Причины и факты голодомора в Поволжье после Первой мировой войны

<https://pulse.mail.ru/article/prichiny-i-fakty-golodomora-v-povolzhe-posle-pervoj-mirovoj-vojny-6081870197998153921->

[584530162947674839/?user_session_id=2782a4564035000&qid=c3cd3baae853dac9&utm_partner_id=901&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext](https://pulse.mail.ru/article/prichiny-i-fakty-golodomora-v-povolzhe-posle-pervoj-mirovoj-vojny-6081870197998153921-584530162947674839/?user_session_id=2782a4564035000&qid=c3cd3baae853dac9&utm_partner_id=901&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext)

Голод в России является больной темой – голодоморы уносили жизни миллионов людей, но самыми страшными голодными годами считается период первой трети XX века.

На неподготовленных читателей выливаются тонны ужасных подробностей, при этом всю вину за произошедшее старательно вешают на большевиков. Якобы те хотели уничтожить крестьян, осмелившихся противостоять новой власти.

Но не все так прозрачно, как это пытаются представить журналисты. Беспристрастное изучение документов позволило обнаружить несколько фактов, совершенно не укладывающихся в теорию «большого голода».

Природные условия

Оказалось, что голод в Российской империи был довольно частым гостем. Примерно каждые семь лет он наводил собственные порядки в поволжских степях, обрекая на бескормицу большинство жителей. Эти земли, когда-то бывшие целиной, после распашки полей регулярно испытывали суховеи и засуху, губившие будущий урожай еще на корню.

Первая мировая война

Для пополнения войск перед и во время Первой мировой войны царским правительством была проведена повальная мобилизация, в результате чего миллионы крестьян превратились в солдат.

Помимо резкого оттока основных тружеников сел, который привел в числе прочего к сокращению посевов, военнотруженикам пришлось содержать и кормить за счет государства, при этом довоенных запасов хватило только на год с небольшим.

Продразверстка

На самом деле принуждение крестьян к сдаче хлеба было придумано царским правительством. Полностью осуществить задуманное Николаю I не удалось, последующие события заставили воплощать идею конфискации хлеба сначала Временное правительство, затем коммунистов.

К тому же большевики забирали хлеб не безвозмездно: в обмен на продукты жители села получали расписки, которые впоследствии можно было бы обменять на промышленные товары.

Правда, большинство заводов к этому времени стояли, так что крестьяне отдавали хлеб государству не очень охотно, предпочитая продавать его спекулянтам по немного заниженным, но «живым» деньгам. Государство ответило на это введением карательных санкций.

Недовольные таким положением вещей хлеборобы стали сокращать посевные площади. А тут подоспела засуха 1921 года, которая сократила урожай более чем на 20%.

В стране, раздираемой Гражданской войной и разрухой, эта пятая часть стала критической. Из 70 миллионов человек от голода страдали около 20, а умерли более 5 миллионов человек!

Варианты выхода из кризиса

Основная надежда была на помощь зажравшихся стран Европы. Однако Лига наций полностью проигнорировала обращение новообразованной страны, и только вмешательство Максима Горького привлекло внимание к сложившейся ситуации.

Большая часть помощи предполагалась к поставкам в Россию в обмен на условия, которые грозили разделить страну на отдельные территории, подвластные европейским государствам и США.

Для оплаты подобной «гуманитарной» помощи власти были вынуждены пойти на изъятие церковного имущества, которое с удовольствием покупалось за валюту. Именно этими деньгами Россия смогла оплатить продовольствие, спасшее жизнь миллионам, а то и десяткам миллионов человек.

Помогли и другие регионы: на помощь Поволжью пришли соседи, в меньшей степени пострадавшие от засухи, и зажиточная Сибирь; Средняя Азия принимала детей, вывозимых из голодающих районов.

Конец Империи

В Петрограде находилось несколько десятков тысяч дезертиров

Тёмный историк

К периоду Февральской революции в Петрограде находилось почти 100 тысяч «гвардейцев» — запасных гвардейских батальонов. Разумеется, в реальности это были люди, набранные в запасные части гвардии из числа крестьян, рабочих и мещан. В столичной «запасной гвардии» оказалось немало не только бывших революционеров, но и людей с откровенно криминальным прошлым.

«В связи с декриминализацией статей соответствующих законов, таких лиц стало всё больше попадать в армию, в том числе и в гвардию...» (с) А. Б. Асташов. Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции.

В целом эти люди находились в плохих бытовых условиях, большая их часть не желала отправляться на фронт и тем более стрелять в недовольное чем-либо население. Офицеров в таких частях почти не было, те, что были — зачастую сами не желали защищать «царский строй» и являлись офицерами военного времени.

Одновременно в Петрограде находилось несколько десятков тысяч дезертиров, в том числе — бывших «гвардейцев», которые не теряли связь со своими «коллегами», остававшимися в запасных частях. Происходили постоянные конфликты между «гвардейцами», прочими «запасниками», разнообразной городской публикой. В среде «гвардейцев-запасников» всё большей популярностью пользовалась идея о том, что они могут приобрести «новый высокий статус», став «гарантом завоеваний грядущей революции». При этом, местные власти плохо понимали, что происходит в запасных частях. Цитируя уже знакомого читателям последнего царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова:

«...каковы были сведения департамента полиции о настроении войска, офицеров, командного состава?»

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Отвратительные для старого режима?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Какие же?

Протопопов. — Не могу сказать.

Соколов. — Ожидалось ли, что в случае волнения войска перейдут на сторону народа?

Протопопов. — Не ожидалось, в войсках ведь у нас нет агентов.

Соколов. — Вы ожидали, что в случае появления волнений войска подавят их?

Протопопов. — Трудно сказать. Мне казалось, что все, что касалось фабрик и заводов, это — это левый элемент, а то, что пришло из деревни — это правый элемент. Это мое мнение было, и который элемент возьмет верх, как будет, — бог знает...» (с) Падение царского режима. Том 1: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства — Допрос А. Д. Протопопова 21 марта.

При таком уровне осведомленности, организации и компетенции... очень странно, что не «рвануло» ещё раньше...

Конец Империи

Февральская революция

<https://dzen.ru/?yredirect=true>

Февральская революция показала ряд важных для истории моментов, которые я хотел бы упомянуть в предельно простой и даже несколько «субъективной» форме короткого поста.

Во-первых, кадры решают всё. Вот дореволюционная бюрократия и «нарешала» в начале 1917 года, не сумев адекватно воспринять и локализовать угрозу, хотя на первых порах это было вполне реально, на мой взгляд. Но не нашлось в госаппарате того времени реально энергичных и деятельных представителей.

Во-вторых, армия сама по себе, её наличие, ничего не гарантирует. И даже полицейский аппарат ничего не гарантирует (хотя он в Российской империи и был сравнительно малочисленным). Даже в церковном аппарате тоже сидят живые люди, со своими интересами и амбициями. И если царь не соответствует интересам генералов, предпринимателей и прочих «важных людей», то получается в итоге Февральская революция.

«Но ведь это измена? — Только если мы проиграем». (с) Игра престолов.

В-третьих, нужно объективно оценивать эпоху и понимать перемены в обществе и технологиях (в том числе технологиях агитационной работы с населением). То, что годилось в веке, скажем, восемнадцатом, может совершенно «не подойти» к запросам века двадцатого.

Четвертый момент — политическая изоляция, чреватая временным «совпадением интересов». Так уж вышло, что монархия, в лице её конкретного представителя (и ставшего одиозным в массовом сознании окружения), стала «поперек горла» в той или иной форме вообще всем: либералам, социалистам, даже, о ужас, правым. Да, потом они моментально передрались, но дело было сделано.

Наконец, пятый момент — на серьезные проблемы в различных областях государственной и общественной жизни можно не обращать внимания. Какое-то время, порой даже десятки лет. Но потом они дадут о себе знать, в самый неподходящий момент, и всем современникам, на чью долю выпадет «кульминация» подобного отношения к проблемам, «мало не покажется».

Полиция и милиция после февраля 1917 года

Одновременно с «обновлением» органов правопорядка (создание «народной милиции» и «рабочей милиции» вместо старой полиции) происходило массовое освобождение заключенных.

Оно местами было просто стихийным (толпа громила тюрьмы и выпускала всех подряд), так что на свободе оказались не только политические, но и обыкновенные уголовники. Есть любопытная статистика на этот счет:

— из 155 тысяч заключенных Российской империи после Февральской революции в тюрьмах осталось только 30 тысяч преступников;

— одновременно, произошел резкий скачок преступности.

Так, в Москве весной 1917 года было совершено более 20 тысяч преступлений, тогда как весной 1916 года — только 3 тысячи 600 (В. Ж. Дорохов, С. Ю. Яхимович. Создание и деятельность органов охраны правопорядка новой России, февраль — октябрь 1917 года / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2018).

При этом министерство внутренних дел, по воспоминаниям А. Ф. Керенского, было «сразу, с корнем уничтожено». Пришедшая на смену полиции милиция (де-факто не являвшаяся единой организацией и составленная из случайных людей) столкнулась с банальной нехваткой опыта. Любопытно, что позднее белогвардейцы, особенно на юге России (на колчаковском востоке было несколько иначе, там к бывшим жандармам и полицейским относились лучше), всё ещё не собирались доверять бывшим жандармам и полицейским дела контрразведки и государственной стражи. В результате эти структуры наполнялись случайными элементами, нередко — с уголовным прошлым...

Фотография: арестованный полицейский под конвоем революционных солдат на улицах Петрограда, март 1917 года.

Ещё один любопытный момент, связанный с Первой мировой войной и предреволюционным временем. В крупных городах, особенно в Петрограде, ударными темпами росла преступность. Незадолго до Февральской революции петроградский градоначальник Александр Павлович Балк заявлял, что столица переполнена «разросшимся за время войны обнаглевшим преступным элементом...» (с) Вестник полиции, 1916, № 46. Декабрь.

Одной из причин роста преступности являлось нараставшее дезертирство. Другая — массовые перемещения лиц (беженцы, гарнизоны, пополнения и т.д.).

В конце октября 1916 года Николай II утвердил Положение об усилении полиции в 50 губерниях. До 1916 года один городской должен был приходиться на 500 жителей города. А на селе один стражник приходился на 2,5 тысяч жителей. Этого явно не хватало. Но и «поправка» от последнего императора положение меняла слабо: теперь один городской должен был приходиться на 400 городских жителей, на селе — на 2 тысячи.

К началу Февральской революции общая штатная численность полиции Петрограда составляла 6 тысяч 384 человека (В. А. Кудин, М. Ю. Гутман. Полиция и милиция Петрограда в февральско-мартовские дни 1917 года./Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России).

Малочисленность полиции вынуждала постоянно привлекать к подавлению выступлений солдат и казаков. И во многом именно настроения солдат и казаков сыграли ключевую роль в событиях февраля-марта 1917 года. Полиция же была быстро разгромлена, а частично тоже поддержала Революцию...

Фотография: городской, начало XX века.

Гражданская война в России

В белоэмигрантских мемуарах на самом деле можно встретить немало высоких оценок Красной Армии.

<https://dzen.ru/?clid=2226560&win=416&yredirect=true>

«Большевики эшелон за эшелон подвозили свежие подкрепления... высылали на фронт всех курсантов и коммунистов, находившихся в Петрограде, Твери и Москве; надо отдать справедливость, что войска этих двух категорий дрались отлично. Тяжелые орудия большевиков с моря свободно громили наш левый фланг...» (с) белый генерал А. П. Родзянко. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921 год.

«В этот день, кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно — управление, Стойкость и даже некоторый подъем. Бой затягивался, потери росли.

Среди офицеров разговор:

— Ну и дерутся же сегодня большевики!..

— Ничего удивительного — ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...» (с) белый генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты.

«Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из Красной Армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал, с попыткой избить лектора, одного из идейнейших работников нашего национального Центра; особенно обиделись, когда К. отметил, что в красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идёт такое пьянство, что совестно за русскую армию...» (с) белый генерал Алексей Павлович Будберг. Дневник белогвардейца.

История России

Дьявольщина

https://pulse.mail.ru/article/chto-skazala-krasnaya-mashka-popav-v-ruki-k-belogvardejcem-i-chto-oni-s-nej-sdelali-1828311388921994183-5564681343670926743/?user_session_id=29474456401da55&qid=d9573e34880a154b&utm_content=source_only_fulltext&utm_partner_id=901

Женщина красный командир в годы Гражданской

История Гражданской войны в России весьма трагична. Брат шёл на брата, отец на сына, друзья смотрели друг на друга через прицелы винтовок из разных окопов. Да и по поводу так называемой "классовой борьбы" можно выразить большие сомнения. Бывало так, что люди аристократических кровей уходили к большевикам, а крестьяне и рабочие сражались на стороне белых.

Руководитель Белого движения, командующий Добровольческой армией и главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Деникин Антон Иванович, как замечает его биограф Дмитрий Лехович, был более пролетарского происхождения, чем большинство "красных вождей". Но случались и обратные примеры.

В окрестностях Казани была широко известна командирша красных отрядов по кличке "Красная Машка". Рассказывали, что попавшие к ней в руки офицеры и добровольцы подвергались страшным мучениям.

Но и "Красная Машка" сама вскоре оказалась в руках своих врагов. Белые части занявшие Казань в 1918 году начали отходить на другую сторону реки Камы. 1-й Казанский полк состоящий из двух батальонов примерно по четыреста штыков каждый под командованием полковника Германа Лебедева и капитана Федора Мейбома пошел на соединение с группировкой полковника Каппеля, который двигался по линии Бугульма - Уфа.

Белые после освобождения Казани

На одной из станций капитан Мейбом получил приказ атаковать красных в небольшом городке неподалеку. Разведка выяснила, что красные в городе пьяны и бесчинствуют. Нельзя было упускать такой подходящий момент. Рано утром белогвардейцы атаковали противника:

«Краснюки выскакивали из домов в одном нижнем белье в ужасной панике и не могли сообразить, что происходит. Бой был очень короткий из-за неожиданности нашей атаки. Городок был занят, краснюки разбежались в разные стороны. Пленных мы не брали... Второй роте повезло, им удалось захватить весь штаб Красной группы, включая и командиршу «Красную Машку».

Источник: Сборник воспоминаний "Свет во тьме: в борьбе за Россию". Подполковник Мейбом Федор Федорович "Тернистый путь"

Полковник Сахаров приказал капитану Мейбому немедленно расстрелять всех пленных из штаба. Кроме "Красной Машки", которую, в связи с её известностью, приказал сохранить до его возвращения. Сам же капитан Мейбом услышав о том, что Машка родом из аристократической семьи решил с ней лично увидеться. Какого же было его удивление, когда он узнал в ней любимую ранее женщину:

Приказал привести её ко мне. Мысленно рисую себе ужасную, грязную женщину. Вводят её и ведут к моему столу. Смотрю на нее и вижу какие-то очень знакомые черты; смотрю и думаю — с кем я ее мешаю? Когда она поравнялась со столом, свет керосиновой лампы осветил её лицо и я чуть не подскочил на стуле... Это была моя прошлая любовь — Верочка.

Мейбом Федор Федорович. "Тернистый путь"

Мейбом Федор Федорович. Офицеры Русской Императорской армии

Капитан начал допрашивать свою бывшую возлюбленную пытаясь выяснить, что же заставило её перейти на сторону красных. Почему она стала творить все эти ужасные вещи: зачем так жестоко расправлялась с пленными офицерами и добровольцами. Женщина не дрогнула и в ответ заявила, что требует прекратить всякую сентиментальность. Она - "Красная Машка" и гордится этим.

Красноармейцы у костра

Да, я уничтожала вас, Царских палачей, и уверяю вас, что если бы я сидела сейчас на вашем месте, то я не задавала бы вам таких вопросов, а приказала бы вывести вас в расход так же быстро, как и остальных ваших бандитов!

Там же

Мейбом в тот момент решил, что слушает бред больной женщины. Новый образ никак не вязался у него со старыми представлениями о "милой гимназистке". "Передо мной сидел зверь - кровожадный и жестокий", - запишет он позже в своих воспоминаниях. Он приказал увести арестованную и остался наедине со своими мыслями.

Как раз в это время пришел приказ из штаба - выдвигаться из города на соединение с другими частями. Предварительно приказано было избавиться от всех пленных, включая "Красную Машку". Но капитана вновь одолевают чувства. Он не может привести приговор в исполнение. Просит вновь привести к нему "Верочку".

Увидев её вновь, он говорит, что не может её спасти. Она приговорена. Но она больна и поэтому у неё есть право выбора. Либо солдаты ставят её к стенке, либо он дает ей заряженный револьвер и она сама в его присутствии сведёт счеты с жизнью. С этими словами некогда влюбленный офицер протянул своей бывшей возлюбленной заряженный наган.

Как не сложно догадаться, "Красная Машка" вовсе не считала себя больной. Получив оружие она не преминула им воспользоваться. Но совсем не так, как рассчитывал капитан Мейбом. Она провернула несколько раз барабан, а затем:

«...с криком "Мерзавец!" выстрелила в меня. Огнем ожгло лицо, пулей сбита с головы фуражка... успел схватить её за руку, вырвать наган, нажать собачку... еще... и еще. "Красная Машка" упала».

Мейбом Федор Федорович. "Тернистый путь"

Мейбом Федор Федорович

Мейбом остался жив. История "Красной Машки" завершилась.

«...я опустился перед ней на колени. Последний раз она открыла свои прелестные глазки и прошептала: “Прости”. То была уже не “Красная Машка”, а та давнишняя прелестная гимназисточка».

Там же

Сам Федор Федорович Мейбом сражался против красных до 1922 года. После оставления белыми Забайкалья участвовал в антибольшевистском перевороте во Владивостоке. Вместе с Повстанческой армией брал Хабаровск. После поражения Белых войск эмигрировал. С окончанием Второй Мировой войны переехал в США и там работал председателем Русского Общевоинского Союза (РОВС).

Гражданская война и революция обернулись не только большой трагедией для всей нашей огромной страны, но и личной трагедией для каждого человека живущего в ней. Можно бесконечно спорить о том, кто в этом виноват. Царь, что не считался со своим народом, большевики, что "продали Россию". И можно бесконечно размышлять о том, "что было бы если...". Только вот история не знает сослагательного наклонения.

История казачества

АМУРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В 1914–1917 гг.

Современники не случайно называли Первую мировую войну 1914–1918 гг. — Великой войной, хотя и не предполагали, что она коренным образом изменит политическую карту мира и психологию значительной части его обитателей, особенно в Европе.

Убийство сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве 15 июня 1914 г. стало для Германии благоприятным поводом развязать войну. Об этом свидетельствует письмо статс-секретаря германского Министерства иностранных дел Г. Ягова своему послу в Лондоне в июле 1914 г.: «В основном Россия сейчас к войне не готова, Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас

количеством своих солдат; её Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа, между тем, все более слабеет».

Германский император Вильгельм II настойчиво побуждал Австро-Венгрию начать против Сербии войну, которая была предрешена ещё на Конопиштском свидании Вильгельма с Францем-Фердинандом. Германия обещала свою помощь в случае вмешательства в конфликт России. Германское правительство допускало, что, выступая против России, ему придется столкнуться с Францией, но это и являлось его главной целью. Участие в войне Англии на стороне России и Франции было для Германии опасно. Но намеки на нейтралитет Англии английского министра иностранных дел Э. Грея фактически толкали Германию на развязывание войны.

По совету Берлина австро-венгерское правительство 10 июля предъявило Сербии ультиматум, составленный в провокационном тоне, с явным расчетом на то, что он не будет принят Сербией. Не удовлетворившись сербским ответом на свой ультиматум, австро-венгерское правительство 15 июля по телеграфу объявило войну Сербии и австрийская артиллерия начала бомбардировку Белграда через пограничную реку Саву.

Российское правительство 16 июля начало мобилизацию пограничных с Австро-Венгрией военных округов, но поскольку стало ясно, что избежать вооруженного конфликта с Германией не удастся, 17 июля объявило всеобщую мобилизацию. Германское правительство 18 июля потребовало от России прекратить мобилизацию до 12 часов 19 июля, пригрозив в противном случае начать мобилизацию в Германии. Русское правительство не ответило на германский ультиматум, 19 июля Германия объявила войну России, 21 июля — Франции, а 22 июля начала военные действия против Бельгии, вероломно нарушив договор об её нейтралитете, гарантированный рядом держав, в том числе и Германией. 20 июля германские войска оккупировали Люксембург. Правительство Великобритании вместе со своими доминионами — Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Южно-Африканским Союзом, 22 июля объявило войну Германии. Война сразу стала мировой. Уже в 1914 г. в войну вступили на стороне Антанты Япония и Египет, на стороне Германии — Турция. Всего в войну было втянуто 33 государства всех континентов.

Русский народ, армия и флот воспринимали эту войну в первые месяцы с патриотическим чувством: дать отпор внешнему врагу! В то время эта война у нас называлась Великая или 2-я Отечественная.

Весомый вклад в дело защиты Родины внесли казачьи кавалерийские и пластунские (пехотные) соединения и подразделения, в том числе и амурские казачьи полки. Казачьи части отличались наивысшей боеспособностью, дисциплиной и воинским мастерством.

Амурское казачье войско, созданное государством, сохраняло и культивировало свои традиционные основы, не отличаясь в этом отношении от более старых казачьих войск.

К 1914 г. его территория протянулась вдоль Амура от границы Забайкальской области до Хабаровска, численность войска достигла 46 823 душ обоего пола и составляла около 20% населения области. В границах современной Амурской области проживало 31 056 человек в 67 станицах и поселках (хуторах), объединенных в станичные округа — Игнашинский, Албазинский, Черняевский, Кумарский, Екатерининский, Николаевский, Константиновский, Поярковский, Иннокентьевский, Раддевский (частично). На начало XX в. значительный прирост населения произошёл за счет осуществляемого по программе Военного министерства массового переселения казаков с Кубани, из Ставрополя и Оренбуржья. Основу хозяйства составляли: земледелие, охота и рыболовство, отхожие промыслы. До начала Первой мировой войны войсковое и личное хозяйство казаков достаточно стабильно развивалось, в основном обеспечивая собственные потребности населения, и было слабо связано с областным рынком. Начало мировой войны и всеобщая мобилизация непосредственно затронули казачье население.

АКВ в военное время должно было выставлять два полка шестисотенного состава и взвод лейб-гвардии Сводного казачьего полка, т.е. всего 121/4 сотен. В мирное время службу несли только части 1-й очереди: взвод лейб-гвардии Сводного казачьего полка и один полк четырехсотенного состава. Накануне войны 8 сотен 2-й и 3-й очереди находились на льготе, на действительной службе — Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк, 1-я

и 2-я сотни которого дислоцировались в Благовещенске, 3-я и 4-я сотни — в Хабаровске, и взвод лейб-гвардии Сводного казачьего полка, располагавшийся в Павловске.

20 июля 1914 г., согласно мобилизационному плану, в АКВ началось развертывание подразделений по штатам военного времени.

В середине сентября были окончательно сформированы для отправки на фронт 1-й и 2-й Амурские конные казачьи полки, запасная конная сотня пополнения и две полусотни конско-фуражного запаса. Кроме того, для прикрытия границы, линии Амурской железной дороги и несения прочей охранной службы в Приамурском генерал-губернаторстве из запасных казаков старших возрастов были сформированы 8 особых конных сотен.

И вот наступил день 28 сентября 1914 г. В Благовещенске на полковом плацу (ныне территория военного госпиталя) выстроился 1-й Амурский генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского казачий полк. Газеты так описывали этот момент:

«...Команда «Смирно! Под знамя! Слушай, на караул!» Блеск оголенных шашек. Полковое знамя слабо качнулось и застыло перед знаменной сотней. Казаки в полном походном снаряжении замерли в строю. «На молитву! Шапки долой! Певчие — пред полк!» По совершении торжественного молебствия полковой священник произнёс прекрасные слова о мужестве и небоязни смерти.

Затем горячее слово отца-командира, полковника Александра Савицкого, напомнившего о присяге, о любви к Царю и Родине! Троекратное «Ура!» Оркестр играет «Боже, Царя храни». Далее, под звуки хватающего за душу марша «Прощание славянки» первые сотни полка двинулись по центральным улицам города на вокзал. По тротуарам тысячи провожающих. На перроне торопливое прощание. Заплаканные матери и жены благословляют казаков и вешают на их шеи ладанки с защитными святынями. Полк отбыл на фронт...».

На переброску к фронту полка (969 сабель и 1030 лошадей) потребовалось несколько эшелонов (160 вагонов из расчета — 8 лошадей или 40 человек).

2-й Амурский конный казачий полк, формировавшийся в станице Екатерино-Никольской, был отправлен сначала в Приморскую область, в селение Ново-Киевское близ залива Посьет. На фронт этот полк был переброшен лишь в октябре 1915 г.

В конце 1914 г. первыми приняли боевое крещение в Восточной Пруссии казаки Амурского взвода 4-й Приамурской сотни лейб-гвардии Сводного казачьего полка. В госархиве Амурской области, в приказе по АКВ №227 за 1915 г. сохранилось донесение командира полка, полковника А. П. Богаевского в войсковое правление АКВ: «... За боевое отличие казаки Амурского взвода награждены мною Георгиевскими крестами.... Счастлив поздравить войско с первыми георгиевскими кавалерами. ... Представляю список награжденных...». Это были казаки Игнашинского, Албазинского, Кумарского, Екатерининского, Поярковского, Иннокентьевского и Михайло-Семеновского станичных округов: У. Шемелин, И. Птицын, А. Альшевский, С. Рязанцев, И. Трухин, Н. Бастрыгин, А. Номоконов, И. Таскаев, В. Ушаков, Т. Швалов и И. Шипунов. (Казак Кумарского станичного округа, вахмистр СКП С. Д. Рязанцев, заслужил в Великую войну Георгиевские кресты 2-й–4-й степеней. В 1920-е гг. есаул Рязанцев стал одним из руководителей Амурской военной организации, неоднократно совершал рейды на территорию Амурской области из Маньчжурии).

1-й АКП в боях 1914–1915 гг. фактически играл роль дивизионной конницы 5-го Сибирского корпуса, вместе с ним переживал удачи и поражения. При этом, конница стала играть присущую ей ударную роль несколько позже, только после создания самостоятельных конных корпусов в составе армий и фронтов.

В феврале 1915 г. на Северо-Западный фронте, русские войска, подавленные превосходством врага, особенно в тяжелой артиллерии, с боями и потерями отходили из Восточной Пруссии. Немцы рвались к Варшаве. Оправившись, Северо-Западный фронт активно контратаковал врага. Немцы были отброшены. У р. Нарев сибирские дивизии и казачьи полки, окружив врага, взяли г. Прасныш (в 100 км севернее Варшавы). Были захвачены десятки тысяч пленных, сотни орудий, боеприпасы. Угроза взятия Варшавы была временно снята.

В Праснышской операции участвовал и 1-й Амурский казачий полк. Приказы по АКВ №398 и №1202 за 1915 г. подтверждают, что за бои под Праснышем 18 казаков-амурцев были награждены Георгиевскими крестами различных степеней, а командир полка А. Г. Савицкий произведен в генерал-майоры. Среди награжденных — казаки Игнашинского, Албазинского и Поярковского станичных округов: Т. Самсонов, А. Мунгалов, И. Некрасов, А. Митясов, С. Семенов.

Летом и осенью 1915 г., после ряда неудачных наступлений русских в 1914 г., немецкие и австро-венгерские войска наступали по всему фронту. Русские войска оказывали упорное сопротивление. Однако мужество и жертвенность не могут заменить нехватку тяжелой артиллерии, пулеметов, винтовок, снарядов и патронов. Результат не замедлил сказаться: немцы не жалели снарядов, русские — людей. Была оставлена Галиция, Польша, часть Прибалтики. «Великое» отступление обошлось Русской армии в 1 миллион 410 тысяч убитых и раненых, 450 тысяч пленных. Погибла значительная часть кадровых офицеров и унтер-офицеров.

Военно-промышленная подготовка страны оказалась в тисках царской бюрократии и воротил крупного российского капитала, которые срывали имеющиеся и потенциальные оборонные возможности. Начиналось брожение в армии. Но боевой дух русских войск был ещё высок. К исходу осени 1915 г. фронт был стабилизирован по линии Рига – Двинск – Пинск – Тернополь – Черновцы. Война перешла в позиционную стадию.

Особую стойкость летом 1915 г. проявили Сибирские армейские корпуса и казачьи подразделения, в том числе — 1-й Амурский казачий полк. Именно эти части, занимавшие оборону по Неману, не дали замкнуть кольцо окружения армий Северо-Западного фронта. За проявленную в боях стойкость 176 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами различных степеней и серебряными медалями «За усердие» на Станиславовской ленте (приказы по АКВ №667, №474, №702, №824, №1023 и №1020 за 1915 г.). В числе награжденных: вахмистры М. Екимов и П. Чупров, урядники З. Попов и И. Пенжуков, штаб-трубач А. Никитин, казаки И. Савин, И. Матвеев, С. Уваров, Ф. Родионов, С. Жданов, С. Куликов. Смертью храбрых пали 34 казака-амурца, 62 были тяжело ранены, более полусотни казаков получили легкие ранения и контузии.

В январе 1916 г. 1-й АКП был отведен с фронта на отдых под Вильно (Вильнюс). Уже в марте, полк, приняв молодое пополнение, был переброшен на Юго-Западный фронт в район г. Черновцы. Полк влился в 3-й конный корпус генерала Ф. А. Келлера, вошедший в состав 9-й армии генерала П. А. Лечицкого. Командиром полка с 18 апреля 1916 г. был назначен полковник Е. Г. Сычев.

На смену 1-му Амурскому полку на Северный (Рижский) фронт прибыл 2-й Амурский казачий полк (командир — полковник Р. А. Вертопрахов), включенный в 27-й армейский корпус. 2-й АКП отбыл на фронт из Приморской области в октябре 1915 г., но на подходе к Петрограду, по требованию министра двора, был на некоторое время направлен для охраны императорской резиденции в Царском Селе.

Кроме вышеназванных фронтовых казачьих полков и взвода лейб-гвардии, в урочище Большой Буялык, близ Одессы, дислоцировались прифронтовые сводные казачьи подразделения Амурского и Уссурийского казачьих войск: конная сотня пополнения и отделение конско-фуражного и вещевого запаса. Подобные подразделения приамурских войск находились и в Челябинске, с подчинением в интендантском отношении штабу Казанского военного округа. Сотня пополнения и безномерной (3-й) Амурский конный резервный казачий полк и войсковое правление квартировали в Благовещенске. По течению Амура, в пунктах нахождения таможенных застав, стояли восемь особых конных сотен. Таким образом, из почти 50-тысячного населения АКВ, по мобилизации под ружье было поставлено 6 тысяч казаков в возрасте от 20 до 40 лет.

Попутно отметим, что по данным Амурского воинского присутствия, в Амурской области в 1914–1917 гг., из 360 тысяч населения было мобилизовано в армию 50 тысяч человек всех сословий, из них 38 тысяч было отправлено на фронт. Невредимыми вернулись 20 тысяч чело-

век, ранеными — 16 тысяч. 14 тысяч человек были убиты, умерли от ран и пропали без вести (газета «Наши дни» №33 от 15 февраля 1919 г.).

В начале 1916 г. началось немецкое наступление на французскую крепость Верден. Выполняя просьбу союзников, русской армии пришлось перейти в немедленное наступление для отвлечения немцев. В весеннюю распутицу, по открытой пристрелянной местности, без всякой подготовки, были брошены в лобовые атаки на немецкие пулеметы и пушки корпуса левого фланга русского Северного фронта на участке Двинск — озеро Нарочь... 80 тысяч русских солдат остались навсегда в кровавой двинской грязи всего за 10 дней наступления. Но главная цель союзников была достигнута — немцы приостановили натиск на Верден. 2-й Амурский казачий полк был во втором эшелоне атакующих войск, поэтому почти не пострадал, но горечь неоправданных потерь глубоко поразила сердца казаков-амурцев.

Летом 1916 г. во время наступления Юго-Западного фронта («Брусиловского прорыва») была очищена от врага территория Буковины и Галиции, площадью в 25 тысяч кв. верст. Австро-венгры потеряли 1,5 млн. убитыми и ранеными, 450 тысяч пленными.

В этих боях участвовал вновь сформированный 3-й конный корпус (26 тысяч сабель и 48 орудий), состоявший из 1-й Донской, Уссурийской казачьих дивизий и Кавказской туземной («Дикой») дивизии. Это была грозная боевая сила. Каждая дивизия имела 4 полка, сведенные в две бригады. В Уссурийскую казачью дивизию (развернутую 18.12.1915 из бригады) входили 1-й Амурский, 1-й Нерчинский, Уссурийский казачий, Приморский драгунский полки и Уссурийский казачий дивизион.

Командиром 1-го Нерчинского полка с 8 октября 1915 г. стал П. Н. Врангель, который впоследствии командовал 1-й бригадой (19.01.1917) и дивизией (23.01.1917). В 1-м Нерчинском полку служили и отличились старые знакомые амурцев, будущие деятели Белого движения на Дальнем Востоке — Р. Ф. Унгерн и Г. М. Семенов.

Из воспоминаний генерала П. Н. Краснова, тогда командира полка 1-й Донской дивизии: «... 3-й конный корпус пользовался в армии громкой боевой славой. ... Помню, как майским утром 1916 года на черном пахотном поле выстроились 48 конных сотен и 12 батарей. Раздались звуки сигнальных труб. На громадном вороном коне, под развевающимся корпусным штандартом, командир корпуса генерал Келлер повёл амурских, уссурийских, забайкальских, донских и терских казаков на вражеские позиции под селениями Баламутовкой, Ржавеницами, Топоровцами и Мамаештами (близ г. Черновцы). Казаки шли на штурм смело и весело. Мы захватили 6 тысяч пленных и богатые трофеи.

П. Н. Врангель свидетельствовал: «...дивизия, составленная из амурских, уссурийских и забайкальских казаков, под начальством генерала Крымова, приобрела в армии заслуженную славу. Казаки дивизии — отличные солдаты — одинаково хорошо сражались как на коне, так и в пешем строю. За блестящую конную атаку в лесистых Карпатах дивизия удостоилась благодарности Верховного главнокомандующего...».

Из телеграммы командира 1-го АКП наказному атаману АКВ К. Н. Хогондокову от 8 июля 1916 г.: «...Спешенный 1-й полк доблестно ходил в штыковую атаку. Нанес поражение врагу. Взял пленных, два пулемета. С поля боя поклон родному войску. Офицеры целы. Казаков убито одиннадцать: Федор Лондарев, Степан Цыганов, Василий Пинегин, Афанасий Вараксин, Алексей Пашенюк, Михаил Самсонов, Кирилл Хоружий, Дмитрий Стрельцов, Василий Гусевский, Иоаким Верхотуров, Яков Шиш. Ранены и контужены 48 казаков. Передайте в утешение родным, что казаки пали в бою, выполняя святую обязанность защиты Отечества. ... Комполка Сычев».

Из телеграммы командира 1-го АКП в войсковое правление АКВ 31 июля 1916 г.: «...Убиты в боях 26–29 июля 10 казаков: Дмитрий Исаков, Василий Лопатин, Семен Пермьяков, Куприян Капинас, Максим Тортоев, Тимофей Корженевский, Федор Утюжников, Иван Шульгин, Михаил Коваленко, Афанасий Мантуло. Ранены 18 казаков. ... Комполка Сычев».

За бои в Карпатах летом 1916 г. сотни казаков-амурцев были отмечены георгиевскими крестами и медалями, десятки из них повторно, в том числе М. Швалов (пос. Верхне-Благовещенский). Приказом по Уссурийской казачьей дивизии награды особо отличившихся погибших

казаков: В. Гусевского (Черняевский округ), В. Лопатина (Кумарский округ) и И. Михайлова (Михайло-Семеновский округ) были отправлены в войсковое правление АКВ для торжественной передачи родным.

Орденами Св. Анны и Св. Станислава с мечами и бантом, с надписью «За храбрость» были награждены 14 офицеров 1-го Амурского полка: Д. Кузнецов, Г. Тонких, А. Бородин, С. Жуковский, Н. Танаев, А. Москалец, В. Воробей, В. Астафьев, А. Попов, Б. Савицкий, А. Бянкин, Л. Черных, Г. Черепухин, Г. Шульгин.

Ободренная успехами русских войск, Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Осенью 1916 г. австро-германцы разгромили неподготовленную румынскую армию. Без боя был сдан Бухарест, король Румынии и правительство бежали в российскую Молдавию. И снова России для спасения союзников пришлось невыгодно удлинить фронт, транспортные коммуникации и ввести в Румынию 35 пехотных и 11 казачьих дивизий, в том числе 3-й конный корпус. Два месяца шли кровопролитные бои с отборными войсками противника.

Михаил Андреевич Швалов (1894–1992), житель поселка Верхне-Благовещенского, бывший казак 4-й сотни 1-го Амурского казачьего полка Уссурийской дивизии рассказывал: «Две недели шли форсированным маршем на помощь разбитым румынам. Затяжные дожди, набухшие шинели и папахи, раскисшие сапоги, сухое питание, отощавшие от бескормицы лошади. Прибыли на позиции — и сразу же в залитые водой окопы. Немцев отбили и сами пошли в наступление. Под городом Мэрешти наш полк ходил в конную атаку. Столкнулись с тяжелой немецкой кавалерией. Немцы, хоть и смелые солдаты, но супротив казаков — слабоваты. Лошади у них толстозадые, неповоротливые, а у всадников, вместо шашек, огромные палаши — двумя руками махать надо. Порубали мы немцев видимо-невидимо. Правда, и наших казаков полегло немало.

В том бою были убиты верхне-благовещенские станичники: Иван Шульгин, Даниил Утюжников, Петр Кармадонов, Петр Карсаков, а Иван Бородин и Георгий Екимов были тяжело ранены...»

В конце января 1917 г. 3-й конный корпус был выведен в резерв Румынского фронта в район Кишинева. 1-й АКП был расквартирован в молдавском селе Парканы. Казаки получили длительную передышку. По воспоминаниям М. А. Швалова истинной причиной отвода 3-го конного корпуса в глубокий тыл был сыпной тиф, которым проболели едва ли не все казаки. Сам Швалов и однополчане вповалку лежали в крестьянских хатах в тяжелом бреду, без достаточной медицинской помощи. «Недуг не взял лишь одного ветеринарного фельдшера, урядника Сашку Гантимурова Игнашинской станицы, который лечил всех казаков. Да спасибо селянам, которые давали молоко, вино и ухаживали за больными».

За два с половиной года войны потери 1-го АКП составили 156 человек убитыми и 488 ранеными. 2-й АКП за год войны на Северном фронте потерял 146 человек убитыми и ранеными. Но фактически потери были больше. Пока нет данных по потерям на Румынском фронте и судьбах около полусотни казаков, пропавших без вести — вероятно, захваченных и расстрелянных немцами и австрийцами, поскольку казаков в плен не брали...

Из офицеров АКВ только командир 1-го Амурского полка, казак Игнашинского станичного округа, Е. Г. Сычев за боевые отличия был награжден Георгиевским оружием. Впоследствии генерал-лейтенант Сычев стал одним из лидеров дальневосточной казачьей эмиграции.

Бывший командир АКП (1908–1913) Э. Ф. Раддац, по существу подготовивший полк к войне, командовал Сибирской казачьей бригадой и 1-й Кавказской казачьей дивизией на Кавказском фронте. За успешные действия против турецких войск награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием.

Последний командир 1-го АКП и командующий войсками Петроградского военного округа перед октябрьским переворотом 1917 г., донской казак, полковник Г. П. Полковников за боевые отличия в Великой войне был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст.

Подъесаул АКП С. П. Зыков, заслуживший орден Св. Георгия 4-й ст. и Золотое оружие в русско-японскую войну, в Первую мировую командовал Туркменским конным полком, бригадой и дивизией, генерал-майор (1917), награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. (1916).

Первый Георгиевский кавалер АКВ Р. А. Вертопрахов достойно командовал 2-м Амурским казачьим полком, впоследствии участвовал в Белом движении на Дальнем Востоке и деятельности казачьих объединений в Китае в эмиграции.

В начале февраля 1917 г. в составе АКВ была сформирована Амурская казачья батарея. Её командиром с 7 апреля 1917 г. был назначен есаул ЗКВ А. П. Соловьев.

Известие о Февральской революции казаки получили лишь 6 марта 1917 г. В этот день всем полкам 3-го конного корпуса был зачитан манифест Николая II об отречении от престола. Сызмальства воспитанные на идее нерушимости присяги и верности царю и Отечеству, многие казаки и офицеры отречения не приняли. Командир 3-го конного корпуса, генерал Ф. А. Келлер отправил Николаю II телеграмму: «Государь, я со своим корпусом не перейду на сторону революции. Остаюсь верен Вашему Величеству до конца».

Однако антимонархические и антивоенные веяния очень быстро проникли и в казачью среду. Этому способствовало влияние на казаков распропагандированных солдат Румынского фронта, расквартированных в Молдавии. Среди казаков хорошо поработали агитаторы как большевиков, так и буржуазно-демократических партий.

Одоблив свержение самодержавия, революционные солдаты гарнизонов Кишинева и Тирасполя приняли активное участие в роспуске и разоружении царской администрации, полиции, жандармерии и претворении в жизнь приказа №1 Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Приказ сыграл важную роль в создании выборных солдатских организаций — полковых и дивизионных комитетов, которые наделялись властными полномочиями: распоряжаться оружием и контролировать действия офицеров. Приказ отменял титулование офицеров, вставание «во фронт» (навытяжку), отдавание чести вне службы, запрещал проявления грубости по отношению к нижним чинам и, в частности, обращение на «ты».

Генерал П. Н. Врангель вспоминал: «...17 марта был полковой праздник 1-го Амурского казачьего полка. Как командир бригады я прибыл в полк... Полком командовал браваый полковник Сычев. Подъехав к построенному для парада полку, я с удивлением увидел на пиках красные флаги вместо сотенных значков. Для флагов казаки использовали подручный материал — юбки из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскакал ко мне с рапортом, а оркестр вместо полкового марша заиграл «Марсельезу» и казаки, помнится, даже подпевали что-то вроде «отречения от старого мира». Приняв рапорт, я спросил Сычева: «Что значит этот маскарад?». Я услышал неожиданный ответ: «Казаки того потребовали...» Поздравив полк с праздником, я обратился к казакам: «Я ожидал встретить ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, под которыми погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Хотел я собрать вас и вылить за славу Амурского войска круговую чарку, но под красной юбкой сидеть не могу...» Круто повернув коня, я поскакал к штабу. Приказом по дивизии я объявил Сычеву выговор. Но он, поддержанный казаками, явился ко мне и заявил, что я оскорбил весь полк, а в его лице всё Амурское казачество и, что сам я не казак. После этого я приказал вступить в командование Амурским полком полковнику Полковникову. В отношении же Сычева распорядился начать расследование для предания суду».

М. А. Швалов, вспоминал: «Поначалу в полковые и вышестоящие комитеты были выбраны рядовые казаки, сполна хлебнувшие фронтовой жизни. В дивизионный комитет Уссурийской казачьей дивизии являлись делегаты от сотен и полков и говорили, что терпение казаков нескончаемой войной не за Родину, а за какие-то «дарданелы», за чьи-то барыши, за союзников (с чем мы уже хорошо разобрались) кончается. «Домой, на Амур, Уссури, в Забайкалье!» Уставшие, измученные окопно-походной жизнью и повальным тифом, потерявшие сотни боевых друзей, казаки неудержимо стремились в родные станицы и хутора.

В целях укрепления дисциплины в войсках и «ведения войны до победного конца» Временное правительство утвердило текст военной присяги: «На верность службе Российскому государству». 18–20 марта 1917 г. новую присягу приняли 1-й и 2-й Амурские казачьи полки. Командир 2-го Амурского полка, полковник Р. А. Вертопрахов телеграфировал наказному атаману АКВ: «Я, офицеры, казаки, приняв присягу новому правительству поддержали его в трудной борьбе по устройству новой свободной дорогой нам Родины...».

Полное согласие подчиниться Временному правительству высказали на сходах и казаки всех станичных округов АКВ. Так, станичный атаман Екатерининского округа Горбунов телеграфировал войсковому правлению: «Казаки округа присоединяются к народному движению и подчиняются Временному правительству без всяких колебаний». Следом пошла телеграмма в Петроград от наказного атамана АКВ К. Н. Хогондокова: «Амурское войско, сохраняя порядок, поддерживает Временное правительство. Примите наши заверения честной службы на благо горячо любимой Родины...».

Правда, рядовые фронтовые казаки и после принятия присяги остались при своем мнении: «хрен редьки не слаще». Большинство казачьих генералов и кадровых офицеров, хотя и приняло новую присягу, но в душе они оставались монархистами. Командир 3-го конного корпуса Ф. А. Келлер за отказ присягать Временному правительству, был смещен и заменен «монархическим демократом» — командиром Уссурийской дивизии генералом А. М. Крымовым.

Одновременно, в противовес приказу №1 Петросовета, командование Румынского фронта издало приказ №270 от 24 марта «О создании Советов офицерских и солдатских депутатов». Этот приказ устанавливал равное, то есть непропорциональное представительство офицеров и солдат в полковых и дивизионных комитетах. При этом созыв их заседаний разрешался только с санкции командиров частей. Это новшество было отвергнуто в солдатской среде, но, на какое-то время прижилось в казачьих подразделениях, где полномочия полковых комитетов были ограничены хозяйственно-бытовыми рамками.

Так, в 1-м АКП, вместо рядовых казаков полковым комитетом управляли кадровые офицеры-монархисты и урядники: есаул Н. Танаев (председатель), ст. урядник Ф. Лапшаков (товарищ председателя), хорунжий В. Спасский (секретарь), полковой адъютант есаул Б. Шепелевский и войсковой старшина Г. Черепяхин (члены). Все протоколы заседаний комитета утверждались командиром полка полковником Г. П. Полковниковым.

М. А. Швалов вспоминал: «Прибрав к рукам полковой комитет, офицеры-старорежимники начали наводить «революционный порядок». Им помогали агитаторы — фронтовые комиссары Временного правительства, истошными призывами: «Армия — вне политики!», «Воевать до победного конца, а не митинговать!». «Казаки-смутьяны», бывшие комитетчики: И. Титов, И. Бакшеев, И. Измайлов, Н. Верещагин, М. Федосеев и П. Сидельников были спешно переведены «для исправления» в Донскую казачью дивизию. Кое-кого из казаков-«вольнодумцев» посадили на гауптвахту. В полку стало широко практиковаться рукоприкладство и использование изощрённых наказаний: многочасовое стояние по стойке «смирно» и ходьба «на корточках».

18 июня 1917 года по приказу А. Ф. Керенского началось наступление Юго-Западного фронта. Наткнувшись на ожесточенное сопротивление австро-немецких войск, неподготовленная к наступлению русская армия, потеряв десятки тысяч убитыми и ранеными, была вынуждена отступить, откатившись далеко от исходных позиций.

После расстрела 3–4 июля 1917 г. демонстрации в Петрограде, Временное правительство, напуганное ростом влияния большевиков на массы, перешло в открытое наступление. На фронтах были восстановлены военно-полевые суды с правом вынесения смертных приговоров. Двоевластие Временного правительства и Петроградского Совета закончилось в пользу первого.

Из протокола заседания «офицерского» полкового комитета 1-го АКП от 12 июля 1917 г., деревня Парканы Бессарабской губернии: «По поводу об отношении к недавнему выступлению большевиков-ленинцев и анархистов в Петрограде полковой комитет постановил: считать их изменниками Родины и особо опасными врагами Временного правительства и свободы России. Мы будем всемерно с ними бороться. Пути к этой борьбе следующие: не допускать выступлений большевиков и распространения газеты «Правда» в нашем полку и всюду, где только представится возможность, пресекать их устремления. Если же эти господа будут делать вооружённые выступления, то мы будем отвечать им тем же...» Протокол подписали: есаул Н. Танаев, есаул Б. Шепелевский, хорунжий В. Спасский, старший урядник Г. Лапшаков, утвердил зам. комполка по строевой части войсковой старшина Г. Черепяхин.

27 июля 1917 г. «офицерский» полковой комитет 1-го полка и комитеты других казачьих подразделений 3-го конного корпуса собрались на съезде фронтовых казаков Юго-Западного фронта в Бердичеве, на котором от имени казаков фронта была принята проправительственная резолюция: «Съезд казаков Юго-Западного фронта одобряет и вполне поддерживает меры беспощадной борьбы с распадом фронта, введенные Временным правительством Керенского по инициативе нашего доблестного станичника, генерала от кавалерии, Главковерха Лавра Корнилова. Мы требуем немедленного проведения этих крутых мер и в тылу всей России, где продолжают антивоенную агитацию безответственные элементы...».

В это время политические события на далеком Амуре шли своей чередой.

Сразу после Февральской революции наказной атаман АКВ, военный губернатор Амурской области генерал-майор К. Н. Хогондоков был отозван в Петроград и передал свои полномочия новой власти — Комитету общественной безопасности (КОБ), который назначил исполняющим обязанности наказного атамана члена войскового правления полковника В. С. Филинова.

21 марта–22 апреля в Благовещенске, в здании Общественного собрания (ныне драмтеатр) проходил 2-й войсковой круг (съезд) АКВ. В президиуме круга были почётные гости — бывшие делегаты 1-го «крамольного» круга АКВ 1905 г.: урядник Михайло-Семеновской станицы А. А. Вертопрахов и казак-учитель Поярковской станицы П. В. Попов, отбывшие шестилетнюю царскую каторгу за антиправительственные выступления. Председателем круга был единогласно избран уроженец станицы Иннокентьевской, выпускник Киевского университета, присяжный поверенный эсер Н. Г. Кожевников. На круге присутствовали 58 делегатов от всех 15 станичных округов, представлявших интересы казачьего населения Амура.

Круг приветствовал свержение самодержавия и принял соответствующую резолюцию: «Съезд казаков Амура, выражая живейшую радость по поводу свержения старого государственного строя, высказывает пожелание о скорейшем созыве всенародного Учредительного собрания для установления нового государственного управления на широких демократических началах». Круг послал приветственную телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Так же круг отстранил от должности советника войскового правления, есаула Г. С. Толстокулакова, упразднил на казачьей территории полицейские участки и переименовал станичные правления в станичные комитеты общественной безопасности. Первым выборным атаманом и одновременно председателем войскового правления АКВ большинством голосов был избран неслужилый казак хутора Верхне-Благовещенский Екатерининского станичного округа, бывший учитель, депутат 4-й Государственной думы от амуро-уссурийского казачества эсер И. М. Гамов. Вместе с тем, делегаты круга образовали исполком 2-го войскового круга АКВ, наделив его контрольными функциями ревизии войскового правления. Председателем казачьего исполкома был избран казак 6-й особой сотни большевик С. Ф. Шадрин, пользовавшийся авторитетом у некоторой части амурских казаков.

Учитывая, что Временное правительство приняло закон об упразднении сословий и чинов, на круге был поставлен вопрос об упразднении казачества и уравнивании его с крестьянством. Но так как в делегатских наказах об этом ничего не говорилось, было решено передать этот вопрос на рассмотрение в станичные округа, тыловые сотни и фронтовые части. Для проведения референдума образовали комиссию во главе с П. В. Поповым, после чего было решено созвать в августе текущего года 3-й войсковой круг с участием фронтовиков. Ввиду предстоящего отъезда в Петроград на Всероссийский съезд казачьих войск представителя АКВ, отставного почётного казака А. А. Вертопрахова, круг принял ряд постановлений, касающихся насущных нужд амурских казаков, которые должен был отстаивать в совете Союза казаков и правительстве делегат войска.

Поголовная мобилизация амурских казаков 22 возрастов, большей части конского состава и отвлечение оставшихся на конвойно-этапную и прочие повинности, лишило станицы самых деятельных работников. На полях преобладали старики, женщины, подростки и старые клячи. Посевные площади сократились на 35%. В этой связи казаки испрашивали у правительства кредит в 17 тысяч рублей на приобретение сельхозмашин и наём мастеровых для их наладки и

эксплуатации, а также право использовать на полевых работах личный состав особых сотен, стоявших на охране границы.

По медицинской части АКВ, где на расстоянии 1 800 верст казачьей полосы работали с мизерным количеством медикаментов всего 6 врачей и 10 фельдшеров, казаки-делегаты ходатайствовали об отпуске бесплатных лекарств и инструментов со складов Приамурского военного округа.

По военно-призывной части войска дело дошло до того, что новобранцы являлись на службу пешими и в штатском платье, поскольку иссякли личные и общественные средства на приобретение служилым строевого коня, обмундирования и амуниции. Казаки настойчиво просили отнести снаряжение на службу на казенный счет. Подобные просьбы были по ветеринарной и агрономической службам, школьному делу и дорожно-мостовому строительству.

По окончании круга оркестр сыграл «Марсельезу» — временный гимн новой власти, и казаки с воодушевлением пропели: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!..»

Чувство социальной справедливости было присуще казачеству с давних времен, в казачьих скрижалях издревле было начертано: «У казаков выборное самоуправление сверху донизу. Казачья земля принадлежит только казакам и не служит предметом купли-продажи, на ней нет собственников, а только пользователи. Верховным распорядителем казачьей земли является все казаки конкретного войска. Родовой казак, атаман, офицер, генерал должны иметь одинаковые права на установленный земельный пай и в решении дел на казачьих сходах. Войсковое хозяйство есть упрощенная коммуна. Однако к исходу 1-й половины XIX века общественно-экономическое движение казаков было задушено мерами царской администрации. Казаки, как земледельцы, были ограничены в своей хозяйственной деятельности. Главным для них, с точки зрения самодержавного государства, было выполнение военно-пограничных и карательных обязанностей. И хозяйство казака, так и не дотянув до товарного типа, превратилось в чисто потребительский натуральный тип. Нельзя было увеличить пашню, расширить огород, лучше наладить своё подворье. Частое привлечение казаков на службу и иные повинности требовали постоянного проживания их в своих станицах. Войсковые территории были разделены на станичные округа и полицейские участки, во главе которых стояли назначенцы — обер-офицеры, зачастую неказачьего происхождения. То же самое происходило и в кадровых казачьих полках, где многие офицеры не были казаками. Войсковые атаманы стали «наказными», то есть, назначаемыми из числа военных губернаторов, которые, в свою очередь, назначали членами войсковых правлений кадровых офицеров. Былому самоуправлению казаков пришёл конец. Правда, за ними оставили выбор станичных и хуторских атаманов, членов станичных правлений, да и то из числа местной казачьей верхушки и отставных урядников-сверхсрочников.

По самой скромной оценке, «издержки» казаков по несению военной и прочих повинностей, то есть затраты личных денег на исполнение царской службы, доходила до 1 200 рублей. Это была огромная по тем временам сумма. Откуда же должен был достать казак эти деньги? С земли, со своего 30-десятинного казачьего пая. И за эту землю казак был обязан верно служить Царю и Отечеству при своём строевом коне, обмундировании и амуниции. Казёнными были винтовка, патроны, питание (на войне и срочной службе) и сама жизнь казака. В то же время кадровым офицерам, приписанным к казачьему сословию, выделялись поистине помещичьи земельные участки в самых хороших местах. Злоупотребляла земельными отношениями и местная «выборная» казачья власть, спихивая многих казаков на неудобья и дальнеземелье.

Не удивительно, что значительная часть амурских казачьих семей, испытывая тяготы царской службы, терпела нужду, залезала в долги и по их неуплате батрачила на зажиточных станичников или войсковую экономическую кассу. Экономическая неустойчивость казачьих хозяйств, порожденная существовавшими порядками, вызывала крайнее недовольство казаков, создавала базу для брожения «крамольных» мыслей в казачьих умах. Не случайно многие амурские казаки были участниками революционных событий 1905–1906 гг. и приветствовали свержение самодержавия в 1917 году.

Большинство активных амурских казаков и казачья интеллигенция посчитали наиболее приемлемой для себя программу партии социалистов-революционеров. Эсеровские лозунги отрицали право частной собственности на землю, декларировали непризнание эксплуатации человека человеком, придерживались уравнительного землепользования на основе применения собственного труда — единоличного или в товариществе.

В мае—июле 1917 г. во всех станичных округах, тыловых сотнях и фронтовых полках АКВ проходили политические сходы-референдумы. Среди прочих вопросов, вынесенных на обсуждение, рассматривались четыре основных — об упразднении или сохранении казачества, об отношении к войне и Временному правительству, о казачьем землеустройстве и о введении на казачьих территориях земства (выборного, бессословного местного самоуправления, единого в масштабе губернии, области, уезда). Одновременно проходили выборы делегатов на 3-й войсковой круг АКВ.

Большую агитационную работу по подбору делегатов и принятию предстоящих решений провели на местах члены амурской эсеровской организации во главе с Н. Г. Кожевниковым, И. М. Гамовым, А. Н. Алексеевским и И. М. Блажиевским, хвалившими Временное правительство и свою партию. Следом перед станичниками выступали кадровые офицеры — члены войскового правления АКВ: полковники С. А. Мунгалов и В. С. Филинов, войсковой старшина А. Г. Макосей-Шибинский и есаул А. П. Федотьев. Правда, заслуг временных правителей и революционных социалистов они не отмечали, но заявляли: «У казаков нет ни правых, ни левых, а есть казаки — верные защитники свободной России!».

В большинстве станиц казаки высказались за сохранение казачества. Так, казаки Албазинского станичного округа наделили своего делегата, старшего урядника А. Ф. Казанова, наказом: «Казаки в течение многовекового существования выработали особый от иных сословий уклад жизни и всецело с ним свыклись. Мы не видим необходимым в изменении традиций казачества и предпочитаем оставаться казаками». Казаки Игнашинского станичного округа записали в протоколе схода: «Мы двумя руками голосуем за казачество. Да и было бы нелепо прежде времени хоронить казачество, чего оно не заслуживает. Нам дорога память предков, кои были пионерами освоения Амурского края, неимоверными лишениями, в буквальном смысле каторжным трудом, они превратили его в достойные для проживания места».

Однако сход казаков Екатерино-Никольского станичного округа в своем протоколе №38 от 9 июля 1917 г. постановил: «Мы высказываемся за упразднение казачества по следующим соображениям. Отбывание воинской повинности тяжелым бременем ложится на казачество. Казак, идя на службу со своим конём, при своей шашке, должен ещё и обмундировываться за свой счёт. Живя на границе с Китаем, казаки должны быть в постоянной готовности отразить возможное нападение своих непредсказуемых соседей. При отбывании многих обязанностей казаки не имеют никакой материальной поддержки со стороны государства, кроме большего, по сравнению с крестьянами, надела земли. Но эти наделы, в большинстве случаев, расположены на неудобьях и, потому зачастую не обрабатываются, поскольку казаки половину своей жизни проводят на службе и хозяйство их приходит в упадок. Мы находим необходимым слиться со всеми земледельцами России. Нам нужны условия жизни, кои бы вполне обеспечивали нас материально».

Не гладко проходили во фронтовых амурских казачьих полках дела по выборам делегатов на 3-й войсковой круг АКВ, референдуму об упразднении казачества и прочим вопросам текущего момента. Во-первых, казаки были недовольны тем, что кандидатуры кандидатов в делегаты выставлялись «офицерскими» полковыми комитетами без их участия. Во-вторых, на полковые сходы казаки являлись, но от голосования многие воздерживались и заявляли: «Скорее замиряйтесь, кончайте войну, возвращайте нас домой, там и разберемся, что к чему, а пока нам не до этого».

Так, во 2-м АКП на Рижском фронте из 1 200 человек личного состава приняли участие в голосовании всего 398 казаков — в основном, офицеры, вахмистры, урядники и молодые казаки, только что прибывшие в полк по замене. При этом выборы всё равно посчитали состоявшимися. Войсковой старшина А. Д. Кузнецов и хорунжий В. П. Перебоев были избраны

единогласно, старший урядник Ф. Я. Попов получил 70 голосов, вахмистр И. А. Вертопрахов — 63, старший урядник И. П. Пермин — 53, казак И. В. Кутузов — 52, старший урядник Н. Г. Рыбаков — 40, вахмистр Н. И. Корженевский — 37, старший урядник К. С. Ташлыков — 28. Первые четыре делегата получили право решающего голоса, остальные — совещательные полномочия.

В более «революционном» 1-м АКП, стоявшем по-прежнему в Бессарабии, на голосование о судьбе казачества явилось 300 человек. Однако, на выборы делегатов круга прибыл весь полк — полторы тысячи казаков, которые единогласно проголосовали за одного «Родю», так уважительно величали в полку заместителя командира по хоз. части полковника Р. С. Иванова (уроженца пос. Верхне-Благовещенский). Старшие урядники П. А. Федореев, И. С. Алексеев, И. Г. Матафонов и другие делегаты получили по 30–40 голосов.

От отдельной Амурской казачьей батарее, отведенной на отдых в Брянск, делегатом круга был избран писарь — старший урядник А. Д. Лопатин. Амурский взвод лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка послал на круг помкомвзвода старшего урядника П. И. Кукушкина.

Всего с фронта было делегировано на 3-й войсковой круг АКВ 18 казаков, которым офицерские полковые комитеты вручили строгий наказ, утвержденный командирами полков: «Всемерно отстаивать на Круге сохранение казачества. Твердо помнить, что за делегатами стоят все фронтовые полки АКВ. Нужно честно выразить на Круге их волю — заставить замолчать тех, кто торгует высоким званием казака и напомнить этим супостатам, что фронтовики сумеют защитить священное знамя казачества».

Так, делегатский наказ 1-го Амурского казачьего полка от 20 июля 1917 г., подписанный председателем полкового комитета есаулом Н. Танаевым и скрепленный печатью комполка, полковника Г. П. Полковникова, гласил: «Выход из казачьего сословия в настоящее тяжелое время, когда взоры всей России и наших союзников обращены на казаков, как на почти единственное спасение нашей свободной России, считать позором. Фронтовые казаки возмущены даже тем, что сам вопрос «быть или не быть казачеству» мог быть поставлен на обсуждение в столь тревожный для Родины период. Лицам, не желающим носить почётное звание казака, предлагаем немедленно выйти из казачьего сословия и покинуть территорию войска».

Делегатский наказ был дополнен протестным пунктом: «Требуем от исполкома 2-го круга и войскового правления АКВ объяснить, на каком это основании наказным атаманом выдвинут, не имеющий военного образования, казак штатской службы Гамов и был допущен на круг не-казачьего сословия, бывший казак, эсер-террорист Кожевников».

3-й войсковой круг АКВ открылся 6 августа 1917 г. В театральном зале благовещенского Общественного собрания — 63 казака-делегата от станичных округов, тыловых сотен и фронтовых частей. С небольшим перевесом большинства делегатских голосов на пост председателя вновь избран эсер Н. Г. Кожевников, но уже в ранге областного комиссара Временного правительства. Приглашенные гости: члены Амурского КОБ, представители купечества, интеллигенции, иностранных резидентов и прессы. Перед началом заседания казачий оркестр сыграл «Марсельезу».

На окончательное решение Круга были вынесены четыре основных вопроса: о сохранении или упразднении казачества; об отношении к войне, Временному правительству, Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов; о введении земства и казачьем землеустройстве. В повестку заседаний был внесен вопросы — о подготовке к выборам в Учредительное собрание и по проблемам казачьей жизни.

подавляющим большинством голосов (60 — «за» и 3 — «против») Круг с возгласами: «Любо!», «Слава станичникам!» проголосовал за сохранение казачества. За упразднение казачьего сословия высказались делегаты Екатерино-Никольского станичного округа. В резолюции круга №10 от 7 августа 1917 г. было записано: «Почти все делегаты от станичных округов, тыловых сотен и фронтовых полков в соответствии с данными им наказами выразили желание сохранить казачество... Мы заявляем, что Российское казачество вообще, а Амурское — в частности, не является сословием с особыми правами и преимуществами. Казачество — это исторически сложившийся, спаянный общей судьбой и условиями жизни народ, сросшийся в одну

могучую земельно-экономическую общину. Звание казака почётно. А потому, лишаться его нет оснований. Казачество не несет в себе ничего противоречащего задачам требованиям Революции...».

Голосуя за сохранение казачества и помня наказы станичников, делегаты вновь потребовали от государства улучшить материальные условия жизни и службы амурских казаков. Кругом были приняты постановления: «О скорейшем возвращении земель отвода Духовского», «Об отнесении всех расходов, связанных с военной службой казаков, на счёт казны», «О снятии с казаков конвойно-этапной службы и полицейских функций», «Об увеличении государственных ассигнований на агрономическую, медицинскую, ветеринарную службы и школьное дело». Делегаты круга приняли решение о введении на территории АКВ самостоятельного казачьего земства (то есть трехстепенного земства — областное, казачье станичное и крестьянское волостное). Принцип объединения казачьих и крестьянских земств был отвергнут.

Круг подтвердил полномочия атамана АКВ И. М. Гамова. Был избран новый состав казачьего исполнительного комитета 3-го круга из семи человек, во главе с делегатом от Пашковского станичного округа отставным старшим урядником П. И. Кибиревым. Бывший председатель казачьего исполкома С. Ф. Шадрин был лишен своих полномочий и возвращен на службу в особую сотню. В состав Амурского КОБ были включены пять членов от АКВ, в том числе учителя — В. Н. Маньков и П. В. Попов.

11 августа 3-й круг АКВ, заканчивая свою бурную шестидневную работу, определил свою политическую линию: «Сплотиться вокруг Временного правительства, довести войну до победного конца в полном согласии с союзниками по Антанте, а мир должен быть заключен на основе отказа противостоящей стороны от захвата чужих территорий. Казачество, как часть русского народа, должно идти рука об руку с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, поскольку интересы трудового народа однородны. Государственная Дума, в связи с контрреволюционными настроениями части её депутатов, должна быть распущена. Дальнейшее государственное устройство России амурские казаки поручают определить Учредительному Собранию и при выборах в этот парламент войдут в единый блок с партией социалистов-революционеров».

Делегаты большинством голосов выдвинули кандидатом в депутаты Учредительного собрания от АКВ товарища (так в тексте протокола) Н.Г. Кожевникова. Под бурные аплодисменты круг избрал постоянным представителем АКВ в Совете Всероссийского союза казаков отставного почетного казака А. А. Вертопрахова, которому было поручено передать все постановления 3-го круга АКВ Совету Союза казаков и Временному правительству.

С надеждой на лучшее будущее возвращались казаки-делегаты в свои полуразоренные станицы и, в опаленные порохом, досыта навоевавшиеся, фронтовые полки. Они искренне верили, что стоит только покарать «смутьянов» и сплотиться вокруг Временного правительства, как придёт победа и наступит желанный мир. Дух устава царской армии и патриотизм был ещё достаточно высок у значительной части казачества. В тяжкую для России годину оно отдавало для её защиты все силы. В мировую войну сражались на фронтах 300 тысяч казаков, в их числе 6 тысяч амурских, столько же уссурийских и 25 тысяч забайкальских.

Однако в солдатской и казачьей среде зрело убеждение, что эта война не Отечественная, а империалистическая, и её нужно прекратить. К такому же пониманию приходили и солдаты противника. По всему фронту шло братание солдат противостоящих сторон. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Энтузиазм первого периода войны сменился к осени 1917 года рассуждениями о целесообразности ведения европейской войны, в основу которой легли мало кому понятные союзнические обязательства... Русское Верховное командование неизменно отказывалось от собственных планов военных действий и предпринимало рискованные и невыгодные для своей армии наступательные операции по требованию или в угоду союзникам по Антанте... Низы армии в этом отлично разобрались... Рассчитывать на победоносный конец войны при таком настроении солдатской массы было невозможно».

К августу 1917 г. война ощущалась уже всем населением России, поскольку мобилизации вычерпали из народного хозяйства 19 миллионов мужчин. Страна получила огромные людские

потери, упадок сельского хозяйства, рост цен, продовольственные проблемы. Среди рабочих и солдат возросло влияние хорошо понятных лозунгов большевиков: «Власть — Советам, мир, земля — крестьянам!». Улавливая недовольство масс затянувшейся войной, учитывая перебои с продовольствием, особенно в Петрограде, и вековую мечту крестьян поделить помещичьи земли, большевистская партия повела невиданную антиправительственную агитацию. Под её знамя стала значительная часть рабочих, солдаты Петроградского гарнизона и матросы Балтийского флота.

Одновременно консолидировались крайне правые силы. «Только генералы смогут справиться с надвигающейся революцией черни», — отмечалось в резолюции ЦК партии кадетов. Центристско-демократические буржуазные установки Керенского уже не удовлетворяли буржуазию и она готовила ему замену. Центром подготовки крайне правого мятежа была выбрана Ставка Верховного командования в Могилеве. Главковерх генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов предупреждал министра-председателя о надвигающейся «крайне левой опасности» и предлагал ввести в стране режим сильной власти. Керенский в принципе соглашался, но от установления открытой военной диктатуры пока воздерживался, так как опасался притязаний генерала на диктаторские полномочия. Получив поддержку правых буржуазных сил, Л. Г. Корнилов ещё в начале августа начал переброску 3-го конного корпуса генерала А. М. Крымова с Румынского фронта в район Невель – Великие Луки, то есть в тылы Северного фронта, поближе к столице. Войсковые переброски мотивировались необходимостью укрепить Северный (Рижский) фронт и прикрыть подступы к Петрограду на случай широкого наступления немцев. На самом деле район сосредоточения 40-тысячной казачьей конницы был выбран на случай подавления возможного вооруженного выступления большевиков и других левых сил в Петрограде. Намечавшийся поход на Питер встревожил меньшевиков и эсеров. Прийти к соглашению не удалось. Корнилов потребовал передачи ему всей полноты власти, в ответ Керенский телеграфно снял его с поста Главковерха. Генерал, отказавшись подчиниться, обратился с воззванием к армии и населению, в котором обвинил Керенского в неспособности противодействовать смутянам и управлять страной, а министрам предложил подать в отставку. В обращении к казакам Корнилов призывал: «Казаки, дорогие станичники, рыцари земли русской! Час пробил — Родина накануне смерти! Спасайте отечество и Свободу, завоеванную Революцией! Слушайте и исполняйте только мои приказы. Поддержите честь и славу доблестного казачества!»

22 августа 1917 г. 3-й конный корпус генерала Крымова в составе 1-й Донской, Уссурийской и Кавказской туземной («Дикой») дивизий снялся с мест сосредоточения и плотными эшелонами, по трём железным дорогам, через Псков, Дно и Нарву двинулся на Петроград. Казакам поначалу не сообщали о целях передислокации, только в пути они узнали, что направляются в Питер, якобы для защиты Временного правительства от анархо-большевиков, продавшихся немцам. Уссурийской казачьей дивизии, в которую входил 1-й Амурский казачий полк, была поставлена задача: следуя эшелонами по линии Двинск – Нарва, сосредоточиться в районе Гатчина – Царское Село, откуда в конном строю наступать на столицу.

Сомнений в успехе не было. От Керенского отошли крупные партии, вышли из правительства кадеты. Петроградский гарнизон, хотя и был крупным по численности, но состоял в основном из необстрелянных солдат запасных частей. Керенский обратился к эсеро-меньшевистскому руководству Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обещавшему ему поддержку. Однако без участия большевиков Совет не мог поднять массы на защиту столицы и Временного правительства. Большевики пошли на совместные действия, но при самостоятельной организации военно-революционных сил. По их призыву в Красную гвардию записалось 40 тысяч рабочих, солдат и матросов, занявших позиции на подступах к Петрограду, опоясанному тремя рядами проволочных заграждений. Железнодорожники всеми мерами тормозили движение воинских составов.

К 30–31 августа все три дивизии 3-го конного корпуса прочно застряли на станциях и полустанках в 40–50 км от столицы, головные эшелоны Уссурийской дивизии не смогли продвигаться дальше Гатчины. В соприкосновение с защитниками города вошли лишь передовые разъезды 3-й бригады Кавказской дивизии, завязавшие перестрелку на подступах к Павловску.

Остановившиеся казачьи эшелоны были «атакованы» тысячами агитаторов из Петрограда, в основном большевиков. К горцам Дикой дивизии прибыли представители различных мусульманских организаций. Агитация питерцев имела успех. Казаки и кавказцы 3-го конного корпуса вышли из повиновения командирам и отказались наступать на Петроград.

В казачьих частях прошли митинги и сходы. Активные офицеры-корниловцы были отстранены от командования и частью изгнаны из полков. В фактическое управление частями вступили переизбранные полковые комитеты из рядовых казаков, которые послали делегатов в Петроград для переговоров с Керенским.

М. А. Швалов вспоминал: «Шесть эшелонов 1-го Амурского казачьего полка, следуя от Великих Лук в арьергарде Уссурийской дивизии, подошли к станции Гатчина-Товарная утром 26 августа и дальше по «вине» железнодорожников не продвинулись ни на шаг. Рельсовый путь от Гатчины был забит порожняком на многие сотни метров вперед. Казачьи составы обступили штатские люди с красными повязками на руках. Они объясняли казакам, что в Питере никаких немецких шпионов, бунтовщиков и насильников нет и усмирять там некого. Корнилов гонит казаков в Питер, чтоб пустить кровь рабочим, поймать и расстрелять Ленина, а заодно свергнуть нефартового Керенского. Агитаторы просили казаков не брать грех на душу, шашками не махать и в Питере не появляться. Казаки громко матюгались, кляли и Корнилова, и Керенского, и своих командиров-мордобойцев и меж собой говорили: «Вот пари-заразы, нужно, в первую очередь, решать вопрос о мире, а они, подлюки, задумали заставить нас воевать ещё и со своими. Не видать нам, паря, дома как своих ушей, если пойдем в Питер бить своего же брата». Когда поступила команда выводить из вагонов коней и седлать их, чтобы следовать в Питер походным порядком, то казаки взбунтовались и образовали свой полковой комитет, постановивший всем оставаться на своих местах, а офицерам сидеть в штабном вагоне и не высываться. На сторону казаков перешёл полковник Родя Иванов — мой одностаничник, который вместе с полковым комитетом стал командовать полком».

Керенский восторженно принял казаков — членов полковых комитетов в Зимнем дворце, двое из них были тут же произведены в офицеры. Глава правительства, только что наделивший себя постом Верховного главнокомандующего, разрешил полковым комитетам производить аресты офицеров, требующих движения корпуса к Петрограду, и вручил казакам свой приказ «препроводить к нему всех старших офицеров для обстоятельных объяснений». В Петроград стали прибывать с повинной командиры дивизий и полков 3-го конного корпуса. Офицеры, ещё вчера шедшие на Керенского войной, поспешили выразить ему свою верность, за что некоторые из них получили повышение по службе. Так, генерал-майор П. Н. Краснов был утверждён в должности командира 3-го конного корпуса вместо застрелившегося генерала А. М. Крымова; бывший командир УКП, командир Уссурийской конной дивизии генерал-майор А. А. Губин стал советником военного министра, а командир 1-го АКП полковник Г. П. Полковников возглавил Петроградский военный округ. Сам Корнилов и 20 генералов Ставки, причастных к мятежу, в их числе А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. Г. Эрдели были взяты под стражу, но вскоре бежали на Дон.

Л. Г. Корнилова не поддержали многие генералы: командующий Северным фронтом генерал Черемисов, командующие военными округами, в подчинении которых находились тыловые подразделения казачьих войск. Так, командующий Приамурским военным округом генерал К. Н. Хогондоков в своём приказе №572 от 31 августа 1917 г. отмечал: «Генерал Корнилов пытался захватить власть в свои руки и тем самым ограничить права и свободы, завоеванные Февральской революцией. Призываю войска вверенного мне округа тесно сплотиться вместе с председателем — военным министром Керенским, твердо помня, что все мы от старшего до младшего стоим на страже демократии».

«Если бы даже Корнилову удалось свергнуть Керенского, то его торжество продолжалось бы недолго. Правление военного диктатора было бы также неспособно разрешить те непримиримые классовые противоречия, которые раздирали Россию», — уверял начальник службы Российской пограничной стражи генерал Е. И. Мартынов.

Керенский учёл значимость дислокации 3-го конного корпуса под Петроградом и приказал оставить казаков как свой боевой резерв на прежних позициях: Царское Село – Пулковое – Павловск – Гатчина. Генералу Краснову и комиссарам Временного правительства было поручено подготовить корпус для предстоящей борьбы с большевиками. 8 сентября командующий корпусом Краснов и комиссар — эсер Войтинский прибыли в Гатчину, где выступили перед наиболее «обольшевиченными» казаками Уссурийской конной дивизии. Краснов свидетельствовал: «После моего призыва начать строевые и тактические занятия, дабы быть готовыми к защите порядка и законности, из казачьих рядов послышались свист и дикие выкрики: «Га, мало попили нашей кровушки, сволочи!». На лицах казаков — тупая скука и раздражение с примесью злорадства. Я сразу сообразил, что не только говорить, но и находиться мне здесь опасно...

С трудом протиснулись сквозь толпу к своему автомобилю... Возвратившись в корпусной штаб в Царском Селе, я мучительно раздумывал, как оздоровить дивизию? В её полках верховодили рядовые казаки полковых комитетов, а офицеров почти не осталось. Отстраненные казаками от командования, они обитали при штабах корпуса и дивизий или в гостиницах Петрограда. Правда, в 1-м Амурском казачьем полку находился казачий авторитет — штаб-офицер Иванов, но и он занимался больше политикой, чем наставничеством... Я пришёл к выводу, что Уссурийскую, а заодно и Кавказскую дивизию нужно из корпуса убирать и вместо них влить в него 1-ю и 2-ю сводные гвардейские казачьи дивизии, о чём и доложил правительству. Однако Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов остался недоволен присутствием корпуса под стенами столицы и на всякий случай настоял на переводе его подальше...

20 сентября Керенский вынужден был подписать приказ о передислокации 3-го конного корпуса в район Псков – Остров, где он был расквартирован по деревням вдоль линии железной дороги...»

По воспоминаниям М. А. Швалова, после отвода 3-го конного корпуса от Петрограда в резерв Северного фронта, 1-й АКП был размещен на постой в деревне Заходы близ Пскова, в 370 км от столицы. В полку осталось всего два уважаемых казаками офицера — полковник Р. С. Иванов и сотник А. Ф. Бородин, оба из Верхне-Благовещенского поселка. В ожидании отправки на фронт казаки приводили в порядок полковое хозяйство, занимались стрельбами, починкой обмундирования, обуви, конского снаряжения, помогали селянам молотить хлеб, мечтали о мире и возвращении в родные станицы. Однако, размеренная, спокойная жизнь казаков продолжалась недолго. В полк неожиданно прибыли изгнанные казаками офицеры, а затем последовал приказ готовиться к новому походу на Петроград, где германские агенты — большевики свергли Временное правительство и ожидается вторжение немецких войск из Финляндии.

26 октября А. Ф. Керенский появился в штабе Северного фронта в Пскове. Однако, командующий фронтом генерал В. А. Черемисов отказал ему в поддержке: «Политическая борьба не должна касаться армий моего фронта. Их задача прочно удерживать занимаемые позиции». Тогда Керенский лично явился в штаб 3-го конного корпуса к командующему корпусом Краснову: «Генерал, немедленно сосредоточьте корпус, прикажите казакам отточить шашки и наступать на Петроград, где арестуйте Ленина и освободите моих министров». Генерал П. Н. Краснов вспоминал: «Собрать корпус воедино было архисложно. Его полки и сотни были разбросаны по всему Северо-Западу. При этом мой прямой приказ без санкций полковых комитетов казаки не признавали. С большим трудом, с помощью квартирмейстера штаба фронта, генерала В. Л. Барановского, удалось создать полковые комитеты корпуса на ж.-д. станции Остров, где перед ними с призывом освободить Петроград от большевиков выступил бывший министр-председатель Временного правительства. Речь Керенского была во всех отношениях очень слабой, хотя он и слыл искусным оратором. Всё те же избитые слова и лозунги, прерываемые не связанными между собой истеричными фразами: «Верность союзникам», «Война до победного конца», «Февральская революция в опасности», «Безумцы-большевики не желают мира — хотят полить кровью революцию». ... Комитетчики-донцы слушали Керенского из любопытства, с раскрытыми ртами, вполне миролюбиво. Но там, где сидели амурские, уссурийские и забайкальские казаки, слышались негодующие возгласы. А затем закричал урядник Амурского полка: «Неправда, большевики этого не хотят». Когда Керенский на минуту умолк, то раздались

жидкие аплодисменты донцов. И сейчас же громогласно пробасил казак-амурец: «Товарищи-казаки, вас обманывают! Перед вами новый Корнилов! Это дело замышляют против народа! Казакам и солдатам нужен мир, а он опять про войну шарманку завёл». Казаки с задних рядов подкрикивали: «Довольно, хватит, навоевались! Остановите его!» Я послал за ординарцами сопроводить оратора к выходу и уговорил Керенского уйти».

26–27 октября полковые комитеты 1-го АКП и, недавно прикомандированного к корпусу, 2-го АКП, как и комитеты других полков, приняли решение в выступлении Керенского–Краснова на Петроград не участвовать. Постановление об отказе наступать на Петроград принял и батарейный комитет отдельной Амурской казачьей батареи, стоявшей в Великих Луках. При этом командир батареи есаул А. Соловьев, сотники В. Астафьев и Д. Николаев, хорунжий М. Хрешков, — требовавшие отправки уже погруженной в эшелон батареи, были казаками обезоружены и изгнаны из батареи. Подобное происходило и в других полках и сотнях корпуса.

С большим трудом П. Н. Краснов собрал 10 неполных казачьих сотен (1 200 человек) из 40-тысячного корпуса, в основном, из 9-го и 10-го полков 1-й Донской дивизии и офицеров других частей; три батареи, броневик и бронепоезд. При этом не смогли даже найти машиниста для эшелона, и состав повел есаул Коршунов, служивший когда-то помощником машиниста. 28 октября отряд Краснова занял Гатчину, часть гарнизона которой разбежалась, а другая примкнула к казакам. Керенский, перебравшись в Гатчинский дворец, отправил в Петроград телеграмму с предложением гарнизону разоружиться и сдать правительственным войскам.

Подавив артиллерией красногвардейские заслоны красновцы заняли Царское Село. Ранним утром 30 октября Краснов повёл наступление на столицу вдоль Петроградского шоссе. Под прикрытием артиллерии и бронепоезда казаки двинулись на позиции красногвардейцев и революционных солдат. Бой продолжался до полудня. Обе стороны несли большие потери. К концу дня красные подвергли казаков жестокому артобстрелу и перешли в контр наступление. Казаки оставили Царское Село и закрепились в Гатчине, где большинство заявило Краснову, что участвовать в братоубийственной войне они более не намерены. Командующий отрядами Красной гвардии П. Е. Дыбенко добился от казаков согласия на арест Керенского и Краснова. Однако, А. Ф. Керенскому удалось бежать, а П.Н. Краснов и другие офицеры, участники мятежа, вскоре были отпущены на свободу под честное слово — не воевать против советской власти. Рядовые казаки возвратились в свои полки. Мятеж был ликвидирован.

В ноябре–декабре 1917 г. подразделения 3-го конного корпуса, подчинённые командованию Красной гвардии и советскому правительству, располагались на прежних местах дислокации по линии Остров – Псков – Нарва, в Великих Луках и входили в группу войск «завесы», сформированной для прикрытия распавшейся линии фронта от возможного немецкого наступления. 10 ноября 1917 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал декрет «О постепенной демобилизации бывшей царской армии».

По свидетельству П. Н. Краснова отправка эшелонов демобилизованных казаков Уссурийской конной дивизии началась 16 декабря 1917 г. Казакам оставили винтовки, шашки, пулемёты, полковое хозяйственное имущество, часть денежных средств полковых касс, но изъяли орудия, автомобили, средства связи, знамена и документацию штабов. К концу января 1918 г. корпус был расформирован окончательно. В отличие от солдат, неорганизованными толпами покидавших фронт, казачьи части сохранили свою организацию и в полном боевом и хозяйственном снаряжении убывали в родные края.

По воспоминаниям М. А. Швалова амурские казачьи полки с конским составом прибыли в Благовещенск в самом конце января 1918 г. В пути, под Новониколаевском (Новосибирском), казачьи эшелоны были остановлены красногвардейцами и частично разоружены: изъяты все пулеметы, а также излишние и трофейные винтовки с патронами. По прибытии фронтовиков в Благовещенск, молодые казаки (первых двух лет службы), которых больше всего было во 2-м Амурском полку, были оставлены войсковым правлением дослуживать срок в кадровом казачьем полку. Старослужащие, получив денежное содержание, были распущены по домам. Казаки возвращались в станицы конными и при оружии. Гульба по случаю возвращения фронтовиков с войны шла по всей территории войска целую неделю.

Недолго наслаждались казаки мирной жизнью. Гражданская война вскоре разделила станичников на белых и красных. Примирение было невозможно, так как у каждой из сторон была своя правда, которую не признавала другая. Бывшие офицеры и генералы 3-го конного корпуса — Краснов, Врангель, Богаевский, Семенов, Унгерн, Кузнецов, Сычев, Вертопрахов, Чехович будут руководить и активно участвовать в Белом движении на юге России, в Сибири, Приамурье и Забайкалье. В то же время их однополчане — казаки, урядники и младшие офицеры Кривошлыков, Подтелков, Миронов, Прохоров, Шадрин, Бреус, Шилов, Таскаев будут сражаться за советскую власть, станут командирами Красной Армии и партизанами, работниками советских органов и местных правительств.

Из Интернета

Мнения

Феномен «большого террора»

Историк Олег Хлевнюк о том, как были организованы массовые репрессии 1937–1938 годов

«Левада-центр»:

Россияне всё лучше относятся к Сталину, но жить при нём не хотели бы. Его считают одновременно и мудрым лидером, и жестоким тираном.

Затёртое изображение Бухарина, Рыкова и Каменева на фотографии 1925 года (похороны Фрунзе) / Russland und die Sowjetunion

Если представить данные о массовых арестах и расстрелах в сталинском СССР в виде графика, то получится кривая линия, которая в отдельные периоды образовывала высокую волну. Иначе говоря, если в целом государственный террор был огромным во все годы правления Сталина, то в отдельные периоды он был чрезвычайно огромным и чрезвычайно жестоким. К числу таких периодов относится «большой террор» 1937-1938 гг., печальный юбилей которого, 80 лет, пришёлся на этот год.

Трудно представить себе нашего соотечественника, который бы не слышал чего-либо о 1937-м. Другое дело, что каждый вкладывает в это понятие собственное содержание. Многие зависят от политических пристрастий и уровня информированности. Долгое время по поводу «большого террора» 1937-1938 гг. спорили также историки. Однако теперь профессиональная историография достигла высокого уровня согласия, основанного на глубоком исследовании архивов.

Для понимания новых качеств, которые приобрели наши знания, полезно сопоставить концепцию 1937 г., сформулированную при Хрущеве, и нынешнюю. «Разоблачение культа личности Сталина» при Хрущеве было политической кампанией, которая оставила глубокий след в историческом сознании нашего общества. Вслед за Хрущевым многие до сих пор рассматривают «большой террор» как уничтожение элит – партийных работников, инженеров, военных, писателей и т. д. На самом деле все было совсем не так. Как показали современные исследо-

вания, в 1937-1938 гг. были арестованы по крайней мере 1,6 млн человек, из них более 680 000 расстреляны. Руководящих работников разных уровней среди них было несколько десятков тысяч. Жертвами террора были простые советские люди, не занимавшие должностей и не состоявшие в партии.

Выяснение реальной численности жертв – принципиально важный исходный момент для понимания сути «большого террора». Прежде всего, поражают его масштабы. С учетом того, что наиболее интенсивно репрессии применялись чуть больше года (август 1937 – ноябрь 1938 г.), получается, что каждый месяц арестовывались около 100 000 человек, из них расстреливались – более 40 000. До открытия архивов эта невероятная концентрация насилия и жестокости казалась хаотичной, а её механизмы необъяснимыми. Однако в 1992 г. стали доступны документы, которые показали, что террор 1937-1938 гг. планировался так же, как все остальное в советской системе. На убийство людей составлялись и утверждались такие же государственные планы, как на производство стали или детских игрушек. Дальнейшие исследования в архивах позволили детально изучить всю цепочку террора, сверху донизу.

Коротко говоря, документы фиксируют в «большом терроре» две неравномерные части. Первую, сравнительно незначительную, составляло уничтожение элит. Оно проводилось через обычные судебные инстанции, которые получали прямые указания от высшего руководства страны о приговоре – расстрел или заключение в лагерь. Известны, например, 383 списка на аресты и расстрелы 40 000 советских руководящих работников, утвержденные Сталиным и его соратниками. На основании этих списков суд выносил свои формальные приговоры. Вершиной системы уничтожения «номенклатуры» и старых большевиков были известные московские открытые процессы против Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и других видных партийцев. Вторую часть «большого террора» составляли так называемые «массовые операции». Именно они, охватив более миллиона человек, сделали террор 1937-1938 гг. «большим».

Исследованию массовых операций историки за последние годы уделили значительную часть своих усилий. В результате было доказано, что решения о проведении массовых операций, несомненно, принимались руководством страны (точнее, Сталиным). Самая крупная из массовых операций, против так называемых «антисоветских элементов», готовилась в июне-июле 1937 г., а началась в августе. Основная идея операции состояла в том, чтобы ликвидировать физически или изолировать в лагерях те группы населения, которые сталинский режим считал потенциально опасными – бывших «кулаков», бывших офицеров царской и белой армий, священнослужителей, бывших членов враждебных большевикам партий – эсеров, меньшевиков и многих других «подозрительных». На протяжении многих лет в советских органах госбезопасности вели учет таких «враждебных» категорий. Летом 1937 г. было решено не просто учитывать и периодически арестовывать «подозрительных», как это делось раньше, но полностью избавиться от них.

С этой целью 30 июля 1937 г. Политбюро утвердило оперативный приказ наркома внутренних дел № 00447. Все репрессируемые «антисоветские элементы», согласно приказу, разбивались на две категории: первая - подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – подлежащие заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Каждой области, краю и республике в приказе доводились планы на репрессии по каждой из двух категорий. Всего на этом первом этапе было предписано арестовать около 270 000 человек, из них более 70 000 – расстрелять (в том числе 10 000 заключенных в лагерях). Кроме того, заключению в лагерь или высылке могли подвергаться семьи «врагов народа». Для решения судьбы арестованных в республиках, краях и областях создавались внесудебные органы – «тройки». Как правило, в их число входили нарком или начальник управления НКВД, секретарь соответствующей партийной организации и прокурор республики, области или края. «Тройки» получили чрезвычайные права. В пределах планов-лимитов, утвержденных в Москве для данной области или республики, «тройки» выносили приговоры и отдавали приказы о немедленном приведении их в исполнение, включая расстрел, без обжалования.

ПРИГОВОР

Военной Коллегии Верховного Суда СССР

(ОКОНЧАНИЕ)

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу—Зеленский, Иванов и Зубарев вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы паризма.

Зеленский состоял агентом-провокатором Самарского жандармского управления с 1911 по 1913 год.

Иванов состоял агентом-провокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 год.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-провокаторов в гор. Котельничи в 1908 году, занимался провокаторской деятельностью до 1917 года.

Таким образом Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность 1. Бухарина Н. И., 2. Рыкова А. И., 3. Ягоды Г. Г., 4. Крестинского Н. Н., 5. Ранковского Х. Г., 6. Розенгольца А. П., 7. Иванова В. И., 8. Чернова М. А., 9. Гринько Г. Ф., 10. Зеленского И. А., 11. Бессонова С. А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В. Ф., 15. Зубарева П. Т., 16. Буланова П. П., 17. Левина Л. Г., 18. Плетнова Д. Д., 19. Казанова И. Н., 20. Максимова-Диковского В. А. и 21. Крючкова П. П.—в том,

кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-13 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

1. Бухарина Николая Ивановича,
2. Рыкова Алексея Ивановича,
3. Ягуду Генриха Григорьевича,
4. Крестинского Николая Николаевича,
5. Розенгольца Аркадия Павловича,
6. Иванова Владимира Ивановича,
7. Чернова Михаила Александровича,
8. Гринько Григория Федоровича,
9. Зеленского Исаака Абрамовича,
10. Икрамова Акмаля,
11. Ходжаева Файзуллу,
12. Шаранговича Василия Фомича,
13. Зубарева Прокония Тимофеевича,
14. Буланова Павла Петровича,
15. Левина Льва Григорьевича,
16. Казанова Игнатия Николаевича,
17. Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича) и
18. Крючкова Петра Петровича —

— к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор по делу Бухарина - Рыкова - Ягоды, март 1938 г. /Газета «Правда» № 72 (7397) от 14 марта 1938 г.

Важно подчеркнуть, что приказ № 00447, на основе которого в последующие полтора года проводилась значительная часть репрессий, содержал в себе положения, которые фактически нацеливали местных руководителей и чекистов на эскалацию террора. Он давал им право запрашивать у Москвы дополнительные лимиты на аресты и расстрелы. По законам сталинской системы такое «право» фактически означало обязанность. Действительно, уже в первый период реализации приказа № 00447 заложенный в нём механизм дополнительных лимитов привёл к радикализации террора. На практике это происходило так. После проведения первых арестов на основании картотек учета «антисоветских элементов», которые были во всех отделениях НКВД, проводилось «следствие». При помощи жестоких пыток, описание которых может составить предмет специальной работы, у арестованных выбивали показания об их участии в «антисоветских организациях». Эти «признания» давали адреса для очередных арестов. Новые арестованные под пытками называли новые фамилии. Такой механизм мог действовать бесконечно.

Это, однако, не означало, что местные исполнители террора вышли из-под контроля центра. Они должны были запрашивать — и запрашивали — разрешение Москвы на дополнительные лимиты на аресты и расстрелы. Без согласия Москвы массовая операция неизбежно прекратилась бы. Однако Москва почти всегда санкционировала новые цифры и планы. Как свидетельствуют

архивы, этим занимался лично Сталин. Сохранилось значительное количество телеграмм Сталина, подписанных им решений Политбюро, а также его указаний Ежову о выделении дополнительных лимитов на репрессии и об активизации чистки. Материалы, сохранившиеся в личном фонде Сталина, показывают, что руководство репрессиями в 1937-1938 гг. занимало значительную часть времени диктатора. Например, он самым внимательным образом прочитывал многостраничные протоколы допросов, регулярно доставлявшиеся ему из НКВД. О состоянии Сталина в этот период свидетельствуют многочисленные пометы и резолюции, которые он оставлял на протоколах допросов, а также на различных докладных записках НКВД и телеграммах. По мере прочтения документов Сталин давал указания об аресте тех или иных людей и рассылал красноречивые уточняющие распоряжения: «Красноярск. Крайком. Поджог мелькомбината должно быть организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор – расстрел»; «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям»; «Т. Ежову. Дмитриев (начальник управления НКВД по Свердловской области – О. Х.) действует, кажется, вяловато. Надо немедленно арестовать всех (и малых и больших) участников «повстанческих групп» на Урале»; «Т. Ежову. Очень важно. Нужно пройтись по Удмуртской, Марийской, Чувашской, Мордовской республикам, пройтись метлой»; «Т. Ежову. Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь»; «Т. Ежову. Линия эсеров (левых и правых вместе) не размотана <...> Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне армии сохранилось у нас немало. Есть у НКВД учёт эсеров («бывших») в армии? Я бы хотел его получить и поскорее <...> Что сделано по выявлению и аресту всех иранцев в Баку и Азербайджане?». Подобные примеры можно приводить долго. В завершение этого короткого обзора уместно отметить, что в 1937-1938 гг. Сталин впервые перестал выезжать из Москвы в отпуск, хотя в предшествующие 14 лет ежегодно проводил на юге несколько месяцев летом и в начале осени. Организация террора занимала все мысли и силы.

В результате давления центра и встречной инициативы на местах масштабы террора нарастали. Результат арестов и расстрелов по операции против «антисоветских элементов» по приказу № 00447 в несколько раз превысил первоначально намеченные планы. По похожему сценарию проводились другие массовые операции – против «национальных контрреволюционных контингентов» или «национальные операции». Их также планировали и контролировали из центра. Сводные списки осужденных «национальных контрреволюционеров», так называемые «альбомы», составлялись на местах и посылались на утверждение в Москву. Более десятка таких операций обрушились на советских граждан разных национальностей – поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар, македонцев. Особая операция проводилась против так называемых «харбинцев», бывших работников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после вынужденной продажи КВЖД Японии в 1935 г. Все эти категории населения рассматривались сталинским руководством как питательная среда для шпионажа и коллаборационизма. Под этим же предлогом было осуществлено сплошное выселение корейского населения Дальнего Востока. Депортации в Казахстан подверглись 170 000 советских корейцев.

В совокупности операции против «антисоветских элементов» и «национальные операции» составляли суть «большого террора». Именно эти операции придали репрессиям в 1937-1938 гг. особенно жестокий и массовый характер. Открыв этот факт, историки задались естественным вопросом: в чем же была причина массовых операций, иначе говоря, в чем причины «большого террора»? Подчеркну еще раз: причины не сталинских репрессий вообще, а именно их всплеска в 1937-1938 гг., причины массовых операций, ареста более чем миллиона человек и расстрела более 680 000.

Вокруг этого вопроса идут споры. О них, некоторых мифах и последствиях «большого террора» – в продолжении статьи.

Автор – ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, профессор школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Расстрел Красной армии

Историк **Павел Антекар** об одном из знаковых дел 1937 года

<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/06/09/693722-rasstrel-krasnoi-armii>

Двенадцатого июня 1937 г. советские центральные газеты сообщили о смертном приговоре участникам заговора военных. Известные военачальники, герои Гражданской войны маршал Михаил Тухачевский, командармы Иероним Уборевич, Иона Якир, Август Корк и другие командиры были названы шпионами и заговорщиками и расстреляны. «Дело Тухачевского» стало началом массовых репрессий в Красной армии в 1936–1938 гг., в ходе которых были арестованы десятки тысяч командиров, большинство были уничтожены или провели многие годы в заключении. Предпринятая ради борьбы с мифической «пятой колонной» чистка Красной армии обернулась ее деморализацией и падением боеготовности.

Первые пять маршалов Советского Союза: Семен Буденный, Василий Блюхер, Михаил Тухачевский, Климент Ворошилов, Александр Егоров. Трое из пяти репрессированы и погибли / РИА Новости

Чистки командного состава Красной армии были и до 1937 г. Первый председатель Реввоенсовета Лев Троцкий говорил, что армию невозможно строить без репрессий. В мае 1920 г. по обвинению в заговоре против советской власти и убийстве комиссара был расстрелян командир сводного кавалерийского корпуса Борис Думенко. В феврале 1921 г. был арестован бывший командующий 2-й конной армией, красный казак Филипп Миронов, в апреле его застрелил на прогулке тюремный часовой.

Число бывших царских офицеров, арестованных в ходе операции ОГПУ «Весна» (1930–1931 гг.), большинство которых служили в годы Гражданской войны в РККА, составило, по разным данным, от 5000 до 10 000 человек. Они стали жертвами классовой подозрительности и развернутой в конце 1920-х гг. кампании «спецедействия».

Врагов много не бывает

«Дело Тухачевского» имело иную природу. В отличие от «Весны», жертвами которой были преимущественно выходцы из высших сословий, теперь аресты и пытки ударили по всем командирам вне зависимости от социального происхождения, подвигов на поле боя (среди репрессированных были и герои гражданской войны в Испании), в том числе по армейской молодежи, выросшей при советской власти.

Волна репрессий после убийства Сергея Кирова в декабре 1934 г. до начала 1937 г. мало затронула Красную армию. Нарком обороны Климент Ворошилов, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), отмечал: «В армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю «к счастью», надеюсь, что в Красной армии врагов вообще немного».

К тому времени были арестованы бывший командир кавалерийского корпуса и участник спецопераций в Китае и Афганистане Виталий Примаков, военный атташе в Англии Витовт Путна, несколько преподавателей академий – их подозревали в симпатиях к бывшему председателю Реввоенсовета Троцкому и троцкизму. Выпытанные у них «показания» стали основой для новых дел.

Сталину была невыгодна ситуация, при которой армия осталась бы «чистой» и оказалась вне подозрений во враждебной деятельности. В конце 1936 – начале 1937 г. под следствие попало немало высокопоставленных чекистов. В конце апреля 1937 г. арестованные бывший замнаркома НКВД Георгий Прокофьев и начальник особого отдела Марк Гай, ответственный за борьбу со шпионажем в армии, дали показания о связях Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка и других военных с Ягодой, главным «заговорщиком» в НКВД. По версии следователей, Тухачевский руководил заговором военных, готовивших военный переворот. Арестованные чекисты надеялись, что им сохранят жизнь. НКВД сфабриковал материалы об участии военных в «дворцовом перевороте»; за заговор, направленный против Сталина, выдавали профессиональное недовольство части военных взглядами Ворошилова и его окружения на военное строительство.

Впрочем, чекисты вряд ли проявили бы инициативу, если бы не чувствовали запрос на дело военных сверху. Историк Олег Хлевнюк отмечает, что автором ключевых решений по чисткам был именно Сталин, рассылавший телеграммы о проведении новых арестов и угрожавший наказаниями за «отсутствие бдительности».

15 мая 1937 г. был арестован замкомандующего Московским военным округом, бывший начальник управления по комсоставу Борис Фельдман. 19 мая после пыток он дал показания на маршала Тухачевского: «Тухачевский мне говорил, что основной задачей является создание в армии крепкой организации, которая должна в нужный момент служить вооруженной силой для свержения существующей власти и прихода на смену этой власти Троцкого». 22 мая Тухачевского сняли с должности замнаркома обороны и отправили командовать второстепенным Приволжским округом. Командарма 1-го ранга Якира перевели с должности командующего Киевским округом на аналогичный пост в Ленинград, чтобы арестовать по дороге. 25 мая арестовали и доставили в Москву Тухачевского. Он и другие военачальники оговорили себя под пытками. Фигурантами первого «дела военных» кроме Тухачевского, Якира и Фельдмана стали командующий Белорусским округом Уборевич, начальник Военной академии имени Фрунзе Корк, председатель Центрального совета Осоавиахима комкор Роберт Эйдемман, Путна и Примаков.

От совета до суда

Вскоре, 2 июня, Сталин собрал заседание Военного совета при наркомате обороны. Ворошилов, который, по свидетельству очевидцев, выглядел постаревшим и подавленным, прочитал доклад о раскрытии контрреволюционной организации в рядах РККА. Прочитав показания Тухачевского и его соратников о «вражеской деятельности», «железный нарком» подытожил: «Нужно немедленно сейчас очистить окончательно, железной метлой вымести не только всю эту сволочь... Нужно вычистить армию буквально до самых последних щелочек, армия должна быть чистой, армия должна быть здоровая». Ворошилов дал полную свободу рук чекистам, демонстрируя командирам всех рангов, что не намерен защищать их от доносов и арестов и не рекомендует делать это другим.

Вслед за наркомом выступали высокопоставленные военные, клеймившие «врагов народа», признававшие собственные ошибки и служебные связи с ними. «Мне думается, что эта излишняя политическая доверчивость и привела нас к политической слепоте», – сетовал командующий Приморской группой Отдельной Дальневосточной армии Михаил Левандовский. Комиссар Академии имени Фрунзе Иван Неронов заявил: «Мы знаем, что возмущение есть этими гадами, но никакого колебания и волнения о том, что десятки этих сволочей расстреляют, нет». Неронова арестовали через два месяца, Левандовского – в феврале 1938 г., расстреляли – в декабре 1937 г. и июле 1938 г. соответственно. Из 108 постоянных членов Военного совета, состоявших в нём в начале 1937 г., до следующего заседания в ноябре 1938 г. дожили 10.

Насладившись самобичеванием и склоками военных, в дело вступил главный режиссер спектакля. «Несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами», – заявил Сталин. Он назвал Тухачевского и других обвиняемых шпионами. Как утверждал в 1960-е гг. в интервью писателю Константину Симонову маршал Иван Конев, вождь прекрасно знал цену выбитым пытками «признаниям» вины.

Одновременно Сталин указал, что пролетарское происхождение и боевые заслуги не означают непричастности командира к шпионажу или иной враждебной деятельности.

Чтобы придать процессу над военачальниками видимость объективности, было создано специальное судебное присутствие Верховного суда под председательством главы его Военной коллегии Василия Ульриха. В его состав включили маршалов Василия Блюхера и Семена Буденного, командармов Якова Алксниса, Ивана Белова, Бориса Шапошникова, Павла Дыбенко, Николая Каширина и комкора Елисея Горячева. Во время судебного заседания военные, за исключением Шапошникова и отчасти Алксниса, стремились продемонстрировать свою неприязнь к обвиняемым и поддерживали обвинение. Без особого эффекта: из восьми членов присутствия уцелели только Буденный и Шапошников, четверо расстреляны, Блюхер умер от пыток, Горячев покончил жизнь самоубийством.

10 июня главред «Правды» Лев Мехлис направил Сталину проект написанной по указаниям вождя передовицы, посвященной суду: «Лазутчикам капиталистического мира нет и не будет у нас никакой пощады. Эти лазутчики не уйдут от все более бдительного глаза диктатуры рабочего класса...» Вождь подчеркнул два последних абзаца и отредактировал некоторые формулировки.

Бывшие командиры, сломленные во время следствия, полностью признали свою вину. Все были приговорены к расстрелу. Якир пытался сохранить себе жизнь покаянным письмом: «Родной, близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, всё отдал, и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы... я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства <...> я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». Сталин оставил на письме резолюцию: «подлец и проститутка». «Совершенно точное определение», – добавили Ворошилов и Молотов. «Мерзавцу, сволочи и б...и одна кара», – написал Лазарь Каганович. В ночь на 12 июня все обвиняемые были расстреляны.

Утром 12 июня был опубликован написанный по следам процесса приказ наркома обороны. Маховик арестов, при котором показания обвиняемых становились основой для новых дел, раскручивался с чрезвычайной быстротой. К 23 июня арестовали уже около 1000 военных. Дело о военном заговоре, начавшись с высших командиров, раковой опухолью пожирало армию. Репрессии не ограничились элитой. В докладе Управления по командному и начальствующему составу, подготовленном в ноябре 1937 г., указывалось, что с января по октябрь из армии было уволено 14 665 командиров в званиях от лейтенанта до капитана и им соответствующих. Общая численность уволенных и репрессированных военных колеблется в сочинениях разных авторов от 11 000 до 50 000. Историк Олег Сувениров указывал, что в 1937–1938 гг. было арестовано около 500 высших командиров в звании от комбрига до маршала, 412 из них были казнены, ещё 29 умерли под следствием. Для сравнения: в годы Великой Отечественной войны Красная армия потеряла 180 генералов.

Сталин управлял ходом репрессий и решал, кого из числа высших военачальников следует отдать на растерзание НКВД, а кого оставить в живых. Сталин и Ворошилов не дали хода доносам на Буденного, а также на генералов Владимира Качалова и Семена Кондрусева (оба погибли в начале Великой Отечественной войны).

К концу 1938 г. стало ясно, что продолжение репрессий грозит дезорганизацией армии и госаппарата в целом. Количество катастроф в ВВС выросло с 43 в 1936 г. до 148 в 1938-м, аварий – с 237 до 423, число погибших – с 94 до 273. Увеличилось количество нарушений дисциплины, командиры пили. «В большинстве частей корпуса в связи с арестами <...> ослабла

дисциплина и вся служба личного состава <...> демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров», – писал впоследствии маршал Георгий Жуков. Армия теряла управляемость и боеспособность.

От ГУЛАГа до рейхстага

После смещения Ежова с поста наркома внутренних дел в ноябре 1938 г. репрессии резко ослабели, тысячи командиров были освобождены из лагерей и из-под следствия и возвратились в ряды Красной армии, доказав верность Родине на полях сражений Великой Отечественной. Среди них были будущий маршал Константин Рокоссовский, генерал-полковники Александр Горбатов и Василий Юшкевич. Арестованные и освобожденные перед войной командир Московской пролетарской дивизии Леонид Петровский и командир танковой бригады Александр Лизюков получили генеральские звания и погибли в боях.

Но их освобождение, а также процессы против следователей, чье изуверство оказалось наиболее вопиющим, не изменили системы. Репрессии ослабли, но не прекратились. В «бериевскую оттепель», в мае 1939 г. на 15 лет осудили бывшего командира полка Чапаевской дивизии, командира мехкорпуса Михаила Букштыновича. После освобождения в конце 1942 г. Букштынович прошёл от Великих Лук до Берлина, под его руководством был разработан план штурма рейхстага. Двое освобожденных в 1940 г. – комкомы Максим Магера и Яков Покус – были снова арестованы. Магера расстреляли в октябре 1941 г., а Покус умер в лагере в 1942 г. Накануне Великой Отечественной войны чекисты организовали ещё одно крупное дело военных: были арестованы начальник управления ВВС Красной армии генерал Павел Рычагов, начальник управления ПВО генерал-полковник Григорий Штерн, замнаркома обороны Кирилл Мерецков, бывший начальник разведуправления Красной армии Иван Проскуров. Большинство обвиняемых по этому делу были расстреляны осенью 1941 г. и зимой 1942 г.

Тысячи командиров Красной армии продолжали опасаться слежки и арестов, понимали, что боевые подвиги не защитят их от произвола, если этого потребуют абстрактные интересы государства или политическая необходимость.

Автор – историк

Полная версия статьи. Сокращенный газетный вариант можно посмотреть в архиве «Ведомостей» (смагт-версия)

Внимание: контрафакт!

Кастеты ОГПУ

Кастет — это подлое оружие, которое усиливает ударную силу того, кто пользуется им. Кастет — это оружие хулиганов и разбойников. Кастет — оружие слабого и неуверенного в себе противника против сильного и убежденного в своей правоте. В Российской империи кастеты появились в пятидесятых годах 19-го века, как оружие французских моряков и были завезены из Франции, но особым спросом не пользовались.

Некоторое время тому назад на форумах, торгующих раритетами, внезапно в продаже появилась пара «наградных» кастетов ОГПУ с впаянным памятным значком, посвященному десятилетию Главного Политического Управления НКВД СССР (1917-1927).

На одном кастете, с оборотной стороны, было выгравировано видоизмененное изречение Ф. Э. Дзержинского «Чекист должен иметь горячее сердце, холодную голову и чистые руки».

На оборотной стороне другого подобного кастета — дарственная надпись: «В Десятую годовщину существования органов В.Ч.К. и О.Г.П.У. т. Горбунову Л. И. за самоотверженность, проявленную в борьбе с врагами Пролетарской Революции».

На ребре обоих кастетов выгравирован штамп «Злат.ор.фабр.» (Златоустовская оружейная фабрика.)

Кастеты эти были выставлены на продажу за 22.000 рублей. Один был приобретён за 9.000р., судьба другого неизвестна.

По поводу этих кастетов разгорелись жаркие дискуссии в духе «кровавая и гнусная эбня совсем не знала тормозов и награждала друг друга кастетами». Люди возмущались.

Тем не менее, эти кастеты ОГПУ — подделка. Никаких кастетов среди наградного оружия в ОГПУ-НКВД не было. Этот факт не отражен ни в одном наградном приказе НКВД СССР. И ни в одном приказе ГПУ и областных Управлений. И ни в одной почетной грамоте, которую вручали при награждении.

Пистолетами сотрудников ГПУ награждали (сначала системы Наган, затем Коровина, затем ТТ), золотыми часами награждали, почетными знаками награждали, часами, сапогами, портсигарами, отрезами на костюм, и даже томами сочинений Владимира Ленина и Карла Маркса награждали, а вот про кастеты — ни слова.

Цитата Ф. Э. Дзержинского в оригинале звучала так «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» и впервые была озвучена в книге «Феликс Эдмундович Дзержинский: Краткая биография» Н. И. Зубова в 1941 году (т.е. в 1927 году она никак не могла быть в ходу).

Более того, ни в одном архивном документе Златоустовской оружейной фабрики (а также Златоустовского механического завода им. В. И. Ленина, куда с 1920 года вошла Златоустовская оружейная фабрика на правах цеха) нет ни единого упоминания о производстве наградных кастетов и в номенклатуре их тоже нет.

Наградные топоры были, да, их в 1927 году в Златоусте выпускали для награждения передовиков лесохозяйственной промышленности, а вот кастетов не было. Да и не могло быть.

Потому что пролетарской сознательности были чужды всякие костоломные орудия хулиганья и ни у кого не могло возникнуть и мысли запустить подобное в производство.

Клейма Златоустовской оружейной фабрики с 1919-1927 гг. выглядели совершенно по-другому (*обратите внимание на шрифт*).

Для чего были созданы эти фальшивки? Для хайпа и стимулирования продаж. В двухтысячные годы интернет наводнили предложения о продаже «царских», «революционных», «советских», «гестаповских» кастетов и т.д. Кстати, до сих пор владение кастетом уголовно наказуемо. Это следует помнить тем, кто приобретает подобные вещицы через интернет-магазины или на развалах.

«Русский антиквар». *Пульс. История СССР*

История культуры России

«Прокурора, который выбил признание, настигла суровая, но справедливая участь!»- как Льва Гумилева дважды сажали в лагеря СССР?

https://pulse.mail.ru/article/prokurora-kotoryj-vybil-priznanie-nastigla-surovaya-no-spravedlivaya-uchast-kak-lva-gumileva-dvazhdy-sazhali-v-lagerya-sssr-1895911092100042791-2674721159031742341/?user_session_id=101ba4563faf599&qid=d218c91d3c49f099&utm_content=source_only_fulltext&utm_partner_id=901

В сентябре 1939-го в Дудинку – самый северный город СССР – пришла баржа с заключёнными, присланными за тридевять земель для возведения никелевого комбината и освоения окружающих новое предприятие территорий. Среди них был 26-летний Лев Гумилёв (1912-1992).

«В Дудинке начиналась самая северная в мире железная дорога, которая шла на восток, вдоль 70-й параллели. Длина ее была 102 километра, и вела она в будущее, а точнее, в рождавшийся город Норильск. Тогда в нем было 4 дома из бутового камня, малый металлургический завод с обогатительной фабрикой, силуэт которой на горизонте напоминал средневековый замок, и 2 скопления бараков – около 24 тыс. заключённых», – пишет Лев Николаевич в воспоминаниях.

Почему молодой перспективный учёный-историк, «светлая голова» – оказался зэком, подневольным чернорабочим – вместо того, чтобы трудиться в архивах, библиотеках, археологических и этнографических экспедициях?

Лев Николаевич знает ответ на этот вопрос.

Сын дворянина, да ещё и контрреволюционера, до 17-ти лет проживший с бабушкой.

Он родился 1 октября 1912 года в Петербурге, в семье, которую сегодня звали бы «звёздной», «богемной». Родителями будущего учёного-историка были популярные поэты Серебряного века Николай Гумилёв и Анна Ахматова.

Как и у многих представителей богемы, брак Анны и Николая не был прочным. Были сложные отношения, сыном они не особенно интересовались, и рос Лев в имении у бабушки Анны Ивановны Гумилёвой.

Лев Гумилёв в 1989 году. Фото в свободном доступе.

После событий 1917 и 1918 годов имение пришлось оставить. Но крестьяне к барыне относились с уважением, и грабить её не стали – всё, что можно из имущества она сохранила.

Николай Гумилёв прошёл всю Первую мировую 1914-1918 гг. от начала до конца. В то время как другие поэты слагали патриотические стихи – он пошёл на фронт добровольцем, хотя был человеком не бедным. От рядового дослужился до прапорщика, получил три Георгиевских креста и орден св. Станислава.

Николай Гумилёв отличался беспорядочной личной жизнью, и имел много любовных связей (также, как впоследствии и его сын Лев).

Лев Гумилёв с родителями, 1916-й год. Фото в свободном доступе.

В 1921 году отца Льва Гумилёва расстреляли – за участие в контрреволюционном заговоре. На этот счёт есть три версии: все правдоподобные, и ни одна не доказана:

заговор был, и Николай Гумилёв входил в антисоветскую организацию;

заговор был, Николай Гумилёв в нём не участвовал, однако знал участников и не донёс о их деятельности «куда следует»;

заговора не было, были лишь антисоветские разговоры, без конкретных действий.

С мамой Анной Ахматовой и бабушкой Анной Гумилёвой. Фото в свободном доступе.

Происхождение (сын дворянина, да ещё и контрреволюционера) очень мешало Льву Гумилёву в дальнейшем. Оно надолго закрыло ему путь к высшему образованию, оно стало отягчающим обстоятельством в деле против историка.

С 1929 года (с 17-ти лет) Лев Гумилёв жил в Ленинграде с матерью и отчимом – историком и искусствоведом Николаем Пуниным.

Вместе их и арестовали, 24 октября 1935 года – по обвинению в организации «контрреволюционной террористической группы студентов».

«После убийства Кирова в Ленинграде началась какая-то фантазмагория подозрительности, доносов, клеветы и даже провокаций», - вспоминал Лев Николаевич.

Донос на них с отчимом ничем не подтвердился. Пока они сидели в СИЗО – Ахматова ездила в Москву, писала всем, вплоть до Сталина, что её сына и мужа посадили ни за что.

Дело закрыли. Пунин сразу же вернулся к преподавательской деятельности. А вот Гумилёву пришлось потерять целый год. Комсомольская организация не давала ему восстановиться в вузе. Получилось это сделать лишь в октябре 1936-го, во многом благодаря тому, что летом Лев с большим трудом устроился в археологическую экспедицию на раскопки хазарского городища Саркел.

Лев Гумилёв. Фото в свободном доступе.

Во время учёбы к Гумилёву нередко придирались: то личность Петра Первого он как-то вольно интерпретирует, то Красную Армию дискредитирует своими словами, и т.п.

Последовал новый донос (или серия доносов). И ночь с 10 на 11 марта 1938 года Лев Гумилёв снова был арестован. Вместе с двумя другими студентами, он обвинялся по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) и 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность) УК РСФСР.

21 июня 1938 года Гумилёв под физическим давлением следователя Айрата Бархударьяна подписал признание «в руководстве антисоветской молодёжной организацией, в контрреволюционной агитации» (чтении стихотворения Мандельштама о «кремлёвском горце»), а также «в подготовке покушения на тов. Жданова».

На суде все трое отказались от своих признаний, Гумилёв при этом заявил: «отказываюсь от протокола допроса: он был заготовлен заранее, и я под физическим воздействием был вынужден его подписать».

Тем не менее, ему дали 10 лет лагерей. Тут уже хлопоты Ахматовой помогли лишь частично: в 1939 году срок скостили на 5 лет.

Не без удовольствия Лев Николаевич вспоминал, что обвинявший его прокурор, который возмутился мягкостью наказания, и требовал расстрела, – сам впоследствии был осуждён и расстрелян.

10 марта 1943 года этот 5-летний срок заключения истёк, но с Гумилёва взяли письменное обязательство работать в Норильском комбинате до конца войны. 13 октября 1944 года он ушёл на фронт. Служил в 1386-м зенитно-артиллерийском полку, во фронтовом резерве.

14 ноября 1945 года Гумилёв вернулся в Ленинград, а в 1946-м, будучи уже 33-летним – защитил дипломную работу, над которой работал ещё в 1937-м.

Снова наступил на те же грабли «непозволительного вольнодумства»

После этого последовали подготовка и блестящая защита кандидатской диссертации. А потом – новое дело об антисоветской агитации и принадлежности к антисоветской группе.

13 сентября 1950 года Гумилёву был вынесен новый приговор: 10 лет лагерей.

Второе заключение далось ему намного тяжелее – уже подводило здоровье, и на место молодого задора пришла зрелая меланхолия. Он видел, что постепенно теряет здоровье, и не рассчитывал, что протянет до конца 10-летнего срока.

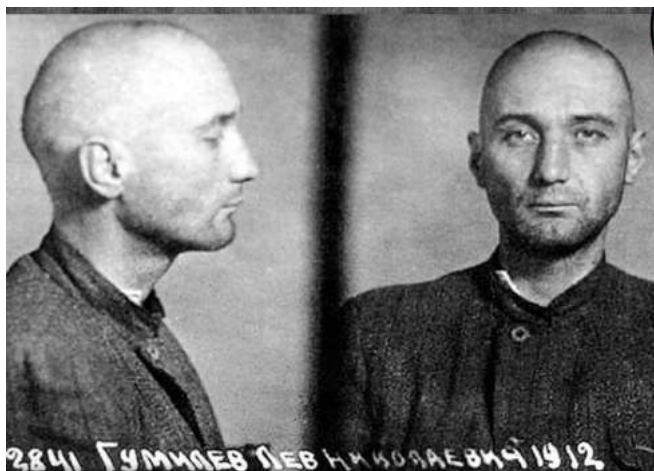

Фото 1949 года. Фото в свободном доступе.

Но после XX съезда КПСС заработали комиссии по пересмотру дел политзаключённых, и в конце апреля 1956 г. такая комиссия добралась до Омска, где сидел Лев Николаевич. 11 мая он получил свободу и был полностью реабилитирован. По делу 1938 года получил реабилитацию только в 1975 году.

Лев Гумилёв в шутку говорил, что первый раз он отсидел за папу, а второй раз – за маму. Оба раза дела инициировали доносы о его антисоветских высказываниях. А происхождение играло отягчающую роль в деле. Первый раз – сын дворянина и контрреволюционера. Второй раз – к тому же ещё и опальной поэтессы (Анна Ахматова попала в немилость властей).

Никаких заговоров Гумилёв не готовил. Но к советской власти относился критически. А в те времена иметь своё мнение, расходящееся с официальной «линией партии», было нельзя. Точнее, иметь его можно было, но если только держать при себе. А вот высказывать публично – было смертельно опасно.

"Комиссар": две малоизвестные, но драматические картины П. Кривоногова о гарнизоне Брестской крепости

https://pulse.mail.ru/article/komissar-dve-maloizvestnye-no-dramaticheskie-kartiny-p-krivonogova-o-garnizone-brejskoj-kreposti-1060184750769417061-3702568322351954320/?user_session_id=1fa9f4563a715ee&qid=1c1af19a0348c37c&utm_partner_id=429&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext

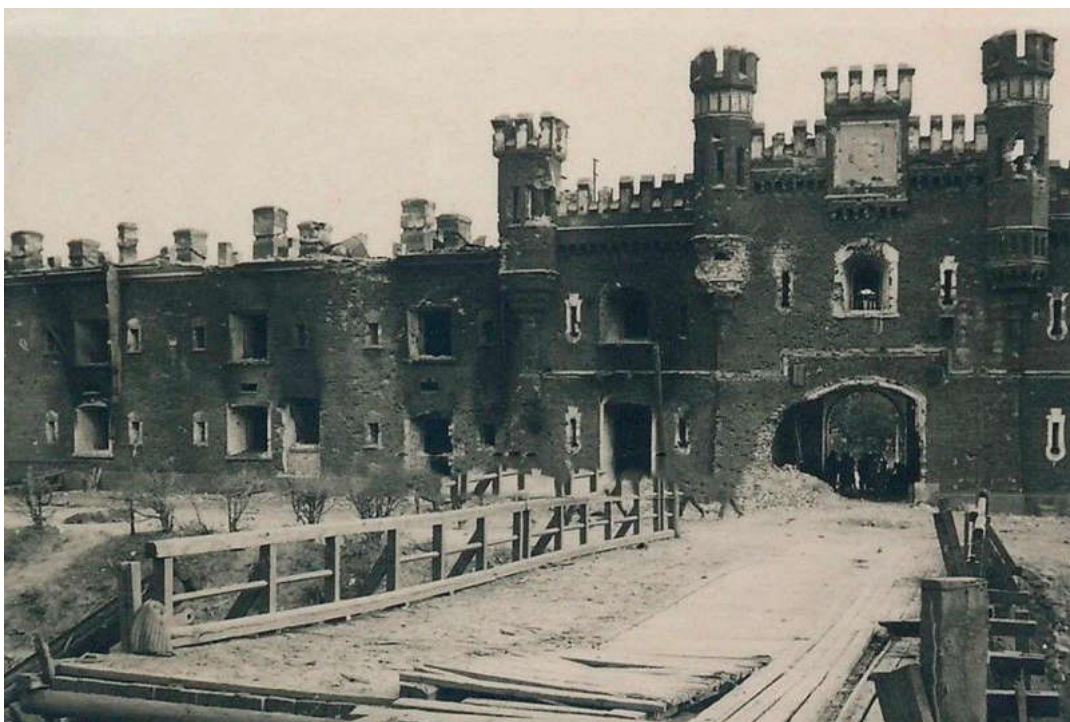
Руины сражающейся Брестской крепости. Из Тереспольских ворот навстречу гитлеровцам идёт в свой последний бой героический гарнизон, который, несмотря на отсутствие боеприпасов, провизии и медикаментов сдерживал врага на пути к Цитадели.

Измученные жаждой, раненые бойцы будто воедино слились со стенами, что навсегда запомнил пришедший сюда враг. Особенно, 45-я пехотная дивизия Вермахта, которая в первый день войны потеряла свыше 300 солдат и офицеров.

Перед Вами знаменитая картина художника Петра Александровича Кривоногова (1910-1967), одного из самых талантливых советских баталистов. Мы все её, конечно, видели, однако, у Кривоногова есть и другие полотна, посвящённые защитникам крепости.

Поэтому в этой публикации мы рассмотрим малоизвестные работы художника, а также поговорим о том, как деятельность Петра Александровича повлияла на изучение героической обороны.

"Я - КРЕПОСТЬ! ВЕДУ БОЙ..."

Для начала кратко коснёмся биографии художника. Пётр Кривоногов (1910-1967) после окончания Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры был призван в 1939 году на службу в Красную Армию.

В 1940 г. он оказался в Красноармейской студии им. М. Б. Грекова, в составе которой в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) находился на передовой и прошёл путь от Москвы до стен поверженного Берлина (*прим. - награждён медалью "За взятие Берлина"*).

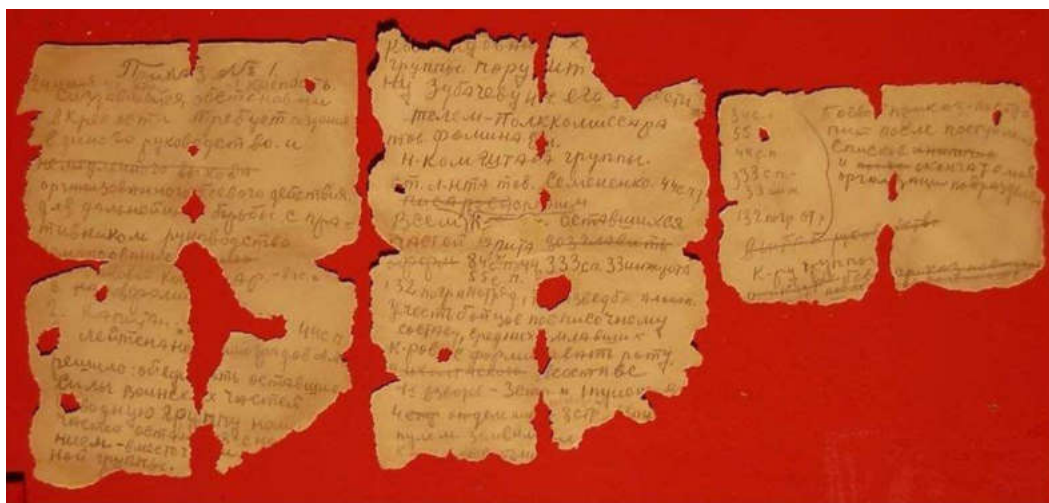

Пётр Александрович Кривоногов
членский художник Студии Трехов,
получивший Государственную Премию
за живопись в области искусства РСФСР

Именно там были созданы первые его работы о советских бойцах, которые позже превратились в известные нам полотна.

К теме обороны Брестской крепости Кривоногов обратился в конце 1940-х - начале 1950-х годов. Стоит сказать, что до этого о защитниках гарнизона практически нигде не упоминалось, кроме нескольких газетных статей, которые не были подтверждены документально.

Однако, всё изменилось в 1951 году, когда неожиданно под обломками казематов был обнаружен "ПРИКАЗ №1", написанный начальником химической службы 455-го стрелкового полка, лейтенантом **Анатолием Виноградовым (1912-1975)** 24 июня 1941 года.

Приказ №1

"...Крепость. Создавшаяся обстановка в крепости требует создания единого руководства и организованного боевого действия для дальнейшей борьбы с противником. Руководство и командование... Полковой комиссар Фомин – 84 СП. Капитан Зубачев – 44 СП. Лейтенант Виноградов – 455 СП. Решило объединить оставшиеся силы воинских частей в сводную группу..."

Отрывок из Приказа

В том же году появилось знаменитое полотно П. Кривоногова "Защитники Брестской крепости" (1951), которое оказало существенное влияние на развитие интереса к изучению обороны.

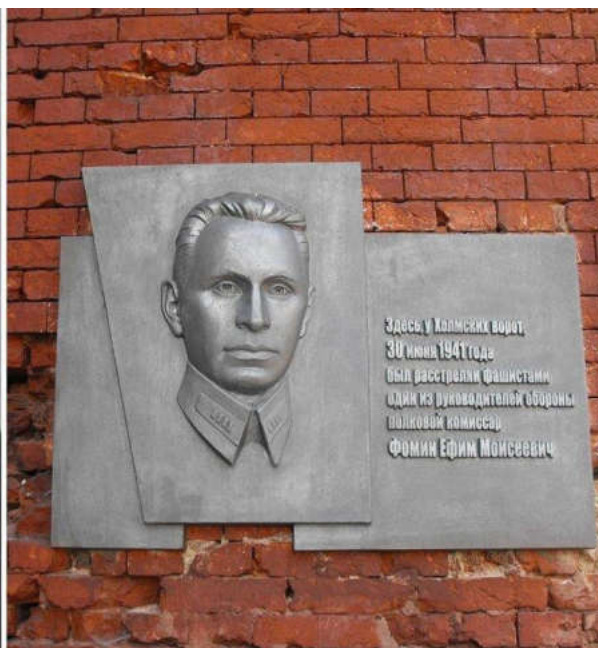
А в 1957 году, спустя шесть лет, известный писатель **Сергей Сергеевич Смирнов (1915-1976)** своей книгой "Брестская крепость", а также титанической работой по поиску участников тех событий сделал этот интерес **всенародным**.

"ПОСЛЕДНИЙ..." и "КОМИССАР"

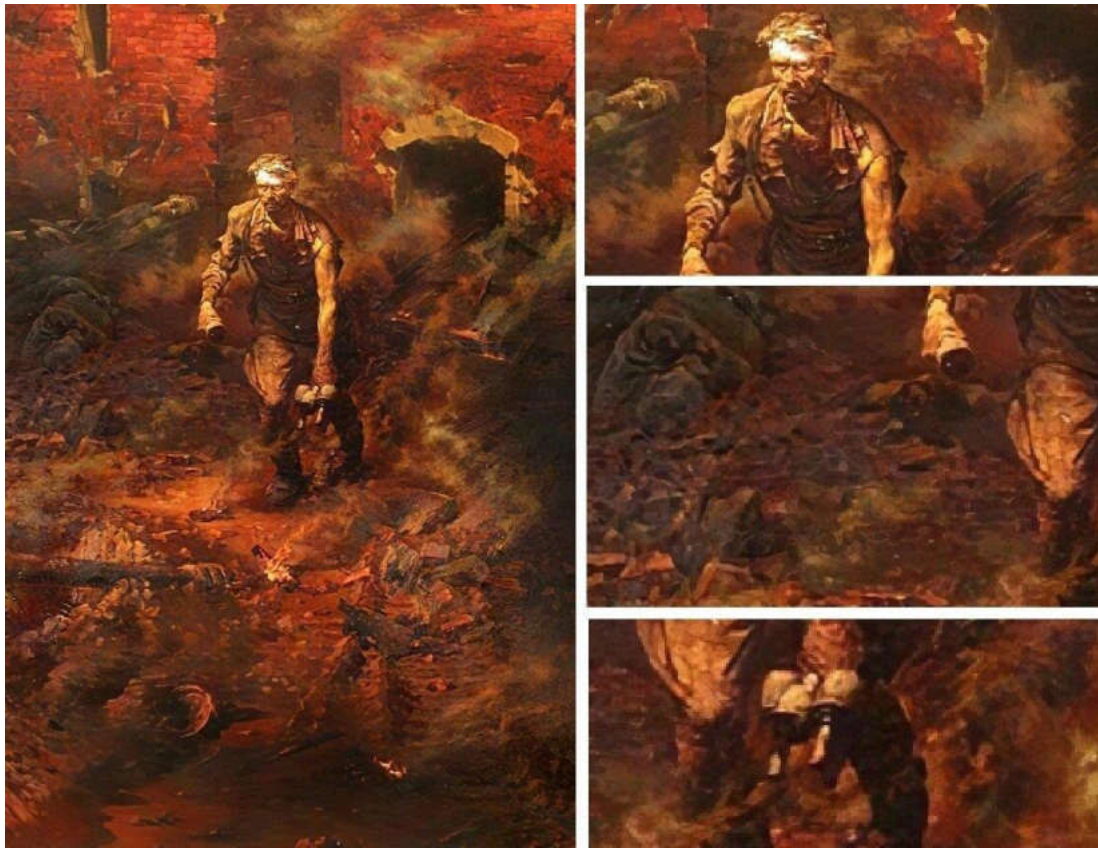
Теперь поговорим о картинах. Перед Вами два полотна Петра Кривоногова "Последний защитник Брестской крепости" и "Комиссар крепости", посвящённые бойцам героического гарнизона.

Обе картины выполнены в мрачных чёрно-красных тонах, за которыми более не видно света. Только огонь и дым...

Ефим Моисеевич Фомин (1909-1941)

Вот они, последние воины, ставшие часть разрушенных казематов и ворот Цитадели. Особенно, привлекает внимание "Комиссар крепости", сюжет которой, очевидно, был основан на подвиге заместителя командира по политчасти 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии **Ефима Моисеевича Фомина (1909-1941)**.

"Последний защитник Брестской крепости"

Несломленным он стоит у горящих ворот крепости, закрывая их своей грудью - последним, что у него осталось. Мы не видим гитлеровцев на этом полотне, однако, можем рассмотреть их тёмные тени, обращённые к Герою.

Понимаем, что перед нами последние секунды жизни отважного комиссара...

"Комиссар крепости"

ВОЙНА И ИСКУССТВО

Вклад военных художников в рассказ о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) трудно переоценить.

Ведь искусство во многом позволяет нам, глядя на многочисленные полотна, осознавать и представлять себя на месте изображённых героев. Размышлять о том, что будет дальше после воссозданного на картине мгновения: погонят ли дальше красные кавалеристы гитлеровцев по зимнему полю, возьмут ли моряки укреплённую Сапун-гору, а может выстоят защитники Брестской крепости? **Выстоят...**

"...Если б камни могли говорить
Под летящими вдаль облаками,
Рассказали б о мужестве камни,
Если б камни могли говорить..."

Отрывок из стихотворения Р.Рождественского

Оружие

Скопирован ли автомат Калашникова?

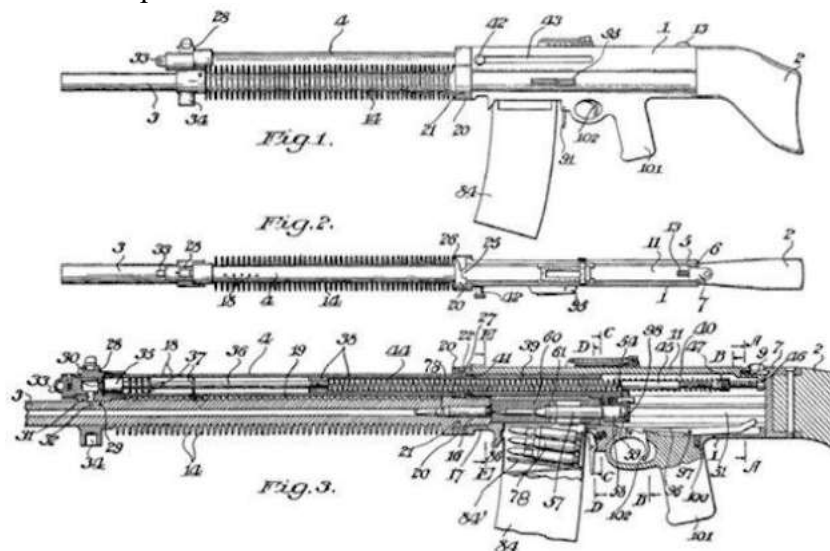
https://pulse.mail.ru/article/skopirovan-li-avtomat-kalashnikova-5870307431813368592-5141676886531693898/?user_session_id=15d8a4563d5769d&qid=832bc6b652dd33a3&utm_partner_id=901&utm_referer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext

Давняя и заезженная тема — якобы автомат Калашникова является копией немецкого StG-44 или же его вообще разработал Шмайссер, а Калашникову разработку только приписали. Ну, или Калашников свой автомат ещё с чего-то скопировал, но в любом случае не сам изобрёл. Подобные утверждения, тем не менее не переводятся, поэтому давайте ещё раз разберём их подробно.

Внешнее сходство

Один из главных аргументов несамостоятельности АК — «ведь похоже». На самом деле не так уж сильно они похожи.

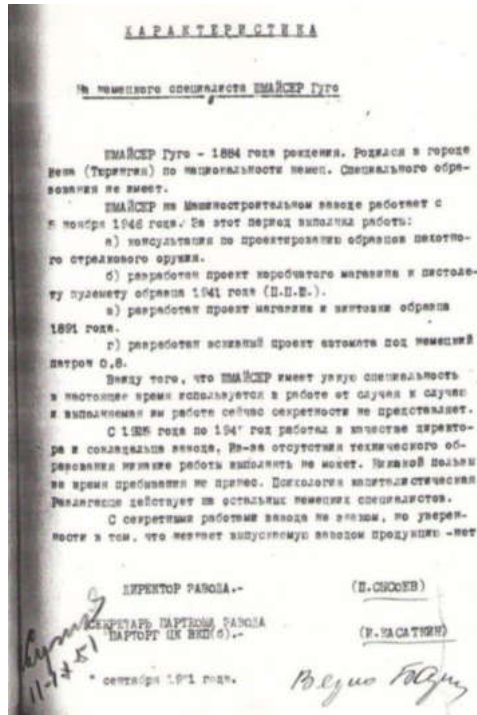
Ну что ж, давайте посмотрим на это «сходство».

Образование

Один из аргументов — у Калашникова не было технического образования. Не было, но в этом он был отнюдь не одинок. Калашников окончил 10 классов, что больше, чем, к примеру, у Шпагина, окончившего трёхлетнюю начальную школу. Тот же Шмайссер технического образования тоже не имел. В советской характеристике на него так и написано:

«С 1925 года по 1945 год работал в качестве директора и совладельца завода. Из-за отсутствия технического образования никакие работы выполнять не может. Никакой пользы за время пребывания не принёс».

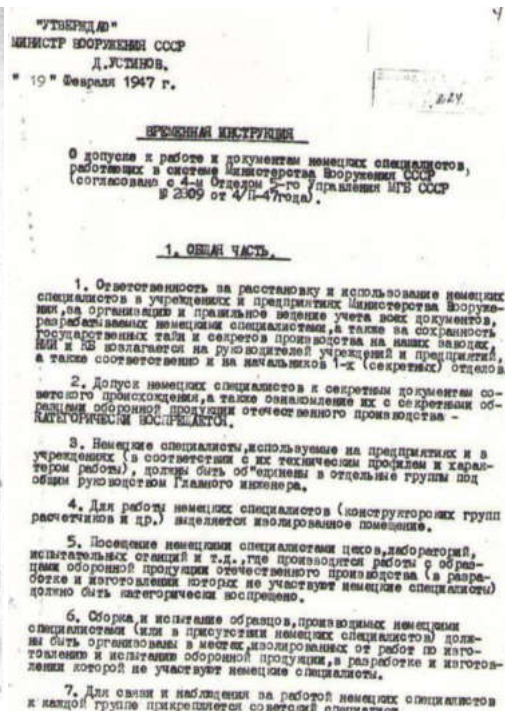
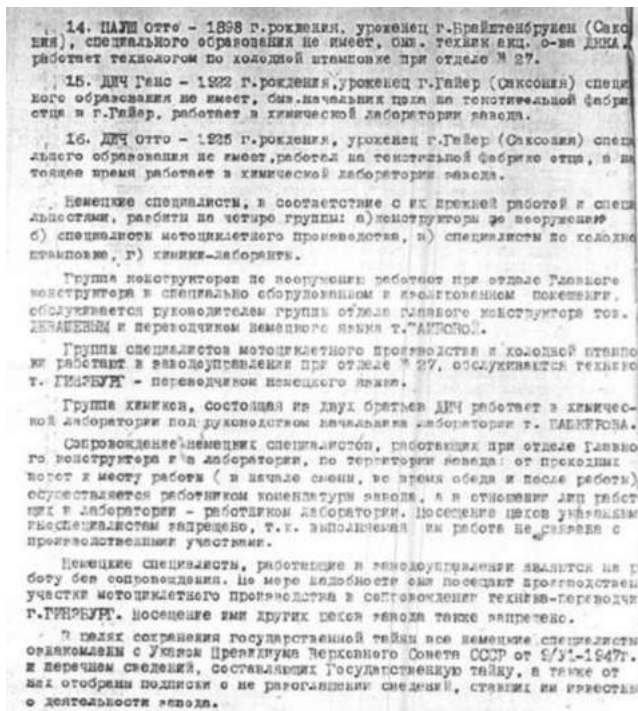

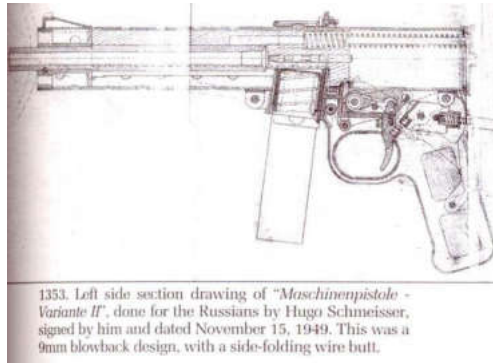
Да уж, такой точно сам всё начертит...

«Шмайссер сделал всё за Калашникова»

А теперь разберёмся поподробней с этим доводом. По поводу образования уже разъяснено, теперь о том, где они, собственно, работали. Калашников спроектировал АК летом 1946 года в Щурово, доводил он АК в Коврове, в то время как Шмайссер с группой немецких специалистов прибыли в Ижевск в октябре 1946 года и было их 16 человек, никакие не три сотни!

А теперь прочтём, какой работой должны были заниматься немцы:

Теперь подробнее о якобы «сходстве»:

У АК-46 и StG-44 разная автоматика, принцип запираия, УСМ, переводчик огня и предохранитель.

А чего общего-то? Переломная ствольная коробка, которая была у множества образцов — таких, как ППШ, ППС, ZB-26, ЗН-29 и т.д.?

Газоотводный цилиндр сверху? Как у СВТ, АВС, МG-35/36, пулемёта Льюиса 1924 года и т.д.?

Пистолетная рукоятка? Та самая, которая ещё у Томпсона присутствует?

С таким большим количеством общего впрямую говорить, что все автомобили, имеющие 4 колеса и руль — однозначно копии друг друга!

По поводу же того, что якобы «Шмайссер разработал в самом конце войны образец, который был точь в точь как АК».

К тому же АК вырос из карабинов Калашникова 1944 и 1945 года, первый из которых (карабин Калашникова — Петрова), появился в 1944 году.

По поводу же «нужны были герои» — Калашников не лучший вариант, сын кулака в качестве выдуманного героя — такое себе.

Калашников ничего не изобрёл

Довольно часто утверждают, будто кроме АК, Калашников вообще ничего не изобрёл. Это тоже не так. До АК Калашников изобрёл:

Приспособление для пистолета ТТ для стрельбы из щелей танка и удлинённый магазин к нему же.

Инерционный счётчик для учёта фактического количества выстрелов из танковой пушки.

Счётчик моторесурса.

Выключатель на массу.

Пистолет-пулемёт, 1942 г.

Ручной пулемёт, 1943—44 гг.

Самозарядный карабин Калашникова — Петрова, 1944 г.

Самозарядный карабин Калашникова, 1945 г.

Проект модернизации пулемёта СГ-43, 1945 г.

УСМ, 1945 г.

После АК и во время его доводки он сделал следующее:

Пистолеты-пулемёты под 9x18 и 7,62x25, 1947—48 гг.

Автоматический пистолет, 1951 г.

Снайперская самозарядная винтовка, 1959 г.

РПК, 1961 г.

ПК, ПКТ, ПКС, 1961 г.

Опытный АК со сбалансированной автоматикой, 1964 г.

Думаю достаточно примеров.

Также в оправдание иногда говорят, мол, счётчик его был плохой, не нужный и в таком духе. Вообще-то нет. Планы по его доработке и внедрению отменились только после начала Великой Отечественной войны.

«АК скопирован, но не с StG-44»

Упомяну, пожалуй, ещё адептов АК, скопированного с АС-44. У АК-46 и АС-44 разная автоматика, разный принцип запираания, переводчик огня и предохранитель. Некоторые выдают ещё более гениальное заявление, будто Калашников украл идею больших зазоров у Судаева.

Вот это да! Столько лет автоматическое оружие и оружие с ручной перезарядкой разрабатывалось и выпускалось, и никто не знал про зазоры! И каким таким чудом интересно винтовка Мосина такая непряхотливая? Заколдовали её, что ли? Или может, раз это не автоматическое оружие, проблема зазоров её не касается? Касается, ещё как касается, пример тому — винтовка Росса, считающиеся чуть ли не самой паршивой за всю историю. Как раз из-за малых зазоров между деталями, что приводило к сильной чувствительности к загрязнению.

На этом, пожалуй, всё.

Памяти земляка

Она считала его предателем

Зачислить томича Николая Елугачева в ряды героев помогла чудом уцелевшая фотография в гимнастерке

70 лет отметила недавно страна со дня начала Великой Отечественной войны. Время, как и грохот от взрывов артиллерийских снарядов и автоматных очередей, спрятали за страницами истории судьбы многих павших воинов-освободителей. Но верно говорят, что никто не забыт, и ничто не забыто: общество продолжает интересоваться неизвестными историческими фактами той эпохи и выявлять удивительные истории...

Елугачёв Николай Ефимович

Родился 25.11.1913г.

Пропал без вести в ноябре 1941г.

Перепохоронен 13 августа 1952г.

110 лет со дня рождения.

Вернуться к корням

В юго-западной части Томска раскинулся Лагерный сад. Его центральная часть – это мемориальный комплекс, окруженный 18 двухметровыми плитами с вылитыми металлом именами воинов-томичей, не вернувшихся с фронта. Здесь редко бывает безлюдно. Кто-то просто прогуливается и из любопытства пробегает глазами списки стел, кто-то целенаправленно ищет фамилии своих близких, приносит цветы.

У одной из плит – женщина лет 50 в очках с аккуратной красной оправой. На ней – плотной вязки красная кофта, черная жилетка, брюки, туфли, красная сумочка. Второй столбик, 25-я строка снизу – она привычно находит фамилию, смотрит на бесконечное течение реки, шепчет молитву.

«Работа, работа... Когда всё надоедает, прихожу сюда. Словно к корням возвращаюсь, и они мне силы придают», – объясняет Наталья Спицына.

Елугачев Николай Ефимович. Именно это имя находит она. Её дед был призван на фронт на пятый день с начала войны, и если бы не внучка Наташа, то бабушка так и считала бы своего мужа предателем, сдавшимся в плен. А напротив его фамилии стояла бы надпись – без вести пропавший.

На потрепанном снимке Николай – серьезный парень лет 25, в рубашке, застегнутой на все пуговицы, в буденовке с пятиконечной звездочкой. Снимки черно-белые, взлохмаченные временем. Они вместе с вещами долгое время лежали в тяжелом сундуке бабушки Натальи Спицыной – Марии Емельяновны Елугачевой.

«До 80 лет она держала обиду на мужа. Ушёл на фронт, оставил одну с четырьмя детьми, двое из которых умерли во время войны. От голода, – рассказывает Наталья Спицына. – А когда в 1946 году от Томского городского военного комиссариата пришёл документ, что «ваш муж Елугачев Николай Ефимович, в январе 1942, находясь на фронте, пропал без вести», и вовсе стала считать его предателем. Она хотела во что бы то ни стало дожить до 84 лет, считала, что только тогда с семьи снимется грех мужа. Примета, говорит, такая».

Наталья Спицына помнит любимую тряпичную куклу, сделанную натруженными руками бабушки, которая во время войны работала в цокольном цехе электролампового завода, из-за чего стала инвалидом по зрению. Жизнь для неё стала сплошным потоком работы как способа прокормить детей. И не только своих: ребятишки соседских семей обожали пироги с картошкой, приготовленные молчаливой тетей Машей.

Почему молчаливой? Да откуда взяться красноречию у женщины, которая жила в неведении, как в безграничном чулане, относительно судьбы мужа, пропавшего на фронте.

«Другим женам и вдовам после войны стали давать квартиры, а баба Маша так и жила на 16 квадратных метрах однокомнатной квартиры на улице Кузнецова, – говорит Наталья Спицына. – И только в 72-м получила жилье как вдова участника Великой Отечественной войны».

Первые вести о пропавшем Николае Ефимовиче стали появляться с 1952 года. На Смоленщине прошло перезахоронение советских воинов, останки которых были обнаружены на полях сражения. Официальный документ, пришедший на имя Марии Емельяновны, так и гласил: «действительно были перепохороны погибших воинов на территории Таратоновского сельского совета в августе месяце 1952 года, где обнаружены документы, домашний адрес погибшего воина Елугачева Н.».

Вдове читали это письмо вслух – грамоту она так и не освоила, некогда было, – а она не верила и упорно повторяла: «Предатель».

Холодное лето 52-го...

В Издешковском районе, в 52 километрах от Вязьмы, идёт перезахоронение советских солдат. В сырой глиняной земле найдены останки 18 человек. Опознаны двое. Как позднее расскажет Алексей Андреевич Шмыркин, участвовавший в перезахоронении, опознал он Николая Ефимовича по фотографии, данной матерью сыну на память. «Труха была непонятно ничего, снимок на глазах распадался, – напишет потом в письме в Томск Алексей Андреевич. – Но мне удалось распознать на обратной стороне: «г. Томск, ул. Учебная, No2 – 2 квартира».

И он сел за письмо.

«15 августа 1952 года.

Здравствуйте, дорогие родители Вашего сына. Наверное, фамилия Елугачев звать. Не можем написать, как, дорогая мать, вам это письмо будет прискорбно читать. Но все же охота вам сообщить о том, что Ваш сын был убит и был похоронен в нашей местности в 1942 году».

В чернильных строках второго письма к родителям погибшего он сообщает, что «Ваш сын совместно с товарищами похоронен в одну братскую могилу. И в гробы. Я сам лично копал могилу. С торжественным собранием, с населением. Было многолюдно и с венками, конечно. Конечно, и со слезами мы их зарыли в землю, которую освободили эти товарищи».

Переписку со смоленским поисковиком вёл отец Николая Елугачева. Он-то и решил опровергнуть мнение невестки о сыне-предателе. Ссылаясь на письмо Алексея Андреевича. Тот писал:

«Вы пишете и сомневались, что Ваш сын какой-то предатель. Но оказался фактически героем, павшим за освобождение нашей Родины. Который отдал свою жизнь за наше будущее».

В третьем, последнем письме он предполагает, что «это могло получиться в 1942 году: наша Смоленская область была оккупирована, и в том же числе и наш район, и наша местность, где и погиб Ваш сын за освобождение Смоленщины».

В списках не значился

«Данные о войне всё сокращаются и сокращаются, поисковики работают разрозненно: что-то находят и молчат, а потому многие судьбы остаются неизвестными, – говорит Наталья Морокова, поисковик-исследователь Центра документации новейшей истории Томской области. – В каких-то архивах, конечно, есть информация, но зачастую к ней не допускают людей, которым интересна судьба их родственников, погибших в Великой Отечественной войне».

Наталья Морокова, посвятившая поисковой деятельности 47 лет, показывает на карте передвижение 166-й дивизии, в составе которой служил и погиб Николай Ефимович. К слову, почему-то в списках этого соединения он не значился.

Дивизия была сформирована в октябре 1939 года. По штату предполагалось 14 138 военнослужащих. Когда началась война, в соединении проводили 45-суточные курсы по переподготовке тех, кто отслужил, и отправляли на фронт. Именно туда и попал дед Натальи Спицыной.

«26 июня 1941 года 166-я стрелковая дивизия отбыла на фронт с вокзала Томск-II. Это был

первый военный эшелон, уходивший из города», – написано в книге «Сибирское поле памяти» томского писателя и историка Тамары Каленовой и Игоря Краморенко, участвовавшего в поисковых работах начала 80-х.

«Раскопок как таковых не было, – вспоминает Игорь Краморенко. – Тогда нельзя было, запрещено. Мы расспрашивали местное население, брали только то, что на поверхности лежало: каски, гильзы».

Вместо послесловия

Только благодаря внучке Мария Емельяновна поверила в то, что её муж Николай Ефимович Елугачев никогда не был предателем и героически погиб в боях за Родину. Умерла вдова в возрасте 84 лет.

Мария Нисова
15 июля 2011г.

Война в Афганистане

Как советские военнопленные в лагере Бадабер в Пакистане подняли восстание

https://pulse.mail.ru/article/kak-sovetskie-voennoplennye-v-lagere-badaber-v-pakistane-podnyali-voosstanie-1530218894780808362-7373683420025631684/?user_session_id=103aa4563d5a860&qid=183e04d921468cdc&utm_partner_id=901&utm_referer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext

25 апреля 1986 пленные советские солдаты и афганских военнопленные подняли восстание почти два дня они удерживали пакистанский лагерь военнопленных, пытаясь связаться со своим командованием. Что же случилось?

Начало сопротивления

26 апреля советские солдаты начали организованное сопротивление. Когда охранники пошли на вечерний намаз, пленные взломали замки. Никого рядом не было, и им удалось захватить пулемет и боеприпасы.

Очевидцы битвы вспоминали, что все охранники куда-то пропали. Группе пленных удалось подняться на крышу и захватить несколько минометных установок. Но среди советских солдат был один предатель. Мухамеж Ислам в последний момент решил поддержать моджахедов.

Через пару часов прибыли переговорщики. Советские солдаты ответили отказом, они хотели встретиться с советским консулом в Пакистане, они просто ему не поверили.

Бурхануддин Раббани решил не медлить. Поздно ночью он отдал приказ подавить бунт. Бой длился всю ночь, Раббани случайно задело снарядом, пленным удалось метким выстрелом попасть по позициям пакистанских тюремщиков.

Все закончилось на рассвете. 27 апреля прогремел мощный взрыв. Раббани отдал приказ уничтожить лагерь из артиллерии. Весь лагерь был подорван и от него не осталось живого места.

Три версии произошедшего

Согласно первой версии brave советские солдаты попытались прорваться к складу оружия. После этого группа пленных попробовала перейти через пакистанскую границу и там воссоединиться с советскими войсками.

Историки говорят, что на самом деле советские солдаты не собирались прорываться. Они хотели захватить склад с оружием, связаться с советским командованием и попросить, чтобы всех солдат вывезли из Пакистана домой.

Согласно ещё одной версии не все поддержали восстание. В рядах советских войск был провокатор, который специально хотел, чтобы все закончилось трагически.

Странная реакция

Пленным советским гражданам не удалось добиться своего. В результате страшной бойни почти все солдаты были убиты. Инцидент шокировал все мировое сообщество, но в столице СССР молчали.

В Исламабаде испугались, что Москва очень резко отреагирует на произошедшее. Но новое правительство Горбачева вело себя очень сдержанно.

Подробности восстания тщательно скрывали. Только через месяц в газете «Правда» была опубликована непримечательная заметка о том, как на территории Пакистана советские солдаты «подали ноту протеста».

И только после распада СССР правительство Пакистана признало, что в Бадабере действительно случилось что-то страшное. Но официально Исламабад свою вину так и не признал. Список погибших до сих пор остается неточным. Но говорят, что СССР всё же отомстил Пакистану, об этом будет новая статья.

Афганистан

С Дальнего Востока – в Афганистан

А. Толкачёв

Зорин Анатолий Николаевич родился 8 мая 1957 года в городе Томске.

Окончил среднюю школу № 32 в 1974 году и сразу поступил в Томское ордена Красной Звезды высшее военное командное училище связи (ТВВКУС), которое окончил в 1978 году. Воинское звание – майор в отставке, 32 года выслуги.

Родители: мать – Зорина Зинаида Дмитриевна, мастер-гальваник, работала на одном из томских заводов;

отец – Зорин Николай Васильевич, слесарь-инструментальщик высшего разряда.

В Афганистане находился с 1985 по 1988 годы.

Награды: кавалер ордена Красной Звезды, Указ ПВС СССР от 8.12.1988 г.; Медаль «За безупречную службу в ВС СССР» III степени от 22.02.1986 г.; Медаль «За безупречную службу в ВС СССР» II степени от 5.01.1990 г.; Почётный знак «За самоотверженный ратный труд в КТуркВО» от 6.11.1987 г.; Юбилейная медаль «70 лет ВС СССР», Указ ПВС СССР от 20.01.1988 г.; Афганская юбилейная медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» от 23.05.1988 г.; Афганская юбилейная медаль «10 лет Саурской революции» от 15.08.1988 г.; другие медали и знаки воинской доблести.

Женат, взрослая дочь, внучка. В настоящее время в Томске и проживает.

Детство

Детство и юность прошли в Томске и под Томском, – рассказывает Анатолий Николаевич. – Так как я был непоседа и всегда убегал из детского сада, куда меня определили вместе с сестрой родители, воспитателям в конце концов надоели мои постоянные побеги, и они отказались принимать меня в свой садик. Пришлось родителям пристраивать меня к бабушке, жившей в посёлке Зональная Станция. Жизнь у бабушки до семи лет была прекрасна. Бегать от неё уже не хотелось. Летом всё свободное время проводил на Ушайке. Ловил с мальчишками пескарей и голянов на хлебные крошки в стеклянной банке с искусно пробитой крестообразно топором или ножом металлической крышкой, мешающей рыбам выскочить из банки. Зимой санки на горках у огромного трамплина и просто игра с мальчишками в любой мороз на улице.

Летом бабушка заставляла меня ходить за молоком, которое привозили на остановку автобуса в больших бочках с надписью «Молоко». Честно говоря, я любил это занятие. Гордо ходил с трёхлитровой банкой в сумке-сетке и тридцатью шестью копейками за три литра, вставал в небольшую очередь взрослых людей и возвращался к бабушке с полной банкой. А бабушка уже готовила что-нибудь вкусненькое к молоку.

Лучшим другом в то время был цыганёнок Мишка, который научил меня немного говорить по-цыгански. Несколько семей цыган жили рядом с нашим домом. Я часто ходил к ним в гости,

так что бабушка впоследствии говорила, что озорник Мишка научил меня не только лопотать по-цыгански.

А дальше всё было по стандартам обычной жизни школьников в СССР: занятия в школе, занятия в кружках, кино...

Ну, а у кого и военное училище после окончания школы.

Китайско-вьетнамский конфликт

Об этом мало кто знает, но такое событие было в 1979 году. И наша страна принимала в нём пассивное участие, перекрыв своими войсками границу у озера Хасан. Наша часть стояла в 500 метрах от Китая, в первой линии. Развернулись по полной: палатки, медсанбат, кухни и всё остальное. Фронтная маскировка и тревожное ожидание начала неминуемых боевых действий с обеих сторон. Всё было по-настоящему. Слава богу, ожидание было напрасным и вскоре конфликт рассосался.

Поразила дикая природа. Как-то раз мне, молодому лейтенанту, приказали проложить кабель длиной 15 километров по пересечённой местности. Я и солдаты были вооружены. Мало ли чего может произойти в лесу недалеко от границы?

Прокладываем кабель, вдруг гул какой-то, и перед нами промчался огромный секач со своим выводком. От неожиданности даже дух захватило. Прошли ещё несколько километров, и вот разорванная тигром косуля. Кровища вокруг... Следы на снегу уходили в тайгу. Взял у солдата автомат и ждал нападения зверя, готовый ко всему.

Но и здесь пронесло.

Очень тогда устали мотаться по сопкам, но задание выполнили успешно.

Вскоре нас вернули на место основной дислокации части.

Афганистан

Капитан Зорин, командир батареи управления артиллерии при штабе 40-й дивизии, попал в Афганистан в 1985 году. В то время он служил на Дальнем Востоке. За год до этого, летом 1984 года, его вызвали в штаб к начальнику отдела кадров дивизии.

Вопрос начальником был поставлен довольно просто: – Желаете?

Не менее кратким был и ответ: – Желаяю.

Сфотографировали и стали готовить документы.

Прошло полгода – ничего. Всё тихо-спокойно. И только через год пришла из Хабаровска, из штаба округа, телефонограмма: прибыть в штаб округа в течение трёх дней для замены по занимаемой должности в Афганистане.

Зорин быстро сдал батарею, а батарея управления артиллерии дивизии – довольно большое хозяйство. Собрался, попрощался с семьёй и в составе отправляющихся из 40-й дивизии в 40-ю армию, отбыл в Хабаровск.

По замещению должности в Афганистане шёл своеобразный конкурс. В негласной борьбе участвовало четыре человека, по характеристикам выбор пал на Анатолия Николаевича.

Из дивизии уезжало двенадцать человек. Всех собрали в Уссурийске, провели небольшой инструктаж, что и как можно в Афганистане и каково на сегодняшний день там военное и политическое положение.

Когда прибыли в Хабаровск, опять дня три с ними вели какие-то занятия по службе за границей. Потом собрали всех на военном аэродроме, посадили на борт «ИЛ-76» и без посадок перевезли в Ташкент.

В Ташкент прибыли 10 июня, откуда сразу же перевезли на военный аэропорт в Тузель, затем в автобусах на пересылку, где ожидали целую неделю дальнейшей судьбы. Всех разбили по специальностям и по направлениям. 17 июня снова привезли на аэродром Тузель и посадили в грузовой «ИЛ-76». Перед этим военные два часа сидели в душном «предбаннике».

Был и тщательный досмотр вещей пограничниками. Хлопотное это дело – переход границы. В самолёте летело 250 человек офицеров и прапорщиков.

Из Ташкента вылетели в Кабул. Летели два с половиной часа. В Кабуле метров 800 шли пешком до пересылки.

Через два дня ожидания в гостинице пришла разрядка в Шинданд, в конкретное место. Прибыл в штаб дивизии, но оказалось, моё место уже занято молодым местным выдвиженцем, лейтенантом, бывшим командиром взвода, как-то проявившим себя в боевых операциях. Молодцы! Дали возможность расти молодому офицеру. Мне же предложили должность комбата в арtpолку. Раз уж привезли, не отправлять же обратно? Тем более, все приказы по дивизии прошли. Делать нечего, хотя в подчинении оказалось меньше людей и техники, чем в Союзе.

В подчинении самоходные пушки САУ. Три дивизиона самоходных 122-миллиметровых, плюс одна 152 миллиметра. И ещё дивизион реактивных... В полку обычно четыре дивизиона.

Первый боевой поход был в 1986 году.

На операцию в провинцию Чанчаран выдвигался один дивизион. Нужно было зачистить группировку духов в самом центре Афганистана. Это, если смотреть по карте, от Шинданда на север.

Первые впечатления

– Мой БТР-60 – радиный. В колонне пылища невероятная. Красная, противная. Снял очки – и только под очками белая кожа, а всё лицо вокруг красное, как у клоуна в цирке. Проклятая пыль забила воздухопроводы, один двигатель пошёл в разнос. Мой БТР взяли на жёсткий буксир и отбуксировали в ремонт. За ночь ремонтники и экипаж полностью перекинули двигатель, отрегулировали его, и утром мы снова пошли на операцию.

Управление в этой операции сработало нормально, боевую задачу выполнили успешно. Царандой взял мятежные кишлаки под свой контроль, и мы ушли домой. Расстояние в той операции войска прошли примерно километров 150 на Чакчаран.

Это была моя первая боевая операция, потом были и другие. Всего за службу в Афганистане участвовал в пяти боевых операциях. А в арtpолку я не по своей воле больше отсиживался на посту дежурного по части. Кому-то в армии и эту ляжку тянуть надо было.

От Шинданда до Кандагара

– Однажды вызывает меня в штаб дивизии полковник Клованц, латыш. Подумал: намечается операция в Кандагаре, это все знают, зачем я ему понадобился?

Полковник спрашивает:

– Ты батарею управления дивизией командовал?

– Да.

– Вот и отлично.

Оказалось, что молодой выдвиженец всё в батарею завалил. Кроме отсутствия дисциплины стала хромать и боевая работа. Короче, полный разброд и шатания. Взводные сели комбату на шею, появилось пьянство даже среди солдат, дисциплина упала.

Делать нечего, принял батарею, на которую шёл для замены из Союза, в таком непотребном виде. Быстро навёл порядок. Подтянул дисциплину и среди солдат, и среди взводных. Каждого разгильдяя поставил на место. Особенно пришлось повозиться с «дедами». Каждые три месяца одна из наших машин выходила на боевое сопровождение колонн от Кушки до Кандагара.

Солдаты доставали по дороге «травку» у местных и привозили в батарею. Пришлось и с этим бороться.

Так началась моя служба на новом месте.

Проценты

Под моим началом было 75 человек, а в полку – 1000. Все происшествия выражались в процентном отношении к численности личного состава. Естественно, что одно-два заболевания в батарею имели один-два процента с копейками, а в полку тоже количество заболеваний или нарушений ноль целых и ноль десятых. И, несмотря на эту несурязицу, комбатов шерстили нещадно. Пришлось взяться за медицину. Точнее, за гигиену и профилактику заболеваний.

Перед входом в столовую поставил бак с водным раствором хлорки, куда каждый солдат окунал руки. Нам выдавали таблетки от желтухи. Лично старшина следил за тем, чтобы солдат проглатывал таблетку.

Больных стало заметно меньше. У нас даже возникло во взводах почти соцсоревнование на меньшее количество заболевших. Победители отправлялись на боевые операции. Это было поощрением. Каждый раз на боевые операции уходила третья часть батареи.

ЧП

В районе Шинданда пропали два солдата. Начальник штаба полка на операцию взял меня с собой.

Оказалось, солдаты продали бочку солянки духам, вечером пришли в кишлак за деньгами и пропали. Взводный знал, что они отсутствуют в части, и три дня не сообщал о происшествии.

Войска взяли кишлак в кольцо, навели 122-миллиметровые пушки и поставили условие: если не отдадут ребят, кишлака не будет.

Вынесли два изуродованных до безобразия трупа...

Командир дивизии приказал пронести трупы по всем подразделениям дивизии.

Полгода после этого в дивизии не было происшествий.

Сын

Ровно через год после моего приезда в Афганистан я вёл занятия в казарме с пулемётчиками, вдруг вижу, бежит в казарму старшина. Кричит мне в окно:

– Товарищ капитан, вас срочно вызывают в штаб к командиру полка.

Спрашиваю:

– В чём дело?

– Не знаю, – отвечает.

Прихожу в штаб, захожу к комполка, докладываю, он останавливает меня, наливает полный стакан самогона и говорит:

– Выпей.

– Зачем?

– Выпей. У тебя сын погиб.

Сын погиб в Смолянке, что на Дальнем Востоке, где было место моей прошлой службы. Первокласник нашёл геологический взрыватель, стал откручивать... И открутил.

Доложили об этом командующему 40-й армии Громову, тот позвонил комдиву, чтобы капитана срочно отправили домой на похороны сына-первоклассника.

В Томске был через семь часов. Везде всё без проволочек и в первую очередь.

Сына привезли и похоронили на Бактине в цинковом гробу на детском кладбище.

Кандагар

В Кандагарской операции я был старшим в своей группе.

70-ю бригаду обложили духи в большом количестве, и нам пришлось провести против группировки бандитов совместную с соседями операцию.

От Шинданда до Кандагара шли пять дней. И у меня снова полетели от пыли двигатели. Получил приказ: выехать на наши склады, забрать двигатели и срочно вернуться назад.

Ехали только в колоннах. Дошли до Шинданда и до складов за два дня с одной ночёвкой. Погрузились благополучно, надо ехать обратно, а попутной колонны нет. Кое-как проехал небольшое расстояние с небольшой попутной колонной и застрял на одной придорожной заставе, усиленной личным составом до 30 человек, где командиром оказался мой хороший знакомый, томич Виктор Матыскин.

Посидели, поговорили, повспоминали друзей, и я лёг спать.

Вдруг ночью проснулся от дикой орудийной и ружейной стрельбы.

Оказалось, на заставе так случается каждую ночь. Днём личный состав хорошо просматривает горы, размечает сектора, где может быть сосредоточение духов, а ночью долбят по этим секторам, расстреливая весь суточный боекомплект. Благо у заставы были хорошие склады, набитые боеприпасами донельзя.

Дни шли, а колонны в направлении Кандагара всё не было. Пришлось вместе с ребятами тренироваться в стрельбе по ночам. Настрелялся из всех видов оружия на всю жизнь. Солдаты

крепко держали местность в руках, не давали духам расслабиться. Жили в хорошо оборудованных кемпингах, сооружённых ещё в мирное время и укреплённых уже сейчас. Да и сама территория заставы была укреплена по-военному грамотно. Командир заставы был настоящий офицер.

Вскоре подошла ожидаемая колонна, и я вернулся в полк на своей машине и с новыми двигателями.

На этой операции впервые увидел применение объёмных бомб. Это просто конец света!..

Мусукала

В операции у Мусукала были наши погибшие.

Дело было так. Духи захватили кишлак, и афганские руководители района попросили оказать им помощь в уничтожении бандитов.

Как всегда, на операцию выехали колонной. Мой БТР вначале шёл за таким же командирским БТР-ом, а когда нас стали обстреливать из гранатомётов, командирский БТР куда-то свернул и исчез... Впереди у меня оказалась наша «буханка». В неё-то и угодил снаряд.

Она поднялась в воздух, а когда опустилась, от машины осталась только дымящаяся рама, в которой до этого ехало пять человек...

Наши разведчики вышли на душманов и сказали, что если те будут сопротивляться, будем их «мочить» «градами». «Дружеское» предложение к перемирию подействовало. Духи сдались.

Мой знакомый лейтенант Сашка, весельчак и любитель анекдотов, прекрасный офицер, один сын у матери, вместе с ним мы уже участвовали в Кандагарской операции, зачем-то остановился во время движения колонны и вышел из БТР. Мимо на большой скорости прошёл такой же БТР и расплющил его между двумя бронированными чудовищами...

Мы с ним были большими любителями настольного тенниса, практически чемпионами гарнизона. Я его больше не увидел. Его увезли в цинковом гробу из госпиталя на родину.

Госпиталь

Войска в 1988 году уже готовилась к выходу из Афганистана. На этот период нам запретили все отпуска и увольнения из армии. Мгновенно упала дисциплина: возникли пьянки и мелкие нарушения порядка. Некоторые «крутые» военнослужащие даже грозились написать в ООН про нарушения прав человека... Вспомнил народ о демократии, кончалась горбачёвщина, выполнив свои разрушительные задачи, посеяв в головы смуту.

В конце сентября пошла замена, пришли новые люди, близился мой афганский дембель.

И тут я заболел гепатитом...

Старший офицер городка 7 ноября пригласил несколько офицеров, в том числе и меня, на небольшой сабантуй к себе в квартиру. Стол был прекрасный, даже настоящая русская водка была. Время провели хорошо.

Прошло три дня, и у нас появился первый заболевший. Потом каждый день по очереди заболевали все, в том числе и я, последний. Все, кто праздновал за одним столом, пожелтели.

Мне стало плохо, когда меня вызвали на совещание в дивизию. Понял: пришёл мой черёд желтеть. Сразу приказал водителю после совещания отвезти в госпиталь, который был рядом со штабом дивизии. Там из меня выкачали для начала три большие пробирки крови, миллиграмм 300, и я надолго залёг в кровать. Вкачивали в меня ежедневно по три большие капельницы какой-то жидкости. Есть ничего не мог, только пил. Делать что-то тем более не мог.

А всему виной плохая вода и плюс постоянное нервное напряжение. У меня рост был 172 сантиметра, а вес, когда уезжал домой, – 60 килограмм. Бараний вес.

Начальником моего отделения в госпитале был выпускник нашего томского медфака.

Повезло. Томичей в Афганистане я встречал много. И всегда мы радовались встрече «за речкой». Вспоминали родные места, общих знакомых. Правда, мы, курсанты училища связи, не очень любили медиков и называли их «шприцами», потому что они всегда ходили в патруле и ловили нас в самоволках. Но это как-то не вспоминалось или вспоминалось теперь со смехом.

И тут из батареи приходит известие, что мне едет замена и нужно сдавать батарейное хозяйство.

Я к земляку.

– Валера, что делать?

Валера стал упираться.

– Ты должен отлежать в стационаре 21 день, потом реабилитация 21 день...

Какая реабилитация, какой стационар?! Замена через неделю будет.

Валера нашёл выход.

В дуканах у нас продавали чистый виноградный сок в маленьких баночках. В одной картонной упаковке 48 баночек. Посоветовал налечь на сок. Накупил я этого сока и целую неделю только им и питался.

Через неделю у меня основной показатель гепатита билирубин был 10, а норма –13 единиц.

А тут и заменщик приехал.

Я вызвал прапорщика, отдал ему ключи от сейфа, где были все документы, заранее мною приготовленные для такого случая.

Валера понял, что я почти здоров и меня не удержат, стал пичкать инструкциями: то – можно, это – нельзя, диета такая, а не наоборот...

15 декабря 1988 года я отчитался за батарею, и после проводин меня доставили на аэродром. Через два с половиной часа проснулся уже в Кабуле.

Встретил земляка Булата Галеева на пересылке, он жил в отдельном модуле. Посидели, поговорили...

На следующий день в Кабуле выпал снег. И всё. Аэропорт закрыли на несколько дней.

Хорошо, что у меня были ещё дела в Кабуле. Везде успел всё сделать, порешать и оформить документы убытия. Галеев покатал по Кабулу, показал все его достопримечательности. Целую неделю бездельничал.

И вот снег растаял, аэродром чистый. Дали «добро» на вылет. Самолёт грузовой, с какой-то техникой, и нас, четырёх пассажиров, как довесок взяли на борт. Трое мужчин и одна женщина.

Оказалось, в грузовом самолёте только в кабине нормальный воздух, а в «салоне» чем выше, тем больше его не хватает. Мои попутчики по очереди бегали в кабину к лёгчикам и дышали, мне кислорода хватало.

Самолёт ночью сел в Термезе. Оформил документы у пограничников, на следующий день пришёл в штаб округа. Узнал, что после отпуска меня направляют в Чехословакию.

Теперь только домой.

Лететь нужно во Владивосток, а билетов нет. С трудом и с помощью друзей купил билет на 29 декабря 1988 года. 30 декабря был во Владивостоке и потом на такси добрался домой, в Смоленку.

Дорога пролегла через войну

А. Толкачёв

Кочегаров Александр Анатольевич родился 26 ноября 1967 года в селе Усть-Бакчар Томской области, Чаинского района. Родители: Кочегаровы Анатолий Ильич и Нина Ивановна.

Брат – Кочегаров Николай Анатольевич 1969 года рождения. Служил в Бухте Провидения, пограничник.

Андрей Александрович воспитывает сына Юрия 1990 года рождения, который окончил Томский аграрный колледж.

Младший сержант Александр Анатольевич Кочегаров награждён памятной медалью «70 лет ВС СССР», медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», медалью «Ветеран боевых действий», медалью «15 лет вывода Советских войск из ДРА», медалью «20-летие вывода советских войск из Афганистана», медалью «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане». Награждён Почётной грамотой и памятным подарком от Администрации Томской области.

Семья

Родители Александра и по прошлым, и по нынешним временам были как бы людьми странными: сразу после свадьбы взяли и переехали из престижного областного Томска в далекую деревню, когда все их друзья, родные и знакомые стремились бежать из деревни в университетский город, где культура, развлечения и все прочие блага цивилизации. Но вышло так, что они не прогадали с переездом, потому что благополучно и с достоинством прожили всю свою жизнь на одном месте. Отец был хорошим токарем, уважаемым человеком, а в сельской местности освоил ещё несколько профессий. На селе без этого нельзя. Мать работала поваром в столовой, и подрабатывала там же уборщицей. В семье ценили достаток и стремились к лучшей жизни. Хотели, чтобы дети жили лучше и получили хорошее образование.

Среднюю школу Александр окончил в селе Усть-Бакчар. Обучаясь в школе, увлёкся хоккеем, участвовал в спортивных соревнованиях районных и межрайонных почти с начальных классов. Дело в том, что в третий класс к ним в школу пришёл новый физрук, увлекающийся хоккеем с шайбой. И вот с тех пор до сегодняшнего дня Александр при любом удобном случае встаёт на коньки и берёт в руки клюшку. В старших классах школы даже играл за сборную района на областных играх по хоккею. Были у него и неплохие результаты по лыжным гонкам и волейболу. По волейболу участвовал в областных играх среди школьников. Спортивным был парнем, им и остался. До сих пор играет в хоккей и даже имеет отличную спортивную экипировку.

После школы по рекомендации райвоенкомата Александр поехал поступать в Ачинское высшее авиационно-техническое училище, к сожалению, не сдав вступительных экзаменов, вернулся в родное село. Устроился на работу в совхоз «Усть-Бакчарский» в качестве рабочего.

Осенью 1985 года был направлен военкоматом на курсы водителей в город Колпашево, в СПТУ № 2. Успешно окончив его, вернулся в совхоз, получил машину и до призыва в армию работал уже водителем.

Армия

В апреле 1986 года Кочегаров был призван в ряды Вооружённых Сил СССР.

После медкомиссии в Томске новобранцев отправили через Новосибирск и Караганду в Баку. Потом в Ташкент и далее в Армению, где находилась учебка.

Пока переезжали из одного города в другой, сопровождающие офицеры даже намёками не давали понять, где будут служить призывники.

– Там точно не замёрзнете, – отшучивались они, намекая, что выехали новобранцы из Сибири в зимнем обмундировании. В то время на севере Томской области ещё местами лежал снег.

После приезда в Баку шинели ребятам до времени действительно не понадобились.

Службу в учебном автобате Александр проходил в Степанакерте, что в Нагорном Карабахе.

Трёхмесячные курсы были насыщены и теорией, и практикой. Опытные инструкторы уже знали, что ожидает молодых водителей в Афганистане, и готовили молодёжь, используя опыт их предшественников. Больших физических нагрузок в учебке не было, командиры больше уделяли внимания вождению в экстремальных условиях и технической части автомобиля, что многим водителям спасло впоследствии жизнь. Конечно же, была и стрелковая подготовка.

Вкратце познакомились с видами иностранного стрелкового оружия. Ходили на стрельбы.

Первое впечатление от пока ещё советского юга у сибиряков были потрясающие: горы, фрукты, тепло и животный мир удивляли своей необычностью. После Сибири всё было в диковинку, особенно – то, что дома они покупали в магазине за хорошие деньги, здесь росло из земли просто так, почти как сорняк, чем курсанты и пользовались.

Отношение местных жителей к солдатам было отличное. Помогали, чем могли, угощали фруктами, относились к солдатам с большим уважением.

Афганистан

После трёх месяцев обучения начались отправки в ДРА, и Кочегаров попал в первую партию.

Из Степанакерта вначале выдвинулись в Баку, далее на самолёте перелетели в Ташкент, где с гражданского аэродрома ребят перевезли на военный.

До Кабула летели военно-транспортным самолётом «Ил-76». После приземления в Кабуле первое впечатление от увиденного было не радостным: серость, жара, пыль. И горы. Высокие, неприступные, давящие на мозг равнинного жителя отсутствием привычного горизонта. Сразу стало тревожно на душе многим, даже тем, кто вначале хорохорился и строил из себя бесшабашного парня, которому всё нипочём.

При распределении молодого пополнения по частям «покупатели» оставили Александра во взводе охраны, на пересыльном пункте Кабула, совсем недалеко от места приземления. Там солдаты охраняли пересыльный пункт, взлётную полосу, встречали «молодёжь из-за речки», а также гражданские борты с первыми лицами Афганского государства.

Через полгода службы вместе с другими, недавно прилетевшими в Афганистан, его перевели в другую часть – «Армейский продсклад», где вскоре после демобилизации старослужащих весной 1987 года Кочегаров получил «КамАЗ 5511», на котором и проездил до своей демобилизации в 1988 году.

Служба его была, можно сказать, почти гражданская: возил строительные и хозяйственные грузы, продовольствие и многое другое, так необходимое воюющей 40-й армии.

В их авточасти было много разной техники, в том числе и рефрижераторы, выполняющие перевозку скоропортящегося продовольствия в отдалённые гарнизоны. Сам же Александр работал больше в Кабуле и в ближайших вокруг столицы районах.

Но однажды на своём «КамАЗе» и он совершил в составе небольшой колонны рейс до Хайратона через перевал Саланг, с заездом и ночёвкой в Баграме и Пули-Хумри. Впечатления от той поездки до сих пор остаются самым ярким воспоминанием об армейской службе.

На протяжении всей дороги по обочинам на дне ущелий лежала обгоревшая техника, как напоминание о трагических судьбах наших парней. На перевале Саланг кого-то просто стащило в пропасть – там круглый год снег, на трассе очень скользко, но аварии чаще происходили здесь всё же в результате обстрелов. «Духи» специально устраивали засады на наши колонны, выбирая самые опасные места для нападения.

Проезжая через тоннели на перевале, Александр по-крестьянски удивлялся объёмами выполненных работ, прикидывая в уме, сколько же это стоило строителям в деньгах, и в трудозатратах. Условия работ в горах сложнейшие, погодные условия ещё хуже, и при этом такая живописная дикая красота вокруг.

Жаль, что не было у него в то время фотоаппарата, такие бы снимки можно было сделать на память о службе. Фотоаппарат на продскладе у водителей был только один, и тот – старенькая «Смена». Его передавали как эстафетную палочку от одной партии дембелей «салагам» – другой.

Ближе к Хайратону появились признаки пустыни, показались барханы, и стала доносить жара. Воистину Афганистан – страна географических парадоксов! Буквально несколько часов езды, и колонна из снежных заносов стала входить в зону знойной пустыни.

На обратном пути через Саланг его колонну, с которой Александр возвращался в свой гарнизон, остановили на посту наши солдаты. Оказалось, ниже по серпантину были слышны стрельба, взрывы и гул вертолётов... Это передовая группа, охраняющая колонну, нарвалась на душманов, устроивших засаду, и теперь по нападавшим «работали» наши пушки и вертолёты.

После ликвидации засады колонна пошла дальше...

В принципе, эта командировка прошла для Афганистана буднично и без больших происшествий.

Александра судьба хранила, а вот у его друзей случалось всякое.

Сосед по палатке, работавший на рефрижераторе, однажды пришёл из рейса и, не раздеваясь, сразу залёг в постель, закрывшись с головой. Подумали, что устал, и не стали к нему приставать с расспросами. Наутро пошли в автопарк, а у его машины, метрах в трёх от кабины, часть верхней коробки рефрижератора оказалась напрочь разворочена. Из гранатомёта попали.

Долго после этого солдат в себя приходил, но ездил без отказа на любые расстояния.

Этому парню вообще не везло и везло одновременно, что было весьма парадоксально даже в той обстановке.

Однажды он приехал, а у него в кабине в стёклах с обеих сторон дверок оказались дыры от пуль.

Как выжил – одному Господу Богу известно!

Бывало в Афганистане всякое

Однажды командир приказал Александру привести из партии техники, вновь прибывшей на грузовом самолёте из Союза, новую полевую кухню.

Александр приехал на аэродром, и, пока цеплял к фаркопу «Урала» кухню, а потом ждал на окраине аэродрома сопровождающего груз прапорщика, оформлявшего документы, увидел, как грузился на взлётной полосе борт солдатами и гражданскими. Большой борт, «Ил-76». Туда входило полторы сотни, в двухпалубном варианте – 225 солдат с личным оружием. Вместе с солдатами в самолёт грузились наши русские и афганские гражданские с детьми и домашним грузом.

Каждый взлёт такого гиганта сопровождался особой «церемонией». Я это видел не однажды, но всегда это было очень зрелищно и... интересно. Вместе с ним взлетали и кружили вокруг два-три вертолёт. Они при этом постоянно отстреливали небольшие многочисленные светящиеся боеприпасы, которые получили в солдатском просторечье название «тепловые ловушки». Настоящее же их название – ложные тепловые цели, или ЛТЦ.

ЛТЦ – пиротехнические устройства, выделяющие большое количество тепла при сгорании горючего состава. Конструктивно «тепловые ловушки» представляют собой небольшую ёмкость с твёрдым горючим составом – конструкция в принципе подобна боеприпасам сигнальных или осветительных пусковых устройств. Ничего в них сложного нет и, тем не менее, это весьма эффективное средство защиты от нападения самонаводящихся ракет, работающих на тепловую струю двигателей. Система работает отлично даже в наше время.

Обычно самолёты, взлетая с аэродрома, делали над ним круги, набирая высоту. В нашей живой природе обычно так делают пауты, если у них вырывается жало и отпускаешь на свободу. Они с громким жужжанием кругами взлетают в вышину неба и исчезают в нём навсегда. Их в деревнях так и называют за это – бомбовозы.

В нашем же случае аэродром был окружён враждебными горами, на которых сидели «духи», и взлетать над ними, не набрав большую высоту, было равно самоубийству. Именно для этого каждый взлёт и посадку самолётов контролировали вертолётчики, при необходимости обстреливая подозрительные возвышенности из крупнокалиберных пулемётов и ракет.

И вот когда самолёт-гигант, начав разбег по взлётной полосе, стал медленно набирать скорость, в один из вертолёт, сопровождавших взлёт, попал снаряд. Вертолёт стал быстро падать с небольшой высоты, перевернулся при падении на землю и загорелся.

Пожар сразу был сильным. Тушить его было невозможно изначально и даже опасно. Он был укомплектован боекомплектом полностью на все сто процентов.

Самолёт-гигант сразу же стал притормаживать на полосе, его рейс был отложен. После остановки двигателей к нему подъехали аэродромные службы спасения, и пассажиров стали высаживать в стороне от догорающего вертолёта, спасшего им жизнь, где всё ещё взрывались боеприпасы.

Упавший вертолёт сгорел полностью, лётчиков спасти не удалось, и, увы, даже не пытались это сделать, а у гражданских пассажиров, на глазах которых произошла катастрофа, после высадки из самолёта началась настоящая истерика. Да и у всех, видевших это, настроение было далеко не праздничное...

В самолёте обычно при взлётах и посадках всегда все сидели тихо, но как только набирали высоту, сразу жизнь на борту становилась радостной, всем хотелось петь, веселиться, шутить...

Так что все там под Богом ходили.

Дедовщины как таковой в части не было. Разве что только «старики» разъясняли молодым правила личной гигиены. Но это делалось на первых днях службы, во имя их же пользы и без какого-то физического принуждения. Солдат всегда должен быть опрятным и здоровым, тем более за границей в такое время. Это знали и понимали все. В Афганистане самыми распространёнными болезнями были холера, чума, гепатит. Афганистан всего год-полтора в молодости, а болезни могут быть «подарком» на всю жизнь до глубокой старости. И это дисциплинировало всех.

За внешним видом следили не только офицеры, но и старослужащие. С офицерами панибратских отношений у солдат не было, но и излишних уставных строгостей не наблюдалось. Были нормальные отношения начальника с подчинённым.

И поехал мирными дорогами...

Демобилизовался младший сержант Кочегаров в мае 1988 года. Домой летел с земляком, служившим в соседней части, Сергеем Голубцовым из села Лучаново, с которым подружились ещё в Афганистане и дружат до сих пор. Летели через Ташкент. Пограничник с раскосыми глазами словно рентгеном просветил всего насквозь, спросил про запрещённые к провозу вещи, и пропустил, не обыскивая, дембельский багаж.

Вернулся в родное село, родные и друзья встретили по-русски застольем и слезами радости.

После небольшого дембельского отпуска устроился на работу, сел на машину «ГАЗ-53».

Началась обычная сельская трудовая жизнь: посевная, уборочная, доставка грузов из Томска – запчастей, удобрений, сельхозтехника и так далее. Со спортом по-прежнему не расставался и не расстанется.

В июне 1989 года создал семью, совхозная администрация сразу выделила квартиру молодой семье. В 1990 году родился сын Юрий.

В 2004 году семья переехала на жительство в село Подгорное. В настоящее время Александр Анатольевич уже много лет работает на предприятии индивидуального предпринимателя, хорошего человека и удачливого хозяина. Работал с ним на северных месторождениях, где занимался перевозками и обслуживанием буровых установок. Работал на фронтальном погрузчике-экскаваторе JCB. С 2021 года работает на «КамАЗе»-молоковозе, возит молоко на молокозавод «Томское молоко».

После переезда в Подгорное продолжал играть в хоккей на районных и областных соревнованиях. В рамках Российского Союза Ветеранов Афганистана (РСВА) внутри района с друзьями проводили и проводят патриотическую работу с молодёжью, организовывали спортивные мероприятия: межрайонный хоккейный турнир, волейбольный районный турнир, футбольный районный турнир среди школьников Памяти участников боевых действий.

Победителям вручались кубки, медали, памятные подарки.

Домой вернулся неожиданным

А. Толкачёв

Александр Николаевич Трушляков родился 31 января 1966 года в селе Подгорное Чаинского района Томской области.

Отец Николай Никифорович – кочегар РАЙПО.

Мать Валентина Алексеевна – доярка. В семье Трушляковых было четверо детей: трое сыновей и одна дочь. Александр был старшим – главным помощником родителям в доме. Все парни впоследствии служили в армии.

В апреле 1985 года Александр был призван в армию. Рядовой Трушляков служил в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Женат. Вместе с женой Диной Анатольевной, главным бухгалтером райветуправления, вырастил парня и девочку. Сын два года назад пришёл из армии. Служил в России.

Награждён памятной медалью «70 лет ВС СССР», медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», медалью «Ветеран боевых действий», медалью «15 лет

вывода Советских войск из ДРА», медалью «20-летие вывода советских войск из Афганистана», медалью «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане». Награждён Почётной грамотой и памятным подарком от Администрации Томской области.

Детство

Детство было, как и у всех деревенских мальчишек: утренняя работа во дворе и по дому, уход за домашними животными, чистка помещений в стайках, летом ежедневный вечерний полив овощей на огороде, потом подходил сенокос, заготовка дров и так далее.

Зимой учёба в школе, игра в хоккей и лыжи.

Из наиболее приятных занятий были походы в лес за грибами. В жаркое лето всё свободное время проходило на реке Чае, где купались, играли в волейбол, футбол, ловили рыбу на удочки, корчажками и сетями.

Катались – вначале на велосипедах, потом на мопедах и, став повзрослее, на мотоциклах.

Конечно, не обходилось без детских шалостей. Например, взрывали разные полые предметы, набитые порохом, серой и всем, что могло взрываться. Недаром химию в школе учили.

Но были просто хулиганские проделки, случавшиеся по мальчишеской глупости и бесшабашности.

Однажды рано утром пошёл Александр со своими двумя друзьями в лес за грибами. Когда проходили мимо кладбища, увидели свежую могилу и относительно новый временный крест, прислонённый к кладбищенской ограде. Это кто-то установил вместо креста настоящий памятник на могиле родственника, подновив её.

В обед, когда ребята возвращались с удачной грибной охоты, снова проходили мимо кладбища, и прислонённый к ограде бесхозный крест просто гипнотизировал их – унесите меня отсюда. И у них родилась идея.

Захотелось напугать девчонок, но не просто напугать, а с выдумкой.

Поздно вечером отпилили немного крест у основания и установили его у дома одной доярки, матери знакомой девочки, насыпав из песка почти настоящую могилу, в которую зачем-то затолкали старые кирзовые сапоги, предварительно вставив в них палки и насыпав песку.

С рассветом уходящая на дойку мать разбудила Александра вопросом:

– Ты где вчера вечером был?

Оказалось, что доярка, жившая в доме, у которого поставили крест, пошла на работу, и увидела свежую могилу. Естественно, в крик.

Подъехал автобус, собиравший доярок на ферму, все высыпали из него, стали дёргать за сапоги, а могила зашевелилась... Крики, истерика...

Вызвали милицию.

Александр быстро на мотоцикл и – к друзьям. Сеть с собой захватил, хлеб, соль, на самое дальнее место рыбалки укатили до самой темноты.

Вечером мать рассказала, что какая-то старуха видела трёх белокрысых мальчишек на месте происшествия. Александр чернявенький, но на солнце за лето волосы выгорели. Однако на их троицу подозрение не пало, милиция немного потормошила совсем невиновных белокрысых мальчишек, но, ничего не добившись, это дело забросили.

Так до сих пор никто и не знает, кто всё это проделал.

Спорт

Александр с детства любил играть в хоккей. Ходил в ДСШ с десяти лет. После армии женился и на время забросил спорт: семья, дочь, хозяйство, трудные девяностые годы. Не до того было. После тридцати снова взялся за спорт: хоккей и настольный теннис – любимые виды.

Были у подгорненцев когда-то серьёзные соревнования и турниры. Всё-таки две взрослые хоккейные команды в селе собирали в своё время.

Трушляков рассказывает:

– Мы с Александром Кочегаровым, афганцем и моим другом, в одной хоккейной пятёрке работаем. Сейчас, правда, уже не то. Народ разъехался кто куда. У кого-то возраст уже не позволяет брать клюшку в руки. Да и молодёжь уже не так рвётся на лёд. Вот лет 10 назад был самый расцвет нашего сельского спорта.

Мы с Кочегаровым работаем у очень успешного предпринимателя. Он сам в прошлом мастер спорта по дзюдо, входил в сборную России от Новосибирска, и как только поднялся на ноги в бизнесе, стал серьёзно обращать внимание на спорт в своей организации. Купил всем своим спортсменам спортивную форму, атрибутику, сам участвует в соревнованиях. Понимает, что спорт нужен людям, а производству нужны здоровые работники.

Афганистан

Трушляков призвался в армию 15 апреля 1985 года. После четырёхмесячной учебки в автобате Усть-Каменогорска 4 августа попал в Афганистан, где находился до 11 мая 1987 года.

Александр рассказывает:

– В учебке обучали хорошо, и делали упор не только на вождение разных автомобилей, но и на физическую подготовку. Каждое утро начиналось с кросса в шесть километров.

Передвижение по территории только бегом, исключением было лишь хождение в столовую и обратно.

Кормили нормально, аппетит после физзарядки был отменный. Все курсанты одного призыва жили дружно, без дедовщины.

В Афганистане была дедовщина, но, как я знаю, везде она была разная. Где-то совершенно ничтожная, где-то жёсткая. Всё зависело от офицеров. Там, где офицер любит службу и солдат, там дедовщины быть не может в принципе. Офицер не перекладывает свою работу на старослужащих, ведь ему с рядовыми идти в бой вне зависимости кто он – «молодой», «черпак» или «дед». И он должен знать каждого человека не только по фамилии, но и по характеру, по способностям и выносливости – физической и психологической. Ну и, конечно, многое зависит от контингента солдат, от их домашнего воспитания, начитанности и общего образования.

А потом, там, где служба ежедневно на грани боевого столкновения с противником, все становятся равны.

Из учебки в Афганистан нас отправили двумя группами. Одну посадили в самолёт, вторую на поезд, затем из Термеза нашу группу на машинах перевезли в Хайратон.

Жара в Хайратоне была для нас, жителей средней полосы России и Сибири, жуткая. И самое паршивое было в том, что у нас сутки не было воды. Не было даже солдатских фляжек.

Мы сняли форму, набросили её на колючую проволоку заграждения, чтобы появилась тень, только этим и спасались.

Часть в/ч 65753

По прибытии в часть в/ч 65753, в 8-ю роту, меня сразу посадили на потрёпанный в боях БТР номер 383. БТР уже почти использовал свой моторесурс и ждал своего «дембеля».

В учебке нас учили на водителей автомобилей, БТР увидел первый раз в жизни, но ничего, быстро освоился, через неделю уже участвовал в боевой операции. Вскоре мой БТР списали и отправили в Союз на переплавку, а меня перевели в разведзвод и дали новый БТР.

Жили в военном городке по 10 человек в «кубриках» (так мы называли между собой наши жилища, непонятно из чего сделанные: то ли из камня, то ли из глины) и больших армейских палатках, рассчитанных на целый взвод.

Мучила жара, доходившая до 50 градусов. В БТР – сущий ад. Высунешь голову из люка, лицо жжёт, как в кузнице у горна, только гораздо сильнее. Металл руками невозможно трогать, можно реально получить сильный ожог. Залезал внутрь с тряпкой или в перчатках, стараясь быстрее проскользнуть внутрь машины.

С водой проблема у нас вроде бы разрешилась сразу, а вроде бы и нет. Нам в баках привозили солёную воду из подземной скважины. Пить её без привычки было невозможно. Мы делали «чай» из верблюжьей колючки, которая притупляла жажду, засыпали «чай» сахаром, но всё равно назвать это питьевой водой было невозможно.

Трубачи

Водой нас выручали «трубачи».

Дело в том, что наша часть охраняла участок двух ниток трубопровода, по которым перекачивали солянку и бензин. Через каждые 20 километров стоял пост охраны подстанции трубопровода, человек семь. И вот у них была хорошая подземная вода из скважины.

У «трубачей» были большие потери. Днём рядом с трубопроводом постоянно шло движение войск, и духи не решались нападать на них. А ночью и «трубачи», и мы несли охрану трубопровода. Сорок километров в одну сторону, потом в другую сторону сорок. Днём отсыпались. Ночами довольно часто шли нападения на трубопроводы и возникали перестрелки.

Однажды ночью духи у «трубачей» сняли заснувшего часового и расстреляли весь маленький гарнизон соседнего поста.

Конечно, мы поквитались за это нападение, но парней уже не вернуть.

Договорняк

Вообще же мы старались по какой-то странной необъявленной договорённости между нами и духами не трогать друг друга. Что называется, себе дороже.

Но вот они расстреляли наш «КамАЗ», шедший без сопровождения. БТР забарахлил, и офицер рискнул уйти вперёд один. Торопился куда-то. В пределах видимости ничего подозрительного не было, только двое пастухов пасли отару овец. Когда «КамАЗ» поравнялся с ними, они вытащили из-под халатов автоматы и расстреляли машину. В итоге водитель убит, сам офицер тяжело ранен.

Погоня за духами ничего не дала. Они ушли через киряз – колодец с подземным ходом, ведущим неизвестно куда.

Ну, мы покидали в него гранаты, на том всё и кончилось. В отместку вскоре мы их «КамАЗ», набитый духами, расстреляли рядом с дорогой.

Потом они продырявили из автоматов наш трубопровод диаметром 150 миллиметров.

Естественно, мы не остались в долгу.

Так и жили: они нам, мы им. И наоборот. Такая была война.

Постоянно воинские колонны сопровождали. Офицеров и наших гражданских чиновников сопровождали в поездках. Они всё время куда-то ездили. А нам покоя не было ни днём, ни ночью: вставай и вези.

Горы

Операции в горах были длительные по времени. Бои тяжёлые. С гор постоянно обстреливали. Иногда по броне щёлкали автоматные очереди. Только успевай голову внутрь прятать. В операциях нас всегда сопровождали два-три вертолёт. Если видели духов, обрабатывали группу всеми своими огневыми средствами. А огневая мощь у вертолётов огромная.

Госпиталь

Случилось так, что я заболел гепатитом. Отправили меня лечиться в Таш-Курган, в полк.

Потом оттуда в Пули-Хумри, в госпиталь. Прошло 10 дней, и меня переправили в Кундуз и далее в Баграм, оттуда через 20 дней самолётом вывезли в Кабул. 50 километров летели военным самолётом!!! Как говорится, «взлёт-посадка». Вдохнуть-выдохнуть не успели.

После выздоровления я с ещё тремя парнями должен был вернуться в свой полк. Мы были из разных батальонов, но всё же однополчане, поэтому сколотили из нас такую группу выздоровевших солдат. Мы все должны были лететь в Кундуз.

Диспетчер в аэропорту пообещал нас посадить в вертолёт, который летел до полка. Но вертолёт нужно было ждать.

Делать нечего, и мы устроились в брошенных палатках. Нас никуда и ни к кому не крепили на довольствие, и мы вынуждены были сами искать себе пропитание. Что в принципе было не так трудно на территории военного аэродрома и военной части. Добывали еду на

продовольственном складе. Не голодали. Самое же главное, что вместе с нами не было сопровождающего офицера, не было и оружия.

Вертолёт в нужную нам сторону летали не часто. Мы наслаждались относительной свободой, и немного разболтались без начальства. И вот через некоторое время диспетчер нас предупредил, что на следующее утро будет вертолёт со свободными местами. Вылет рано утром, и мы должны быть на взлётной площадке заранее.

Утром мы проспали. И когда пришли к диспетчеру, ожидали закономерного разноса, но диспетчер на удивление мирно заявил:

– Ребята, вам крупно повезло. Один из двух вертолётов сбили. Завтра будут ещё два вертолёта. Не опаздывайте.

Конечно, опаздывать мы не хотели, но мозг сверлила одна мысль: если бы сегодня не опоздали, то в каком вертолёте мы бы оказались? И в вертолёте ли?

Утром следующего дня мы вылетели, и долетели без приключений, но уже в Пули-Хумри.

До моего батальона нужно было добираться одному. Путь не очень большой, но одному и без оружия в воюющей стране не безопасный. Делать нечего, рискнул пойти.

Иду, быстро темнеет. Пришёл в батальон, а на месте его дислокации пустое место. Ворота открыты настежь, по территории гуляет ветер и разносит в разные стороны какие-то бумаги.

Жутко. Что делать?

Зашёл в старую брошенную палатку и стал думать, как быть. Автомата нет, еды и воды нет... В голову всякие глупые мысли лезут... Катастрофа!..

Вдруг слышу, тарыхтит БТР. Иду на звук – наши батальонные ребята. Душа возликовала!

Поздоровался с пацанами, как никогда в жизни и ни с кем больше не здоровался.

Оказалось, батальон переехал на новое место, а вот ГСМ не успели перевезти. И даже охраны не оставили, разгильдяи. Ребята приехали ночью заправляться – на моё счастье.

Через несколько часов я уже был в своём подразделении. Всё окончилось благополучно, но те несколько часов на брошенной батальоном территории, без оружия... никогда не забуду.

Измена

Армия «зелёных» – так мы называли солдат Народной армии Афганистана – обучалась и вооружалась армией СССР. Случались с ними всякие нехорошие истории, воевали они неважно. Однажды целый батальон перешёл на сторону духов.

Но война есть война. Случались и у нас всякие ЧП. И наши переходили к духам.

Служил у нас львовянин Манаенко. Взял однажды перелез через ограждение и ушёл в горы.

Воевал на их стороне. Через полтора года поменяли его на 10 пленных духов. При обмене пленными к ним приехал наш взвод. Один. У них собралось человек 200 на горах. Думал, что порешат всех при отходе. Нет, сдали без происшествий. Предатели никому не нужны. И проблемы из-за них тоже.

Посадили Манаенко ко мне в БТР, а он не говорит по-русски, только по-ихнему.

Придуривается, что забыл русский. Потом стал плести, что он теперь истинный мусульманин, что ислам победит во всём мире, что будет убивать всех русских и всех неверных...

Привезли мы эту сволочь в часть, замполит построил всех на плацу, долго говорил...

Потом выяснилось, что дали Манаенко три года дисбата. Доказать не могли, что он наших убивал, что кровь русских на нём. Теперь, если жив, наверняка среди укров.

Укрепрайон Байрам-шах

Моя последняя операция была в укрепрайоне Байрам-шах. Духи сбили наш самолёт, лётчики катапультировались, и их взяли в плен.

Мы 24 дня штурмовали крепость, стараясь их отбить. «Зелёные» при первых же выстрелах стали окапываться. И поднять их в атаку было невозможно.

Район всё же взяли, но лётчиков уже успели расстрелять.

Духи, кто не успел убежать, все были убиты. Кровь за кровь.

Мирные кишлаки

В мирных дуканах народ относился к нам дружелюбно. На русском говорили довольно хорошо, даже порою лучше, чем наши местные среднеазиаты. Пленные открыто нас ненавидели. И это было взаимным чувством. В плен к ним лучше было не попадать, это понимали все.

Дембель

Рассчитывал, что дембель у меня будет в августе, а получилось, что 11 мая.

Отец меня не узнал, чуть из дома не выгнал.

А получилось всё так.

На дембель я купил кроссовки, костюм спортивный, дипломат. Модная тогда была вещь – дипломат. Сложил свою военную форму в красивый полиэтиленовый пакет, и во всём гражданском великолепии захожу домой. Наши смотрели телевизор, отец выходит навстречу, и говорит:

– А вы к кому?

И только сестра Таня узнала, бросилась, стала плакать...

Они же не ждали меня в мае.

Военный антиквариат

Как выглядела настоящая шашка Бакланова

О том, что генерал Яков Петрович Бакланов (1809 - 1873) обладал огромной физической силой и не менее огромной шашкой, слышал, наверное, каждый любитель холодного оружия вообще и шашек в частности. К сожалению, аутентичные источники не подтверждают любви генерала к мощным ударам, якобы разрубавшим противника до седла, а вот на шашку, принадлежавшую прославленному казачьему генералу посмотреть можно.

Шашка эта была обнаружена в 2013 году в запасниках Музея истории донского казачества в Новочеркасске. Оружие вполне боевое: как полагают специалисты, с этой шашкой Я. Бакланов мог участвовать в штурме турецкой крепости Карс, в ходе которого был ранен в голову. Шашка вместе с другими вещами генерала поступила в музей в 1909 году: она была передана членами семьи к празднованию столетнего юбилея со дня рождения атамана.

Оружие представляет собой, как сейчас сказали бы, шашку азиатского образца с произвольным клинком. «Азиатского образца» означает, что рукоять шашки погружалась в ножны не по головку, как у кавказских шашек, а приходила в стык с ножнами.

Клинок шашки с заметным изгибом, однолезвийный, боевой конец двулезвийный. На плоскостях клинка имеются один широкий дол и один узкий долик. При этом широкий дол расположен практически у обуха, формируя т-образную спинку, которая наиболее четко видна на второй трети клинка и исчезает у боевого конца. Долик выведен в боевой конец в виде слабо выраженной елмани, который имеет линзовидный профиль. Такая геометрия (смещение долов к

обуху) обеспечивает достаточно узкие спуски к лезвию клинка и, соответственно, максимально эффективный удар. Первая треть клинка украшена растительным орнаментом.

Шашка Я. Бакланова (общий вид)

Рукоять - классическая шашечная – «ушастая», серебряная с чернью также украшенная растительным орнаментом. Ножны деревянные, кожа не сохранилась.

Прибор ножен серебряный с чернью, украшен в том же стиле, что и рукоять. Состоит из устья, двух обоймиц (одна с треугольным кольцом для подвеса) и наконечника. На устье ножен имеются клейма, показывающие, что оружие вышло из мастерской армянина Иосифа Папова, известного в Тифлисе мастера оружейных и серебряных дел.

Шашка была изготовлена в 1855 году в Тифлисе, где и находилась резиденция походного атамана (Яков Бакланов был назначен походным атаманом донских полков, расположенных на Кавказе в 1857 году).

Следует отметить, что шашка эта заметно больше стандартной казачьей шашки обр. 1834 года (той, которую нередко именуют «баклановской»). Она длиннее, шире и тяжелее. Более того, бездольный линзовидный боевой конец так же способствовал проникновению при ударе. Так что, теоретически (да и практически) человек выдающейся физической силы (каким и был Яков Бакланов) мог разрубить цель, если уж и не до седла, то весьма и весьма впечатляюще.

Шашка Якова Бакланова с отреставрированными ножнами

В 1850 году Я. Бакланов был произведен в полковники и назначен командиром 17-го Донского полка. На поле боя он появлялся по обычаю, принятому у горцев, с личным значком - прямоугольным куском черной ткани, на которой был нарисован череп с скрещенными костями и слова из Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Один из очевидцев так описывал его появление: «Где бы неприятель ни узрел это страшное знамя, высоко развевающееся в руках великана-донца, как тень следующего за своим командиром, - там же являлась и чудовищная образина Бакланова, а нераздельно с нею неизбежное поражение и смерть всякому попавшему на пути».

Но ведь главное не в том, мог ли Яков Бакланов выполнить этот самый удар. Главное - что он был настоящим казаком.

«Русский антиквар».

Непобедимый. 1801-1839 гг. Самсон-хан. Русский батальон охраняет шахский дворец. Блестящая «миссия» капитана Альбрандта в Персии: возвращение батальона русских дезертиров в Россию.

https://pulse.mail.ru/article/nepobedimyj-1801-1839-gg-samson-han-russkij-batalon-ohranyaet-shahskij-dvorec-blestyaschaya-missiya-kapitana-albrandta-v-persii-vozvrashchenie-463469244758433027-7470481584022114581/?user_session_id=31e924563f9fd1a&qid=e3a4bdef8a091098&utm_content=source_only_fulltext&utm_partner_id=901

(Продолжение)

Посвящается доблестному 44-му Нижегородскому драгунскому полку, русским воинам, павшим за Отечество, и их родственникам

В 1837 году Николай I изъявил свою волю по возвращению в Россию из Персии всех беглых русских солдат, которых уже набрался там целый батальон. Командовал батальоном самый «знаменитый» из беглецов того времени старый вахмистр Нижегородского драгунского полка Самсон Яковлевич Макинцов – Самсон-хан, как его называли при персидском дворе, где он служил в ранге генерал-лейтенанта.

Он бежал ещё в начале 19 века, был человеком умным и обладал нужными боевыми качествами – на персидскую службу он был принят сразу офицером и именно он и подал шаху мысль сформировать из русских дезертиров отдельный батальон. Батальон носил название «Бегадыран» – «Батальон богатырей» – и содержал Дворцовый караул.

... 19 июня 1838 года [капитан Альбрандт](#) и поручик Яневич, офицеры того же [Нижегородского драгунского полка](#), назначенные кавказским командованием для исполнения воли русского императора, прибыли в Тавриз. Яневичу, как уроженцу западных губерний, предстояло помочь Альбрандту «работать» с ротой, состоявшей из поляков.

В это время часть русского батальона находилась под афганским Гератом, участвуя в его осаде персиянами, а вторая часть была расквартирована по ближним деревням, где большая часть солдат имела «свою оседлость». Эта вторая часть, после больших усилий, была собрана по настоянию Альбрандта около одного замка.

Разволнованные, настороженные и даже озлобленные требованием русского правительства, дезертиры явились большей частью пьяные. Персидский чиновник в присутствии Альбрандта объявил им требование русского государя, но добавил, что шах оставляет на выбор каждого решение вернуться в своё отечество или нет; жёны их поедут с ними только по их личному желанию, но что в любом случае их дети, как персидские подданные, останутся в Персии.

Городские ворота в Тавризе. Фото из интернет

Альбрандт понял, как эти слова, «исполненные коварства», удручающе подействовали на беглецов, но смело подошёл к толпе: «Здорово, ребята! Здорово, русские!» В ответ были злобные взгляды и брань, близкая к угрозам. Его это не смутило.

– Богу и государю – нашему русскому государю, – продолжил он твердо – угодно, чтобы вы возвратились в отечество. Я прислан, чтобы призвать вас к долгу чести и присяги. Я исполняю дело, благословенное Богом, и не страшусь смерти, которой вы мне угрожаете.

Он начал говорить им о величии России, о милосердии государя, о славе пролить свою кровь за Отечество, о бесславии служить царю иноземному, в чужой земле, где нет ни родных, ни друзей, ни Божьего храма, где они гибнут в безверии, как Богом отверженные люди.

Альбрандт говорил горячо и с состраданием к этим по-своему несчастным людям, скорее всего тоскующим по родине, которую он и сам не видел уже семь лет. И его пламенные слова были таковы, что «своевольная» толпа заколебалась. 35 человек вышли вперед и объявили, что они готовы возвратиться в Россию – и «мятежные» речи остальных не возымели на них никакого влияния. Альбрандту даже удалось настоять на том, чтобы наиболее буйные из толпы были арестованы и помещены в тюрьму. Но он ежедневно приходил к ним в камеры, подолгу беседовал с ними, доказывая «правоту русского дела» и чистоту своих намерений. А сам факт ареста «бунтовщиков» говорил сомневающимся, что персидские власти намерены точно исполнить желание русского императора.

Из разговоров с арестованными он понял, что главной причиной их упорства было нежелание расставаться со своими семействами – это было вполне естественным, и Альбрандт решил забрать с собой в Россию и жен, и детей вопреки повелению шаха. Персияне, однако, старались отговорить их, объявляя Альбрандта гнусным обманщиком и лицемером. Когда один мулла, по своему красноречиво, «воскликнул»:

– Мне жалко не вас, а ваши погибшие души; вы могли бы быть хорошими мусульманами, а возвратясь в Россию, вы не найдете оттуда прямой дороги к раю.

– Что же нам делать? – возразил ему один из русских. – Нас требуют – и мы идем. А если вам известна дорога в рай – ступайте вперед: мы придем по вашим следам с генералом Паскевичем и выгоним вас оттуда.

Взбешенный мулла чуть не поднял на ноги весь Тавриз, и только вмешательство персидских старшин предотвратило кровавое столкновение. Медлить после этого было опасно, и Альбрандт, наскоро собрав дезертиров вместе с их семьями, ночью выпроводил их к русской границе. Там, на Араксе их встретил третий офицер Нижегородского полка подполковник Баратов, высланный главнокомандующим для сопровождения возвращающихся дезертиров в Тифлис.

Жан-Леон Жером. Молящиеся

Выбор офицера для этой цели тоже был не прост: первые впечатления дезертиров на родине были очень важны в смысле морального влияния на остальных, ещё оставшихся в Персии. Здесь нужен был не «сухой формалист», ни тем более «солдафон», а человек с открытой душой и добрым сердцем, умеющий проникнуться болью и переживаниями «заблудшего» ближнего. И Баратов оказался на высоте. Благодаря его доброму отношению к людям, искупающим свой грех глубоким раскаянием, его заботам об их семьях дезертирам уже виделось «святое прощение» родины.

*

Обоз с переселенцами уже потянулся по направлению к Тифлису, а Альбрандт спешил обратно в Тегеран, чтобы продолжить свою миссию: гератский поход закончился и «Бехадыран» вернулся в Персию. Персидское правительство, поначалу не верившее в возможность вывода перебежчиков, было испугано первым успехом русской «агитации» и спешило принять свои «контрмеры», чтобы «затормозить» это дело. Даже сам шах косвенным образом побуждал батальон не соглашаться, напоминая, что силой их никто к этому не принудит.

Ворота Тегерана. Фото из интернет

Настроенные персиянами, дезертиры объявили, что не войдут с Альбрандтом «ни в какие сношения», пока он не предъявит им царского манифеста о прощении. Такого манифеста на руках у него не было, и персияне, зная это, надеялись тут выставить Альбрандта как обманщика. Они даже подговаривали дезертиров убить его – и это вполне могло бы случиться, если бы на его месте был человек менее крепкий духом и с меньшей отвагой.

Однажды целая толпа дезертиров, подойдя к русскому консульству, стала настойчиво требовать к себе Альбрандта. Впереди стоял угрюмый старик, руководивший этой буйной толпой. Альбрандт, хотя и понимал грозившую опасность, не стал уклоняться, смело вышел к толпе и стал, как и обычно, говорить с ней «пламенно и восторженно», стараясь разбудить в них совесть.

Толпа безмолвствовала, и только некоторые, самые дерзкие, пытались перебить его и помешать говорить. Тогда старик повелительным жестом заставлял их замолчать, но по его напряженному лицу и по «зловещему блеску в глазах» было видно, что делал он это «не из почтения».

Действительно, он «молча копил в душе яд» для ответа на речь Альбрандта и, дав ему закончить, выступил на шаг вперед и дрожащим голосом высказал ему все предстоящие трудности, на которые он их обрекает, и, сравнив это «со льготами настоящего положения», заключил: «И ты затем пришёл сюда, чтобы сладкою речью выманить нас на муку! Так знай же, что не сдобровать тебе у нас!» – и при этом слове он коснулся рукоятки кинжала.

Альбрандт быстро подошёл к старику и распахнул свою грудь: «Старик, ты вздумал страшить меня смертью, ты думаешь, что мне дорога жизнь, которой я не раз жертвовал в честном бою?.. так вот тебе моя грудь, пронзи её, – но умирая, я заклею тебя проклятием за то, что

ты отступил от веры своей, забыл Царя и святую родину и что слова твои не от Бога, а от сатаны, который губит тебя!»

Старик с саблей. Фото из интернет

Как ни просты были эти слова, но уверенность Альбрандта, его обнаженная грудь, на которой кровавым пятном горела славная [Гимринская рана](#), подействовали сильнее всякого красноречия. Старик отступил назад и затрясся. Военское сердце его «отозвалось на молодецкий поступок» Альбрандта, «темный пламень глаз его исчез, в них выступили слезы, он упал на колени, крепко обвил руками ноги Альбрандта и долго рыдал, не в состоянии произнести ни одного слова. Наконец, едва внятным голосом он простонал: «Прости, или зарежь меня!»

Альбрандт хотел «вырваться из его судорожных объятий, но это было невозможно – старик прильнул к нему и, не поднимая лица от земли, повторял с настойчивостью отчаяния» то же самое. Сам расстроганный до слез, Альбрандт наклонился к старику и, положив ему руки на голову, простил его.

Прощение это «осветило угрюмые дотоле лица всех других беглецов; увлеченные примером своего вожака, они бросились к Альбрандту, целовали его руки, плакали и в один голос вызывались идти с ним хоть на край света».

*

Таким образом, первый шаг был сделан, но впереди была ещё масса трудностей – и самой главной было противодействие самого Самсон-хана, опасавшегося с уходом батальона потерять своё значение в Персии.

Несмотря на долгое пребывание в мусульманской стране, Самсон-хан сохранил в себе русскую душу и оставался православным человеком. Его батальон за воинскую отвагу и неоднократные победы над турками носил название «Бехадыран» – «Батальон богатырей». Он не только охранял шахский дворец и содержал Дворцовый караул, но «составлял охрану спокойствия правителей Персии, надежду на штурмах и в делах решительных», и во многом содействовал Магомет-шаху, персидскому наследнику, овладеть престолом, который был похищен у него Зели-султаном.

А Самсон-хану военная карьера в Персии доставила высокое звание, богатства, почести и уважение среди персидского общества.

К его заслугам следует сказать, что, оставаясь православным, он не воевал против русских: «Мы клялись на Святом Евангелии не стрелять против своих одноверцев и клятве нашей не изменим».

Тогда Аббас-Мирза назначил его своим военным советником, а батальон обещал держать в резерве, и с 1828 года батальоном стал командовать бежавший с кордонной линии в Армении

прапорщик Скрыплев, женившийся на дочери Самсон-хана, и получивший в Персии звание полковника.

*Церковь Святого Иоанна в Сохроле (Иранский Азербайджан), восстановленная Самсон-ханом.
Фото из интернет*

Самсон-хан настойчиво добивался – и добился – разрешения поставить в одной из деревень, пожалованных ему в Азербайджане, православный храм, где он и восстановил на древнем фундаменте старого армянского христианского храма церковь Святого Иоанна. А в одной из комнат его огромного дома была устроена часовня, при которой всегда находился священник, сопровождавший его и во всех походах.

Альбрандт решил встретиться и с ним, хотя и понимал, что вряд ли удастся склонить к возврату на родину человека, получившего в новом отечестве и богатство, и имя, и славу, и связи – всё это ему пришлось бы потерять. Воздействовать на этого немолодого уже человека Альбрандт решил через религиозные чувства.

Самсон-хан принял его, окруженный приближенными людьми из своего батальона. Сначала он «горячо оспаривал» доводы Альбрандта, но когда тот «представил ему тяжесть греха, принимаемого им на свою душу удержанием стольких христиан от исполнения обязанностей их веры; показал ему опасность, которой он подвергает их вовсе отступить от христианства, увлекшись обманчивыми наущениями врагов исповедывания Христа, и, наконец, привёл его к сознанию, что все это он делает не из какого-либо чистого и бескорыстного побуждения, а для того, чтобы несколько последних лет жизни провести в тщеславном довольстве и копя богатства, которые не спасут его ни от мук последнего раскаяния, ни от страшного последнего ответа за гробом – старик заколебался». Он подал Альбрандту руку и обещал не мешать больше выводу батальона.

С этого времени число желающих возвратиться на родину стало расти и расти. Главным образом упорствовала только польская рота, солдаты которой взаимно поклялись лучше бежать из Тегерана в Индию, чем возвращаться в ненавистную им Московию. Тут действовать предстояло уже Яневичу.

Примерами из истории Яневич стал доказывать ненадежность той «защиты», которую им обещали англичане, исполнявшие свою службу при персидском дворе, указал им на Индию, где денежные выгоды составляли главную цель завоевателей, упомянул последний польский мятеж, когда все усилия чужеземных правительств не смогли «преодолеть твердой воли» русского государя, привёл им в пример самого себя – и их решимость поколебалась настолько, что «мало по малу» они все изъявили желание возвратиться в Россию.

Во многом своим успехом Альбрандт был обязан участию в этом деле командира дезертирского батальона, полковника персидской армии Скрыплева, который, также обладая высоким

положением, сам не хотел возвращаться, но, оказавшись земляком Альбрандта, сблизился с ним на «отрадных» для него воспоминаниях о родине.

Суриков В. И. Деревенская божница. 1880-е

Бежал он ещё юношей, когда был прапорщиком, и в Персии, женившись на дочери Макинцова, сделал быструю карьеру. Перетащить такого человека, с его влиянием, на свою сторону было для Альбрандта очень важно, но, тем не менее, как ни успешно шло дело, батальон «Бехадыран» всё ещё продолжал своё существование – он продолжал нести караульную службу в шахском дворце и выполнять другие обязанности.

Когда желающих пойти с Альбрандтом набралось уже более ста человек, он сам, зная по собственному опыту, какие чувства пробуждает в чужой стороне родная, уже полузабытая песня, сформировал хор – а его в батальоне никогда не было. И когда посреди тегеранской ночи раздалась громкая, звучная песня, бередя сердца тех «закоренелых» людей, которые оставались ещё в батальоне – она сделала то, чего не сделало ещё слово Альбрандта. Прошло несколько дней – и весь батальон, состоявший из четырех «холостых» и одной «женатой» роты, в количестве 385 человек, находился уже «в его распоряжении».

Тем временем приближалось 6 декабря, день тезоименитства Императора Николая Павловича.

А. О. Дюгамель. Фото из интернет

Напоминанием об этом событии и подготовкой к его празднованию Альбрандт заранее внушал батальону осознание важности этого дня. Утром 6 декабря армянским священником в присутствии нашего полномочного Министра в Персии полковника Дюгамеля и всех членов

миссии был отслужен молебен, после чего за обедом, данным солдатам, Альбрандт произнёс речь, которая «окончательно укрепила их в добром их намерении; воодушевление слушателей не знало границ, прошедшее для них как будто бы перестало существовать и они со слезами радости благодарили Альбранда за то, что он помог им развязаться с тяжким бременем сделанного ими проступка».

Под крики «Ура!» и звуки народного гимна, впервые, наверное, прозвучавшие тогда на улицах Тегерана, Альбрандт приветствовал батальон. Всё это настроило присутствовавших так, что сам полковник Скрыплев первым поднял бокал и произнес тост за здоровье государя императора. А вечером он сказал Альбрандту: «Я иду с вами вместе с моим батальоном».

*

Было неясно, как воспримет это известие Самсон-хан, не рассчитывавший расставаться со своей дочерью. Но тот, узнав об этом, сказал Скрыплеву: «Поезжай, и бери с собой мою дочь; я только попрошу Альбрандта, чтобы он позволил послать с тобой моего доверенного, который увидит, как ты устроишься и, возвратившись, меня успокоит». А о своём личном решении он никогда не говорил ни слова – при особом расположении к нему шаха ему сложно было на что-либо решиться. Альбрандт это понимал и тоже никогда не говорил с ним о возвращении.

*

В Тегеране между тем начались волнения.

На площадях стали появляться сборища, звучали требования выдать женщин, которых будто бы силой уводили в Россию. Обстоятельства напоминали дни, предшествующие уничтожению в Тегеране русской дипломатической миссии в 1829 году, и положение Альбрандта отчасти напоминало положение Грибоедова.

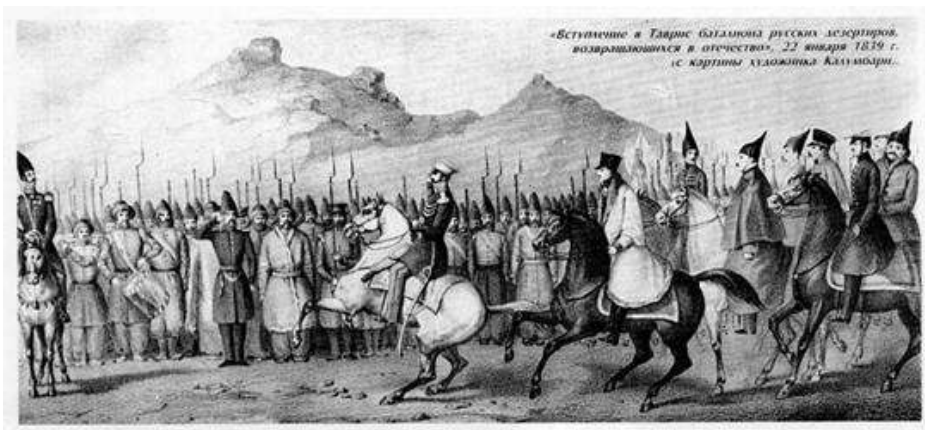
Тегеран, 1829 год

Чтобы утихомирить волнения, он пошёл на «уступку» требованиям народа и выдал ему семейства, предупредив, однако, наших солдат, чтобы они в назначенный час сами выкрали их из домов и вывезли в безопасное место за городом.

Как на гвоздях сидел после этого Альбрандт в персидской столице.

Нужно было уходить как можно скорее, но батальону ещё следовало получить жалованье за гератский поход. И Альбрандт, зная, как дорожит солдат заслуженной копеечкой, настаивал на немедленной выдаче им не только денег, но и амуниции и даже ружей, которые были отобраны уже у батальона персиянами: он хотел, чтобы солдаты понимали, что возвращаются в Россию не как дезертиры, а как воины, с оружием в руках.

Когда всё было улажено (с оружием «улажено» было только частично) и дезертиры тайно вывезли свои семейства за город, Альбрандт ночью прискакал в батальон и ударил тревогу: «Ребята! Мы сейчас уходим в Россию!» В полночь, в полном безмолвии в рядах батальона отслужено было напутственное молебенствие – все без исключения хотели получить божье благословение на предстоящий поход.

Калумбари. Вступление в Тавриз батальона русских дезертиров, возвращающихся в отечество, 22 января 1839 года. Фото из интернет

Тихо, без барабанного боя, выступил батальон из Тегерана. Когда рассвело, батальон стоял уже на привале в 16 верстах от города, и с ним были все семьи.

Дальше поход прошёл вполне благополучно. После 31-го марша по глубокому снегу отряд прибыл в Тавриз, сделав таким образом переход в 700 верст в зимнее время, с большим обозом, при котором находились женщины и дети, без малейшей потери в людях. Батальон прошёл через город с барабанным боем и песнями, как будто бы после победы. На улицах и даже на крышах домов батальон встречало множество народа, удивлявшегося отважному виду наших солдат. Это привлекло внимание и иностранцев, находившихся в городе. Среди них был итальянский живописец Калумбари – под впечатлением «молодецкого» вступления в Тавриз дезертирского батальона, он написал картину, так и назвав её, которую и преподнес Альбрандту.

«Исправив» за свой счёт отведенные для батальона полуразрушенные «квартиры» и отдохнув, через 15 дней Альбрандт перешёл Аракс, и после трудного зимнего похода 5 марта 1839 года батальон вступил в Тифлис.

Вывод дезертиров – более одной тысячи душ вместе с женами и детьми – стоил казне чуть менее 20 000 рублей серебром – суммы «чрезвычайно незначительной, если принять в соображение трудности, сопряженные с дальним заграничным походом, где все надобно было покупать у жителей на чистые деньги, почти не торгуясь». В отчете Альбрандта о сделанных им расходах, представленном в рапорте начальнику штаба Кавказского корпуса, он писал: «Не персидское правительство мне сдало дезертиров и вывело их на наши границы, – я их увлек и увёл в Россию. Действуя не силою войска, но нравственною силою, я не мог обойтись без издержек; но издержки эти ничтожны в сравнении с теми, которые нужно было бы сделать, чтобы принудить их вооруженною рукою к возврату».

*

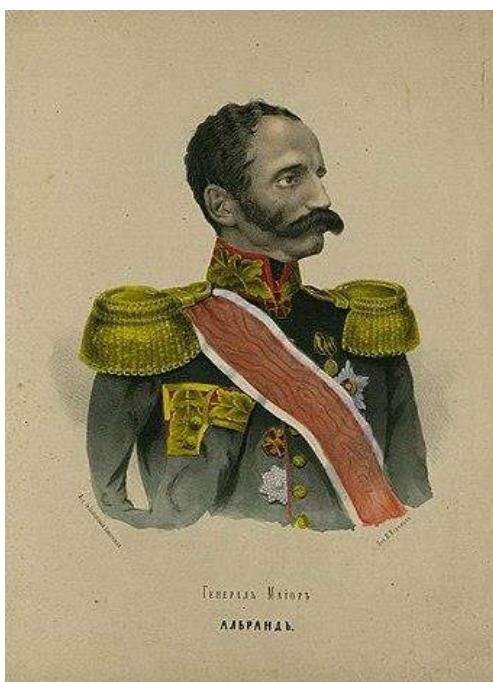
Семейство дезертира, возвращающегося на родину. Фото из Истории 44-го Нижегородского драгунского полка.

Заслуги Альбрандта вознаграждены были щедро. Император произвел его в майоры, через два месяца в подполковники, а затем в полковники с назначением состоять при Кавказском корпусе.

Таким образом, блестящей деятельностью Альбрандта в Персии, закончилась его служба в Нижегородском полку. Впоследствии, состоя при князе Воронцове, он участвовал в известной Даргинской экспедиции, лишился правой руки, был произведен в генералы и умер в конце 1849 года Эриванским военным губернатором.

Ну а что же наши дезертиры?

Присланный от командира Кавказского корпуса гвардии капитан Корнилович подтвердил солдатам объявленное им Альбрандтом всемилостивейшее прощение. По воле государя годы, проведенные ими в персидской армии, зачтены были им за действительную службу, и старики, выслужившие свой 25-летний срок – а их было 30 человек – отпущены были по домам. Все остальные распределены были по полкам линейного казачьего войска. Перешедшие в магометанство подвергнуты были церковному покаянию «за вероотступничество, вынужденное долговременным пребыванием в Персии и крайностью».

Генерал-майор Альбрандт. Фото из Википедии

Скрыплев за услуги, оказанные им при выводе батальона, был зачислен на службу сотником и впоследствии был станичным атаманом Лабинской станицы.

А Самсон-хан так и оставался в Персии. Его значение в связи с выводом русского батальона несколько не уменьшилось, и когда на востоке страны, в Хоросане, вспыхнуло восстание, он участвовал в его подавлении, наделенный шахом чрезвычайными полномочиями.

В том же 1849 году, как и Альбрандт, он умер в возрасте 73 лет в Сохроле и похоронен под алтарем построенной им церкви.

Источник: Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка / сост. В. Потто. - СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1892-1908.

Перед ВОВ

Тотальная нехватка реального боевого опыта при отсутствии отлаженной организации

Тёмный историк

Одна из ключевых проблем (может, даже самая важная) советских танковых войск накануне Великой Отечественной войны — это тотальная нехватка реального боевого опыта при отсутствии отлаженной организации. Польский поход РККА 1939 года был именно что «походом», без какого-то массового фронтового сопротивления противника. «Испанский опыт», опыт локальной Гражданской войны, не всегда оценивался верно, и был тактическим. Халхин-Гол и Хасан — хотя и ожесточённые, но локальные пограничные сражения на дальних восточных рубежах (несколько десятков тысяч человек с каждой стороны, на момент советского наступления при Халхин-Голе РККА в операции располагала 498 танками, у японцев таковых было меньше в несколько раз). Тем не менее, именно Халхин-Гол следует считать вообще первым успешным массовым применением РККА танков в настоящих боевых условиях, как в обороне, так и при наступлении (Хасан на это явно не тянет, Польский поход сам И. В. Сталин назвал «прогулкой»).

Самой серьёзной предвоенной советской кампанией стала, разумеется, Советско-финская война 1939-1940. Опять же, весьма специфические условия: климат, география, тактика противника. Танков задействовали много, но не было налажено их взаимодействие с пехотой. Но вообще Советско-финская, я считаю, очень помогла: не будь её, «лето сорок первого» было бы ещё страшнее. Некоторые проблемы удалось выявить. В их числе: частые поломки танков, плохое их взаимодействие с прочими родами войск, нехватка специалистов, слабая управляемость.

«Обращает на себя внимание проблема потерь бронетанковой техники... В войне с Финляндией из 2555 машин, потерянных 7-й армией, 1270 (49,7%) вышли из строя по техническим причинам. Всё это говорит о наличии серьёзных проблем в боевой подготовке и обеспечении БТВ...» (с) С. Г. Осьмачко. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929 год — июнь 1941 года).

В общем, я очень удивляюсь, когда опыт Халхин-Гола или Советско-финской уравнивают с немецким опытом Польской, Французской, Югославской и т.д. кампаний. Совершенно разные, на мой взгляд, вещи. Может я ещё чего-то не знаю...

Фотографии:

1. Советские легкие танки БТ-5 пересекают реку Збруч, Польский поход Красной армии, 1939 год.

2. Советские танки БТ-7. Халхин-Гол, 1939 год.
3. Советские танкисты у танка Т-26, период боев на Халхин-Голе, 1939 год.
4. Колонна средних танков Т-28 в ожидании начала парада на Красной площади, 7 ноября 1940 года.
5. Колонна советских танков БТ на марше в Бессарабии, 1940 год.
6. Башенный стрелок танка Т-28 С. Н. Метасов у пулемета ДТ-29 на Карельском перешейке, 1940 год.

«ПолитРоссия»

Не надо их разубеждать

Экс-главнокомандующий НАТО Ставридис уверовал, что Россия против Leopard 2 выставит танки Т-34

https://dzen.ru/a/Y9jA8fDnhAO-u_6

Россия выставит танки Т-34 против Leopard 2 и M1 Abrams. Об этом на полном серьезе в статье для издания Bloomberg пишет экс-главнокомандующий силами НАТО в Европе Джеймс Ставридис. «ПолитРоссия» публикует эксклюзивный пересказ материала.

Сразу несколько стран Запада пообещали передать украинской армии свои основные тяжёлые танки. Известно, что в будущем ВСУ получат американские M1 Abrams, немецкие Leopard 2 и британские Challenger 2. По мнению автора, сегодня эти машины – образец совершенства.

[globallookpress.com/Carsten Koall/dpa](http://globallookpress.com/Carsten%20Koall/dpa)

«В ближайшие месяцы украинцы получают так называемые основные боевые танки: чрезвычайно мощные, современные, в хорошем состоянии и смертоносные», – описывает западные танки Ставридис.

[flickr.com | Bundesheer Fotos/CC BY-SA 2.0](https://www.flickr.com/photos/BundesheerFotos/)

Помимо танков, на Украину придут боевые машины пехоты Bradley и колесные бронированные машины Stryker. Как утверждает экс-главком НАТО, эта техника даст Украине нео-

жданное преимущество на поле боя, при этом, по его мнению, России нечем ответить на появление западных танков. Ставридис убежден, что у российской армии практически не осталось бронетехники, и без доли иронии утверждает, что теперь Москва выставит советские Т-34, которые она получила от Лаоса в 2019 году.

«Что касается России, на днях появились сообщения о том, что она только что получила кучу старых танков Т-34 из Лаоса. Оказывается, Россия добавила такие танки в свой арсенал, но партия прибыла несколько лет назад. Они были построены в последние дни Второй мировой войны, переданы Вьетнаму Советским Союзом, а затем переданы в 1980-х годах, как сломанные игрушки, лаосцам», – пишет Ставридис.

Раритетные танки Т-34 действительно стояли на вооружении Лаоса и находились в полной исправности. Всего их было 30 единиц. Когда Москва смогла договориться об их возвращении, многие российские журналисты и эксперты оценивали их состояние фразой «хоть сейчас в бой». Именно эти слова и заставили бывшего военачальника НАТО уверовать, что теперь Россия выставит Т-34 против Leopard 2. Правда, он опустил в статье тот факт, что Москва изначально хотела вернуть легендарные советские танки для музеев и парадов Победы.

«Российская государственная телекомпания описала их так: “Несмотря на преклонный возраст этих легендарных Т-34, [они] все еще работают. Оружие здесь также в рабочем состоянии”. Вряд ли это оптимистичная оценка. Президент России Владимир Путин отчаянно нуждается в боевой броне», – заверяет Ставридис.

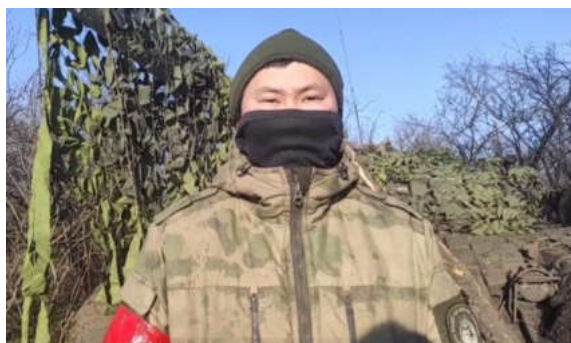

Подбитые украинские танки. Современное фото

Ранее «ПолитРоссия» рассказывала, что Украина [нацелил](#) американские M1 Abrams на Белоруссию.

Появились подробности угона российским командиром польского танка с поля боя

https://dzen.ru/a/Y9jtV_DnhAO-xcih

Командир российского танкового взвода с позывным «Суетолог» сумел доставить на свои позиции украинскую бронемашину на Запорожском направлении.

Об этом, передает корреспондент «ПолитНавигатора», он рассказал в интервью «Аргументам и фактам».

Речь шла о польской модификации советского танка Т-72А, поставленного ВСУ.

«Подъехал к нашим рубежам. Обзор у танка маленький, и его, по-видимому, никто не корректировал. Просто ему поставили задачу поехать туда-то и нанести там огневое поражение. Командир танка вылез, чтоб оценить обстановку и направился в лесополку. Но перепутал — и зашел к нашим. Они его и взяли. А танк остался. Механик и наводчик вскоре смекнули, что командир не туда пошел, вылезли — и побежали к своим. А те приняли их за наших солдат — и уничтожили огнем из стрелкового оружия. От плененного командира танка мы уже знали о том, что на машине потекла трансмиссия, она не запустится и не уедет, и мы там останемся. Принял решение взять с собой еще один танк и тросы, чтобы его тянуть. Под прикрытием огня артиллерии подползли с саперами к танку, посмотрели, что мин нет. Я в механку залез, «сюрпризов» там тоже не нашел», – вспоминает «Сутолог».

После осмотра русские военные вызвали свою технику для буксира.

«Она подъезжает, я её быстро разворачиваю, подгоняю к украинскому танку. Параллельно из всех стволов стреляет артиллерия, чтоб украинцы голову не подняли и не заметили, что тут вообще происходит. Развели, в общем, суматоху. Забежал я за танк, один трос скинул, зацепил за другую машину, которую собирались буксировать — и тут началась стрелкотня. До противника дошло, что здесь происходит, что мы танк у них угоняем! Я тянусь ко второму тросу — а они уже по нему стреляют из стрелкового. Работают по нам РПГ, АГС. Я понимаю, что нужно попытаться вытянуть танк на одном тросе, выбегаю с другой стороны, кричу механику: «Давай тяни, он на одном тросу!» Он оттащил танк на наши рубежи метров 40 — и спрятался за деревьями. Там подцепили второй трос, запрыгнули — и уехали оттуда. Затрофеили танк!», – говорит танкист.

По его словам, сначала трофейную машину отправили в Крым, а потом он оказался на экспертизе в Санкт-Петербурге.

«Там им занялись ученые и преподаватели. Было принято решение транспортировать его в Москву, и танк стоит там как трофей», – резюмировал «Сутолог».

Литература для детей

ПАРТИЗАНЩИНА

Военная сказка

А. Таразанов

Осень на Донбасс пришла неожиданно рано, однако хлеб хуторяне успели убрать быстро, и радовали их глаза ровно скошенные поля и полные закрома, наполненные отборным зерном. Но как-то в один из ясных дней из космоса на их поля прилетели огненные шары, и разбились на тысячи мелких и жарких кусочков...

В последние дни октября беспрестанно поливал мелкий дождик. Война недавно откатилась на запад, откуда иногда слышалось грохотанье оружейных залпов. Площадь огромного поля сияла мёртвой чернотой. Тут уже нельзя пахать и сажать озимые. Осколки снарядов и обломки беспилотников лежат на его поверхности, а в земле притаились мины.

Иногда, эту местность заполняет зловещая тишина...

Два танка стояли напротив друг друга почти рядом. Русский Т-34 с пробитой дырой в башне и лежащий на боку, весь засыпанный землёй американский М60А3.

Скрипнули траки гусениц и Т-34 повернул башню с опущенным стволом, хлопнул смотровым лючком, словно глазом, и первым поздоровался с американским соседом:

– Здорово Джо!

– Привет Ваня! – и выкинув небольшой американский флажок, махнул им над своей башней.

– Ты бы ещё запел американский гимн... – съязвил ему в ответ Иван, но подумав, спросил: – Кстати, почему ты меня назвал Иваном?

– У вас у русских это имя самое популярное... – пробормотал Джо.

– А у вас, наверное, Джо?

– Угадал...

– Ты знаешь, как я сюда попал? Не знаешь... – заговорил Иван. – Так слушай ветерана Великой Отечественной войны. Это было давно...

– погоди! – перебил его американец, – я тоже ветеран, но только афганской войны.

– Ты ветеран? – засмеялся Иван, у него от смеха гулко задрожала и пошла ходуном вся башня.

– Ну конечно ты у нас, Ваня, герой... – обиделся Джо и внутри у него что-то металлически заскрежетало.

– На обиженных воду возят... – примирительно возразил американцу Иван.

– И погоняют метлой... – съязвил Джо. – Любимая поговорка капрала Джеймса Дудко, последнего командира моего экипажа, ох, и ругал он свой экипаж, особенно одного, который плевал на пол, когда злился, что у него что-то не получалось. Всё внутри изгадил своими плевками. – Проворчал американец, вспоминая грязную танкиста.

– Но всё равно шутки всяко надо понимать... – внутри у Т-34 дружелюбно скрипнуло. – А вот у меня последний экипаж был из одних «афганцев», командира они звали «Дедом». Неплохими мужиками они были, старались победить...

– Что мне сказать, я сочувствую тебе, Ваня ...

– Быть боевым танком великая честь. Меня сконструировали в короткий срок. Ох, и поломали надо мной конструктора свои головы... – и у Т-34 крутнулась башня.

– А вот я – снова его перебил американец, – хорошо помню свой первый бой, там мне было как-то не по себе...

– А ну-ка рассказывай, – поторопил его Иван.

– Когда перед тобой неожиданно появляется в двадцати метрах безумный душман и прицеливается в тебя «базукой»... Что ты ощущаешь?

– Не паникую и готов атаковать врага.

– Правильно. Мой наводчик в подобной ситуации тоже не сплеховал, и выстрелил в упор.

Иван вспомнил своё.

– Был такой случай и у меня. Однажды нас штурмовали фашисты, мы отбивались как могли и отбились без потерь. Было это на окраине Сталинграда.

– Вам повезло.

– Можно сказать, что да!

– Я после той битвы многое понял, стал гордиться, что меня сделали «тридцатьчетвёркой». Дошёл до самой Праги, получил ранение, правда, потом меня погрузили в вагон и отправили в Донецк. Думал на переплавку, нет, заварили пробойну и поставили на постамент памятником. А в 2014 году, когда началась война донбассовцев с нацистами, меня сняли с постамента и отправили воевать с новыми «немцами», я два месяца провёл на этой войне. Но однажды меня подстрелил современный танк, типа тебя. Жалко экипаж, все погибли на месте.

– А вот меня долбанула гаубица, по наводке беспилотников, – сообщил Джо.

– Не с одним тобой такое случилось. Сейчас идёт современная война, не знаешь, откуда прилетит.

– Это точно...

Смеркалось, и по горизонту появилась розовая полоса. Посвежело. Дождик почти как час назад закончил капать. Два танка с металлическим скрипом подняли стволы кверху.

Из Т-34 полилась мелодия песни «Три танкиста...»

* * *

Утро следующего дня началось с подувшего северного ветра, срывавшего с деревьев и кустов красно-золотистые листья. Временами они кружились в хороводе, падая на землю застилая её ковром.

И вновь то поле, где стояли вчерашние танки.

– Джо! Ты как там? – спросил Иван.
– Да нормально... – глухо ответил ему Джо.
– Всю ночь шёл дождик... я никак не мог уснуть.
– Ещё отоспишься, какие твои ржавые годы.
– Ты конечно прав. Мы с тобой ржавеем, а значит, превращаемся в обыкновенный металлолом. Но у меня появилась идея...

– Говори...

– Цепляю тебя тросом, резко дергаю и ты встанешь в вертикальное положение.

Трос был зацеплен, Иван подъехал близко к американцу, урча, резко газанул и понемногу потянул его на себя, левая сторона корпуса начала отрываться от земли, приподнимаясь в вертикальное положение...

Американец гордо стоял, слегка лязгая траками. Он радовался, как ребёнок, сделавший первые шаги. Не век же лежать ему на боку. Танки тоже могут радоваться, как дети.

– Джо, это не вся моя идея.

– Хм... тогда договаривай...

– Ты хочешь здесь стоять и мирно ржаветь?

– Нет!

– Мы отсюда должны уйти.

– А куда и зачем?

– Дело есть. Давай заключим между нами союз и будем партизанить. Наши где-то в этих местах на настоящих немцев набеги из лесов делали.

– Интересно – это как?

– Дождёмся до рассвета и отправимся на запад. Я тебе всё по дороге расскажу.

– Ладно, поедем воевать, дело знакомое, только с кем?

– С нациками, с кем ещё? Ты Джо не знаешь нашу историю, у вас её просто постарались забыть. Слушай мой краткий курс. 1945 год, Берлин, Победа. Мы с американцами были в то время союзниками. Исторический факт, между прочим. Прибудем на место, продолжу твоё начальное историческое образование. Короче, время не терпит. Как старший по возрасту ставлю боевую задачу: замаскироваться под подбитые танки...

– А дальше?

– Проползём по длинному рву, который тянется к западу. Я его хорошо изучил, но нам нужно ещё заправится.

– Заправимся... – заскрипел в ответ Ивану американец. – Есть такое место, тут недалеко...

* * *

Вечерело. Всю округу постепенно поглощала темнота. Внезапно пробежал ветерок и исчез в близлежащих кустах. Фыркая и пуская дым из выхлопных труб, ползли через поле два танка. Пройдя совсем небольшой отрезок пути, танки остановились у самой кромки поля.

– Иван, вон там, в самой чаше, есть место, где мы можем заправиться, – сказал Джо. – Двигайся за мной, – и первым ломанулся в чашу...

Два танка медленно двигались по рву. На востоке уже забрезжила полоска света.

– Послушай Джо, – обратился к американцу Иван, – есть предложение, давай остановимся и переждём до темноты.

– Давай, – не стал возражать Джо.

В полдень скрылось солнце, которое пригревало с самого утра. По небу поползли тучки, и заволкло небо серостью. Неожиданно на ствол Ивана сели два голубя и закурлыкали.

– Эй, сизари, не вздумайте меня обгадить... – глухо с металлическим акцентом обратился он к птицам.

– Мы мирные голуби, и может, вам ещё пригодимся, – закурлыкал один из голубей.

– О, зачирикали птички-голуби, – металлически захихикал Иван, но потом серьёзно обратился к американцу. – Как думаешь, справятся они?

– Думаю, что смогут, – спокойно ответил он, – мы их используем вместо беспилотников – разведчиков.

– А ты их спроси, захотят они быть в этой роли? Не струсят?

– Мы божьи твари, – закурлыкал снова голубь, – нам терять нечего.

– Пускай слетают, и всем на расскажут, – у американца внутри вновь задрезало.

Птицы высоко вспорхнули и сразу исчезли из виду.

Через час голуби вернулись, и уселись на ствол тридцатьчетвёрки:

– И так мы вас слушаем, – обратился к ним Иван.

Голубь на голубку посмотрел, курлыкая заговорил:

– Приблизительно отсюда с километра три ров упирается в крутую дамбу небольшой реки, на другом берегу ополченцы крепко закрепились и оттуда ведут стрельбу. Из артиллерии, у них кроме трёх пушек и двух танков ничего нет. У них много раненых и конечно есть убитые. Вправо от них есть высотка, с неё можно вести огонь по врагам. Через реку есть брод, через него с дальнего берега отправляют тяжелораненых бойцов. С ближнего берега на ту сторону доставляют еду, боеприпасы и медикаменты.

– Надо же, ты словно военный специалист отрапортовался, – затарахтел и завёлся Иван.

– Мы всю жизнь прожили в голубятне у пограничников и понимаем, что такое военная жизнь на заставе, – заворковал голубь и нежно обнял голубку.

– Что скажешь, Джо?

– Посмотрим на местности. – Американец завёлся и медленно двинулся вперёд.

Танки доехали до дамбы. Смеркалось, с другой стороны реки тянуло гарью. Вдалеке, что-то сильно горело.

– Джо у тебя сколько снарядов?

– Не считал, но мне хватит.

– Ну, смотри! Не подведи...

– Обижаеть...

– Тогда поехали.

Вдали шла мощная перестрелка между ополченцами и нацистами. И никто, как думали танки, их не заметит.

Здоровяк-разведчик из ополченцев, позывной «Зорький», увидел на высотке две единицы подозрительных танков и пошёл докладывать комбату.

Вошёл в землянку, и сказал:

– Товарищ майор, разрешите доложить!

– Докладывай!

– На высотке появились два танка, причём один американец. Второй наш советский.

– Не понял, какие ещё танки... – буркнул тот недовольно.

– Советский и американец... – «Зорький» осёкся.

– Дальше...

– Видимо для усиления батареи поставили. Рация плохо работает. Не успели доложить из штаба.

– Пошли, покажешь... – сморщился комбат, и широко шагнул к выходу.

– Хм... действительно танки... – комбат долго их разглядывал. – Интересно, откуда взялся этот советский? – и глянул на разведчика.

– Не могу знать!..

– Не могу знать... – передразнил его комбат, – сходи и узнай... – приказал он.

«Зорький» подполз к высотке и прислушивался, что же творится возле танков.

Две железные громадины, словно вкопанные по разные стороны высотки направили стволы на окопы нацистов. И больше никаких движений не замечалось. Подполз ближе к танкам, и кинул камешек. Ответа не последовало.

– Эй, живой кто есть? – и снова нет ответа, одно молчание. «Странно, спят, наверно, суслики, танкисты. Пойду, доложу...».

Только «Зорький» исчез, первым заговорил Иван.

– Джо, у тебя ночное видение, как работает?

– Нормально...

– Посмотри и оцени обстановку.

– Пока тишина.

– В тихом омуте... – Иван чертыхнулся, вдобавок скрипнул.

– Ага, вижу цель. Влево за окопами окопалась пушка. Навёл на цель. Стреляю... – и американец дёрнулся назад. Взрыв и огромное пламя, на стороне врага засуетились...

– Ага, забегали тараканы! – Торжествовал Иван и прямой наводкой долбанул уже по окопу, откуда строчил пулемёт. Залп накрыл окоп и оставил на месте воронку среднего диаметра...

Майор с биноклем наперевес нервно ходил туда-сюда в окопе, и бурчал себе под нос.

«Почему без моего приказа эти молодцы начали операцию. Ох, накажу!»

«Зорький» дополз и прыгнул в окоп. Отдышался и пошёл докладывать.

– Да я их за самоуправство... – орал он перед «Зорьким». Наоравшись вдоволь, успокоился: – Завтра утром сам схожу к этой парочке...

Танки меж собой вновь завели разговор.

– Послушай Джо, нас могут накрыть с помощью беспилотников, хорошо бы отсюда смыться и с тыла долбануть по нацикам.

– Мысль твоя неплохая, но тут везде понатыкано мин не меряно.

– А голуби на что?

– Железяка ты, Ваня, не стопудовая... – скрипуче возразил ему американец, – сперва мины эти надо найти, а потом ещё и уничтожить желательнее. Соображаешь? Голуби летают, а мы ползаем по земле. Уяснил?

Выпорхнул из люка голубь, и сел на корпус.

– Есть такой специалист, – закурькал он.

Тут же из люка Т-34 вылезла овчарка и сразу заскулила.

– Я даже не слышал, как она попала в моё нутро? – удивился Иван.

– Я работала с минёром, – заговорила собака, – с той стороны его убил снайпер. Успела убежать в ближайшие кусты и в них залечь. – Такое начало рассказа услышали танки от овчарки, она продолжила: – Случайно увидела этого голубя и захотела съесть, но он меня уговорил и привёл сюда, где я нашла остатки сухарей в танке, – сытно облизнулась и виновато глянула на Ивана.

– Я ем только солярку и съеденные тобой сухари, мне ни к чему, – возразил ей Иван.

– Дорогу, которую вы с напарником ищите, она у меня в голове, вражины заминировали её до половины и мы с хозяином успели её разминировать всю. И так, следуйте за мной, – собака спустилась вниз и побежала вправо...

Танки успешно проехали по старой колее. Колея проходила возле края заросшего поля. Трава по всей её площади обширно проросла и вытянулась в двухметровый рост. Тем временем собака привела Ивана и Джо к небольшой возвышенности. С этой точки был виден тыл врага как на ладони. Иван и Джо решили до темноты хорошенько продумать, как им атаковать это вражеское гнездо. Перед самой атакой заговорил Джо.

– Вань, я у нацистов засёк три окопавшихся танка. Слева один, в середине два, а ещё справа в низинке стоит ракетная установка.

– То, что ты засёк, молодец, у меня такой возможности нет. Надо вместе ударить и сразу смыться. Иначе за нами начнут охоту.

– Короче, я бью по установке, ты стреляешь в левый танк. И мы сразу отсюда уходим.

Всё произошло по предположению Джо быстро: танки выстрелили, спустились в тальниковую чашу и там замерли.

Майор сидел за столом и чего-то чертил на карте.

Вошёл «Зорький», и с порога начал докладывать:

– Товарищ майор, разведка доложила, у нацистов вышел из строя один танк, ракетная установка и пулемёт. Проблемные танки с возвышенности куда-то исчезли. Я предполагаю, что они зашли с тыла и ударили по нацистам.

– Доложил, ступай... – и он отпустил «Зоркого». – «Что-то тут не то. Чертовщина какая-то...».

* * *

Улетевшие несколько часов назад голуби вернулись.

Заворковал и заговорил голубь:

– Летали на запад. Там делают мощный укрепрайон. Много собрали техники с украми...

– Что «хорошего» ещё задумали эти недобитки? – скрипучи, высказался Иван.

– Не дрейфь, Ваня, разберёмся, – спокойно металлическим тоном ответил ему Джо.

Голуби снова улетели, появилась собака.

– Ну, рассказывай – обратился к ней Иван.

– Сбегала к нацистам. Они побросали там всё, даже из съестного мне кое-что досталось, – собака зевнула, – ополченцы перешли брод и прошли вперёд приблизительно на несколько километров вглубь от реки, но там их нацисты встретили мощным огнём, и нашим пришлось отступить и окапаться.

– Какие твои дальнейшие действия? – спросил Иван собаку.

– Сейчас отдохну, потом сбегаяю на поле, проверю мины.

Мин на поле не оказалось и собака через полчаса вернулась к танкам:

– Быстро за мной.

– Ну, что, Ваня, – обратился американец к Ивану, пуская шлейф дыма, – поедем дальше партизанить. – И первым двинулся за собакой...

Продолжение следует. Война набирает обороты...

Героини Великой Отечественной войны

Мужчины удивлялись, откуда на мундире хрупкой девушки Золотая Звезда, орден Ленина и шесть боевых орденов. Оказалось, она “ночная ведьма”

https://pulse.mail.ru/article/muzhchiny-udivlyalis-otkuda-na-mundire-hrupkoj-devushki-zolotaya-zvezda-orden-lenina-i-shest-boevyh-ordenov-okazalos-ona-nochnaya-vedma-3174710131326719321-1971223468552835067/?user_session_id=12501456400ba9a&qid=c5fedd11df9da3f7&utm_partner_id=901&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_content=lenta_pulse_mail_ru_fulltext

Если у человека есть Мечта и Упорство, то его не остановят никакие препятствия на Пути Постижения.

Полина Владимировна Гельман поняла, что будет лётчицей, ещё в раннем детстве, когда увидела рукотворную птицу в небе над родным Гомелем. И никакие сложности не могли поколебать её уверенности.

Начало Пути

Родилась будущая лётчица в октябре 1919 года, когда жарко полыхала Гражданская война. Через Бердичев, что на Житомирщине, катились волны разномастных отрядов, банд и бандочек.

Мать Полины, устав прятаться от «вызволителей» и оплакивать убитого ими мужа, схватила в охапку дочь и бежала к дальним родственникам в Гомель.

Страна, поднимавшаяся из руин Гражданской, лихорадочно готовилась к вражескому нападению. Тем не менее, на детях не экономили, обеспечивая им достойное детство. Хотя беззаботным оно точно не было – стране нужны были будущие защитники. Однако физподготовку, стрельбы и медицинские навыки никто не воспринимал, как обузу – такое было время.

Зато учили на совесть, а для способных предоставляли возможность учиться дальше. Дополнительно по всей стране была развёрнута гигантская сеть школ и кружков будущих лётчиков, водителей, механиков. А парашютные вышки выросли в каждом Парке отдыха.

Первый шаг к профессии лётчика у Полины получился обходным. В пилоты её не брали из-за небольшого роста, потому пришлось для начала записаться на курсы парашютистов.

Однако пилоты-то занимались в том же здании! Так что миниатюрная девушка ухитрилась как-то «просачиваться» к «летунам», освоив полный теоретический курс, а потом успешно сдав экзамен.

Военные годы

К началу войны Полина успела отучиться три курса на историческом факультете МГУ. После 22 июня студенты и студентки стали осаждать военкоматы, стремясь на фронт. Однако девушек строгие военкомы неизменно заворачивали. И только решение о формировании женских частей всё изменило.

Полина добилась направления в создающийся в городе Энгельс женский авиаполк. Девушку зачислили на штурманское отделение. Вчерашние школьницы и студентки принялись осваивать своё будущее оружие – знаменитый поликарповский У-2.

Учебную машину, с которой начинали свой путь в небо все лётчики страны Советов, после небольшой модернизации превратили в лёгкий ночной бомбардировщик. На первый взгляд использование фанерной тихоходной машины без всякой защиты выглядело форменным самоубийством. Но только на первый...

«Кукурузник» был дешёвой, неприхотливой машиной, способной садиться и взлетать с крошечной площадки. Разогнавшийся самолёт был способен беззвучно планировать с выключенным двигателем над самыми верхушками деревьев, сбрасывая бомбы с убийственной точностью.

Юные летуньи очень быстро освоились в кабинах «рус фанер» (так прозвали У-2 немцы) и стали превращать все ночи для захватчиков в кошмар. Белокурые «освободители» лишились нормального сна.

В любой момент без всякого предупреждения надёжный блиндаж мог превратиться для «истинных арийцев» в могилу. Женские ночные бомбардировочные авиаполки немцы прозвали «ночные ведьмы». Разозлённое командование требовало прекратить полёты «ночных ведьм». Захваченных в плен лётчиц жестоко пытали перед смертью.

Однако эффект получился неожиданным для «сверхчеловеков». «Ведьмы» перестали брать в полёт парашюты. Вместо них штурманы загружали в кабину пару десятков килограммов бомб для ручного сброса. И старались ударить по штабам зверья, отдающего людоедские приказы.

Во время сброса такой бомбы штурман Гельман потеряла теплые рукавицы-краги. Дело в том, что тяжёлые обледенелые «тушки» бомб невозможно было сбрасывать в перчатках.

Малейшая ошибка с готовой к взрыву железкой – и самолёт превратится в горящие обломки. Полина, когда взведённая бомба зацепилась за ремешок краг, в секунду сбросила с себя сбрую вместе со смертоносным железом. Пришлось потом у каптёрщика новые выпрашивать, дабы руки в полёте не отморозить.

Нацисты очень надеялись на авиационные прожекторы, надеясь пресечь ночные налёты. Однако «ведьмы» ухитрились с бредущего планирования уничтожить раз за разом дорогостоящие немецкие светильники. Удавалась такая «игра» и Полине Гельман. Правда, после охоты за прожекторами их У-2 вернулся на базу чудом.

Гельман была награждена орденами: Ленина, Красного Знамени (дважды), Отечественной войны 1-й степени (дважды), Красной Звезды (дважды) и медалями.

Всегда, когда Полина появлялась в кругу мужчин, они удивлялись откуда у хрупкой женщины на мундире столь высокие ордена и медали. Но когда узнавали кто перед ними, все вопросы отпадали.

К концу войны Полина провела в воздухе более тысячи часов. За 850 боевых вылета она снайперски сбросила на врага более ста тонн разящей стали пополам со взрывчаткой. Звание Героя Советского Союза стало признанием воинских заслуг бывшей рядовой, ставшей из штурмана начальником связи эскадрильи.

Тыл Великой Отечественной войны

У войны не женское лицо

Отрывок из книги Милушовой Н. Ф. «Точка на карте Родины»

От редактора

Если вам приходилось бывать в селе Казакевичево, то невозможно не обратить внимания на пограничный столб, который стоит почти на берегу реки Уссури. Значение пограничного столба определяет устье реки Уссури, то есть место слияния Уссури с южным рукавом Амура, называемым Амурской протокой. Прохождение границы на этом участке было определено Пекинским договором 1860 г. и разменной картой 1861 г.

Топографическая экспедиция во главе с обер-квартирмейстером К. Ф. Будогосским произвела установку пограничных столбов и составила топографические карты на полосу государственной границы. Эти документы подписали с русской стороны военный губернатор Примор-

ской области контр-адмирал П. В. Казакевич и обер-квартирмейстер К. Ф. Будогосский, а с маньчжурской стороны – главнокомандующий Гиринской области Цзинь. Исполнителями работ были члены пограничной комиссии штабс-капитан Турбин, поручик А. Усольцев, астроном П. А. Гамов, переводчик Я. П. Шишмарёв и художник Е. Е. Мейер. От Сибирского отдела РГО были командированы Р. К. Маак и А. Д. Брылкин. Так появились на местности пограничные столбы, в том числе столб, обозначенный буквой «Е», в устье реки Уссури, напротив станции Казакевичевой. В 1886 году вместо деревянного столба с литерой «Е» был поставлен каменный столб с литерой «Е». В 1919 г. русская пограничная служба обнаружила, что столб с литерой «Е» уничтожен. С тех пор он не восстанавливался.

Другой берег реки уже не наш, там другое государство, всё другое. И глядя на китайский берег, ощущаешь всю полноту ответственности и серьёзности, которая лежала на наших предках за охрану и защиту границы Российского государства.

До сего времени пограничная застава находится на территории села Казакевичево, в памятном историческом месте при слиянии двух рек – Амур и Уссури, по водам которых в середине XVIII века шли кочи и плоты первых землепроходцев.

В 1856 г. вблизи этого места был выставлен военный сторожевой пост. В 1857 г. военный пост был перенесён на правый берег Уссури и назван Усть-Уссурийским, а ещё через год, после подписания Айгунского договора, военный пост был переименован генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым в станцию Казакевичево.

И так сложилось, что в настоящее время живёт в пограничном селе замечательная женщина – Наталья Фёдоровна Милушова, которая ни на что не променяет своё село Казакевичево. Она любит жизнь во всём её многообразии, по-человечески любит и уважает людей, живущих рядом с ней. И односельчане платят ей тем же. Она предана своей библиотечной профессии, работает в местной школе, входит в сельские административные комиссии, в частности, по работе с ветеранами войны и труда. Наверно, только люди, имеющие неравнодушное сердце, душевную доброту могут окружить пожилых людей заботой, вниманием, любовью и состраданием.

Лет двадцать Милушова занимается краеведением и вместе с увлечёнными школьниками делает бесконечно много для сохранения истории села. Как это совместить? Каждому делу имеется своя ниша в благородной душе Натальи Фёдоровны. На базе сельской библиотеки она создала историко-краеведческий музей с очень точным для этого места названием «Здесь России рубеж». За два десятилетия собрана уникальная коллекция экспонатов, которые раскрывают материальную культуру уссурийского казачества, и жизнь пограничного села. Нового интересного материала набралось столько, что мечтает Наталья Фёдоровна расположить музей в исторической казачьей избе с настоящим подворьем, где всё было бы подлинное или повторённое по подлинникам. Благодарные жители села пересказали ей свои трудные, но лучшие годы, сохранившиеся в памяти. Из дома в дом переходя, записывала Наталья Фёдоровна семейные легенды, торопясь хоть что-то спасти, пока были живы свидетели, чтобы потомки казачьей истории могли знать, как жили те, кто великими трудами согрел и преобразил эту землю. И не случайно, возникла необходимость у Милушовой Н. Ф. дополнить и переработать свою книгу «Точка на карте Родины» - 2-ое издание.

В главе «Традиции, обычаи и обряды уссурийского казачества» так подробно описана жизнь казаков, что, прочитав книгу, ты словно побываешь в богатой казачьей горнице, прибранной мебелью, изготовленной руками хозяина, вышивками, узорными скатертями, домоткаными половиками, показывающими мастерство хозяйки; побываешь на сенокосной заимке, в церковно-приходской школе, на ручье Шереметьева, в конюшне, на мельнице и в кузнице, захочется испробовать старую деревенскую забаву, походить на ходулях или взлететь до неба на русских качелях.

Много в книге станичных подробностей с местными поговорками, прибаутками «на печи все богачи», «замуж бёгом», «заварушное время», «голодовать», а именно из подробностей состоит и нынешняя, и прошлая жизнь. Книга пропитана любовью ко всему живому, к родному

уголку, уссурийской природе и особенно к людям. Счастлив тот человек, у которого есть такая точка на карте нашей Родины.

Мария Бурилова

Исход войны с фашистскими агрессорами зависел от возможностей тыла обеспечить страну и армию всем необходимым. Для достижения этой цели в стране создана военная экономика, и все усилия рабочих, колхозников и интеллигенции были направлены на обеспечение всех потребностей фронта. Труженики тыла работали в годы войны поистине героически. Девизом всей работы было: «Всё для фронта, всё для победы!» Они стремились внести максимальный вклад в решение народнохозяйственных задач.

На Дальнем Востоке материальные и людские ресурсы были перераспределены в пользу военной промышленности. Фабрики, заводы, предприятия и колхозы в короткое время переключились на производство военной продукции, стали изготавливать боевую технику, боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

Большие и сложные задачи решали в эти годы колхозы. Колхозники за два года достигли высочайших результатов по уборке урожая: зерновых, овощей и продукции животноводства.

В 1943 г. резко сократилось количество трудоспособного населения. Ушли по призыву трудоспособные юноши. В колхозе, на рабочую смену пришли старшекласники. Армейские специалисты помогали колхозникам в ремонте тракторов, автомобилей и сенокосилок. В колхозе сложились трудовые и шефские связи с воинскими частями. Военный Совет фронтов потребовал от командования частей не ослаблять боевой готовности, серьёзно заниматься развитием подсобных хозяйств, используя местные ресурсы. Колхозники активно помогали в сборе урожая в военном подсобном хозяйстве пограничного отряда. На разработанных полях выращивали овощи, овёс, гречиху и табак. Среди колхозниц-женщин, в основном пожилого возраста была организована бригада прачек, которые строго следили не только за чистотой обмундирования, но и умели капитально отремонтировать и реставрировать шинели, зимнюю ватную одежду. Весной 1942 г. во всех колхозах развернулась обработка «гектаров обороны». В свою очередь колхозники стремились работать так, чтобы выполнять установленные районом планы по заготовке зерна, овощей, продуктов животноводства, получить право называться «передовой фронтовой бригадой».

В тяжёлый, переломный 1943 год, мастеровые умело шили зимнюю обувь: сапоги, олочи, подшивали изрядно поношенные валенки.

На летние работы: сенокос и уборочную страду старики плели добротные лапти из ивы. Эта уникальная «вездеходная» обувь, заново спасала русского труженика в тяжёлый исторический период.

Колхозники: женщины, старики, девушки и подростки выполняли планы по заготовкам сельскохозяйственной продукции. Работали с энтузиазмом и желанием, чтобы трудовым вкладом приблизить долгожданную победу.

Азарова Дарья Григорьевна

В годы войны привлекательная девушка работала в колхозе села Невельское. Сажала овощи, босиком жала на полях рожь, не для закалки, а от бедности. Домой возвращалась с израненными стёртёй, кровоточащими ногами. Обмыв их чистой водой, спешно принималась за домашние дела, чтобы успеть на сельские вечерки.

Современной молодёжи трудно понять, как можно было в песне, в единодушном слиянии деревенского хора излить, облегчить и излечить душу, а вместе с тем и тело. В сумерках наступающей ночи протяжная, печальная мелодия неожиданно сменялась задорной частушкой. Старики лишь руками разводили: «Эх, молодёжь, ну что ты с ней поделаешь!»

Нелегко давался девчатам тяжёлый и для мужика труд на сенокосе. «Кто не косил, тот не испробовал сполна деревенской жизни», - говорила Дарья Григорьевна. Много раз лезвием косы ранила нежные девичьи руки и ноги, не от нехватки сноровки, а от избытка рвения сделать больше. Наставником женской сенокосной бригады стал, как его все называли «стари-

чок Киргизов». Всем по-отцовски ладил косы. Без лишних слов учил девчат, как правильно и удобно держать косу, как держать спину, чтобы она не уставала. Сенокос начинается в самой середине лета, в июле, когда устанавливается невыносимая жара, когда истекающее потом тело поедом ест неотвязный овод, жжёт как огнём мошкара. Когда кажется, что нет конца полю, что боль в спине не даст сделать уже ни единого взмаха. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется второе дыхание. Да и дед Киргизов старается шуткой приободрить девчат, заметив на лице уныние и сбившийся в работе ритм. И вспомнится наказ, что вот от этого сегодняшнего труда зависит, переживёт ли скот тяжёлую зимнюю пору. К вечеру горели ладони рук от натёртых мозолей.

Но ещё тяжелее были лесозаготовки. При этих воспоминаниях Дарья Григорьевна глубоко вздыхает и вытирает уголком платочка набежавшую на ресницы слезу. Мама тогда говорила: «Девоньки, родные, выдержите ли, не знаю. Но надо работать, надо». Уж более тяжёлого труда для женщин не могло придумать районное начальство. Да и кому в годы войны было легко. Лёгких работ не было.

С первыми заморозками в правление колхоза приходила разрядка на привлечение колхозников на лесоучастки в посёлки Матай, Полётное и Бичевая. И мама каждый раз сновала по дому, собирала дочерей, приговаривая, чтобы трудились не хуже других, заботились друг о друге, никого не обижали. До самой весны бригады из окрестных сёл валили лес, в котором слышались крики: «Берегись!» - запросто могло убить падающей лесиной. Дарье с напарницей, такой же юной, как она сама, поручили распиливать сваленные лесины. В начале работы пила в руках девушек казалась такой длинной и неудобной, что спилы бревна были кривые. Но скоро пила стала послушной. На каждого члена бригады давали нормы выработки. Конечно, Дарья Григорьевна уставала от постоянного напряжения работы в наклон. Ныла поясница и болели руки. Иногда казалось, что уже не разогнётся. От стылой земли мёрзли ноги в валенках. На перекурах все спешили к костру. К вечеру ей казалось, что ноги откажут, и не сможет дойти до барака. Вечерами растирала подмороженные ступни. Питание было плохим, сытно не наедались. К тому же не хватало продуктов, особенно хлеба. Подъедали каждую крошку. Но не стонала, не кляла она свою судьбу. Знала, что такая она не одна. Как могли, помогали родители. Присылали с оказией посылки с провизией и одеждой. Иногда были мысли, что не выдержит. Ведь каждую лесину, прежде чем распилить, надо приподнять или перевернуть. Но Дарья Григорьевна преодолела всё: и жгучий мороз, и обжигающий ветер, и полуголодные дни, и выполнение нормы. Заготовленный лес шёл на военные нужды: шпалы, брус, доски и другой материал. И кто знает, может, не раз брал в руки во время наведения мостов боец – понтонер Григорий Петрович Азаров шпалы и доски, заготовленные его будущей невестой в далёкой и родной дальневосточной тайге.

Эти годы Дарья Григорьевна, никогда не забудет.

Бацанова Вера Васильевна

С Дальнего Востока на фронт постоянно шли поезда с продовольствием. Бойцов надо было кормить, а для этого надо было распахать поля и огороды. И всё это делали практически одни женщины да подростки, которые старались не отставать от взрослых. Шли в правление колхоза и просились на любую работу. Рабочих рук в колхозе не хватало на всех участках, и детям были рады.

Ручонками маленькой Веры Бацановой срезано немало колосков пшеницы, ржи, много навязано снопов. Погнувшиеся зачастую от сильного ветра, надломившиеся и упавшие стебли, неудобно было брать в горсть, трудно срезать серпом. Часто серп выпадал из ослабевших детских рук, иссечённых и порезанных то острым лезвием серпа, то острыми остовами срезанной пшеницы. В общем – то крестьянская работа в поле и на огородах была ей привычна, приходилось копать огороды лопатой, водить под уздцы лошадь на пахоте, дышавшую в затылок. Жутковато было поначалу, вот – вот наступит на пятки, но девочка быстро поняла, что рабочие лошади добрые и послушные.

Долгими зимними вечерами вязала она вместе с мамой маты для теплиц из тонких ивовых прутьев. Они, высушенные заранее, гнулись в её ручонках. А ранней весной участвовала в закладке парников. Конечно, и здесь были свои наставники, они показывали, что надо делать в процессе закладки, чтобы получить хороший урожай рассады овощей.

Осенью помогала собирать овощи и возить на засолочный пункт. Знала Вера, что её труд спасёт от голода детей, беженцев, рабочих заводов и фабрик.

А дома еды постоянно не хватало. Семья была большая. Экономили буквально на всём. Как и все дети войны, часто вспоминает Вера Васильевна «тошнотики» - лепёшки, которые готовили из мёрзлой картошки. Весной сельчане целыми семьями, спасаясь от голода, отправлялись на поля военного приусадебного хозяйства, чтобы собрать на весенних проталинах, оставшуюся после уборки картошку. Она была гнилая, грязного серого цвета. Дома её оттаивали, смывали грязь, толкли с примесью какой-либо горстки размоченной крупы. Жарили чёрные «оладьи» и ели вместо хлеба. Гнилостный картофельный запах заполнял помещение. Тошнило, но ели. Рвало, но ели, голод не тётка! Весной всегда не хватало витаминов и постоянно, так сильно, хотелось есть. Едва на задворках вырастала первая зелёная травка крапивы и лебеды, их тут же срывали и готовили отличные зелёные щи.

Шевченко Любовь Григорьевна

Фронту был нужен лес, который заготавливала хрупкая девушка Люба. Военные зимы были студенными, метельными. Пока шла до деляны по пояс в снегу, замерзали и ноги, и руки. В первый год на лесозаготовке, Люба очищала поваленную лесину от сучков и веток, затем жгла их. Женские руки быстро привыкли к тяжёлому канадскому топору. На кострах сгорела не одна телогрейка, пара варежек и брезентовых верхнонок, валенок или ичигов, которые с любовью шил для неё отец.

Трудно было грузить на волокуши тяжёлые, огромные стволы лесин. Перекатывали по двое, трое девушек, приспособивая жерди. Загруженные на волокушу стволы крепили верёвками или набивали скобы. Заготовленный лес вывозили до узкоколейки. Там уже работали пильщики. Верхонки и фуфайка просмаливались душистой кедровой смолой.

Питание на лесозаготовках было бедным и скудным. На деляну привозили замороженные щи, разрубали их и оттаивали. Нароботавшимся и намёрзшимся рабочим эта скромная еда была в радость. Что дадут, то и ели. Изредка, в котёл попадало мясо выбракованных лошадей. Но не все их ели, брезговали мясом от павших животных. Выручали родственники, высылали кое – что из одежды и съестного, брусочек сала, сушеной сои, вяленой рыбы. Сою вечером жарили на печи и грызли вместо семечек. Вкусно и полезно.

На второй год Люба снова попадает на лесозаготовки. Теперь она вдвоём с юным напарником распиливает лесины на брёвна нужной длины. От работы так уставала, что вечером на нары буквально падала, тело требовало тепла и отдыха. Всё ломило, болели от напряжения руки и поясница. Иногда в сонном забытии сомневалась даже: «Жива или нет?» В жилом бараке, от усталости не обращала внимания на бытовые неудобства. Засыпали на солдатских матрацах, расстеленных на нарах, не чувствовали укусов клопов. Лишь только наутро почёсывали покрасневшие места. Бараки называли «жилухами». Выражение осталось от времён репрессий. Барак представлял рубленый дом, в лапу. Между брёвнами торчит сухой мох. Вдоль стен стоят в два ряда нары. На них матрацы и подушки, набитые соломой. Солому старались менять чаще, чтобы клопов не разводило. У печи были вешалки для просушки одежды. У печи оставался повар, который готовил ужин и топил печь. Радовались теплу, возвращаясь в барак, поужинав, прослушав информацию, ложились отдыхать. Тогда и соломенная постель казалась периной. В женском бараке всегда шумно. Отдохнув, бывало, и песню затягивали. Да успевали в такие минуты чинить свои вещи. Песни пели русские, про туманы, калину, рябину. Всем нравилась фронтовая песня «Катюша».

На третий год стало легче. И труд распиловщика был ей привычен, да и сама она уже была не юным подростком, а сильной девушкой. Нелёгкая работа на лесозаготовках закалила её

характер, научила быть выносливой и терпеливой. Вечерами в полутёмном бараке подруги заводили песню. С песней легче было преодолевать неудобства и трудности в работе, которая в лесозаготовительных бригадах считалась фронтовой.

А летом Любу ждали поля и огороды родного колхоза. В военные годы обувь берегли. На поля выходили чаще босиком, а вечерами лечила ступни от порезов стерни. И «тошнотиков» приходилось поест, хотя колхоз в основном растил отменный картофель. Но в голодную зиму 1943 года, когда на фронт буквально выгребли из амбаров и хранилищ основную часть картофеля, то и пришлось ранней весной собирать «случайно» оставленные на полях клубни.

За «случайность» в те военные годы наказывали очень строго, вплоть до ареста.

Война закалила женский характер. Долго, до самой пенсии работала Любовь Григорьевна в сельском хозяйстве.

Боевые снаряды Голубевой Зинаиды Алексеевны

Хрупкая на вид женщина, небольшого росточка, слегка прищуренный цепкий взгляд, такой видят ежедневно наши сельчане Зинаиду Алексеевну. С детства она была жилистой, потому что рано познала тяжёлый труд на полях и сенокосах родного колхоза в селе Невельском. В первые годы войны подала Зина заявление об отправке её на учёбу в ФЗО. Сельскую молодёжь набирали рабочими на военные заводы. На оборонном заводе в посёлке Эльбан, куда попала по распределению из ФЗО Зинаида, работали сотни девчонок и мальчишек. Вся его продукция была предназначена фронту. Режим был военный. Юные подростки работали за взрослых, на сверлильных станках, точили боевые снаряды. Другие в цехах, на конвейере начинали каждый снаряд порохом, взрывчатым веществом.

Отсюда с Дальнего Востока шли эшелоны с боеприпасами на все фронты войны. «Работали – то мы, как солдаты. Когда нельзя с конвейера уйти, не доложив дежурному по цеху», - вспоминает, спустя полвека Зинаида Алексеевна. С раннего утра подъём, построение, завтрак, получение наряда на работу. В цеха водили строем, так же в столовую и на учёбу. Кормили плохо. Часто в меню была надоевшая всем вобла. Как дара Божьего ждали посылки из дому с заветным куском домашнего сала. Знали, что не лишнее, необходимое высылали родные, отрывали от своего скромного стола.

Счёт бомб и мин, сделанных и начиненных Зиной с каждым годом войны рос на тысячи. От плохого питания, утомительной работы болели глаза. На какое-то время она полностью потеряла зрение. Такое случалось. Зину, на некоторое время освободили от работы и перевели на усиленное питание. С благодарностью вспоминает она, как ей помогали подруги, делились куском хлеба, сами не доедали, голодали. Им, девушкам, трудно было выстоять на работе по 8 - 10 часов, переворачивать и укладывать нелёгкие снаряды. Поправившись, Зина вновь встала в строй, на конвейер. С трепетом ждали новостей с фронта, жадно слушали все новости о войне, о работе в тылу.

Бывали у подростков и дерзкие по тем временам нарушения военного режима. Когда дневали, а ночью чистила картошку, то потихоньку от командира, сговорившись заранее с подругами, жарили её, добыв к ней селёдки.

Это маленькое удовольствие тогда грозило дисциплинарным наказанием.

Работала Зинаида на заводе до самого конца войны. В один из обычных весенних дней неожиданно, хотя и знали все, что война скоро кончится, в цех вбежала женщина и кричит: «Женщины, девчата, война кончилась! Мы победили! Не надо больше мин!». Сколько радости было! По команде остановили станки, и завод за долгие военные годы прекратил свою работу. Гудит заводская сирена, все рабочие и военные плачут. Это были слёзы радости. Вечером, по всему посёлку Эльбан шло гуляние.

На следующий день Зинаиде и другим рабочим вновь пришлось встать за станки, запустить конвейер. И боеприпасы понадобились уже совсем близко от её родного пограничного села Невельского. В августе 1945 года пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений на подступах к военным стратегическим объектам. «Одному Богу известно, - говорит

Зинаида Алексеевна, - сколько нам довелось перекидать земли и в дождь, и под палящим солнцем».

Война с японцами была быстротечной. После неё Зинаида ещё продолжала работать на заводе. Лишь только в 1947 году она вернулась домой повзрослевшей женщиной, за плечами которой был неимоверно тяжёлый труд во имя победы над врагом. И великая наша победа была и её победой.

Крепак Марина Васильевна

Неприметна среди сельчан Казакевичево украинка Мария Васильевна. Ей во время войны пришлось, уже взрослой женщине, примерить на себя почти все виды мужского труда. Долгое время прожила Марина Васильевна в посёлке Орловка Шмаковского района. В 1941 году работала на животноводческой ферме, а летом все женщины выходили в поля убирать зерновые.

В военные годы на полях Приморья колосился богатый урожай зерновых. Вся уборка на полях проходила под зорким присмотром участковых милиционеров. Он следил, чтобы не было хищений. А когда видел, что руки у жниц уже не держат серпы, командовал: «Серпы в воду, косите косами!» Работали в посевную до самой глубокой ночи, при свете фар от автомобилей и костров, зажжённых по краям поля. В колхозе не хватало уборочной техники, женщины на жнивье работали подручными орудиями труда: серпами и косами.

Познакомилась Марина Васильевна и с сенокосами. Сено в войну заготавливали не только впрок для колхозных нужд, но и для фронтowych нужд. На стогование ставили физически выносливых и самых жилистых. Поднимали девушки наверх стога вилами высушенное сено. К вечеру опухали от напряжения руки, от поднятия тяжести дрожали ноги. Безжалостно ныла спина. А дома оставались маленькие дети, которых надо было вовремя накормить. Да и свой огород ждал внимания хозяйки.

В весеннюю страду на колхозные поля выходили работать целыми семьями. Тех, кто отказывался от работы, привлекали к ответственности. А осенью, убранное зерно почти всё отправляли в районную заготконтору. На заработанные трудодни выдавали буквально по краюшке хлеба на человека, чтобы не умерли с голоду.

Когда заканчивалась уборка, почти всё трудоспособное население отправляли на лесоучастки с пилами, топорами, с узелками провизии, сменой белья. Жили всю смену в бараках. Редко бараки были построены добротно. Чаще это были бараки, оставшиеся от пребывания лагерей репрессированных. На деляну шли с песней, а к вечеру в голове сверлила мысль: «Скорее бы добраться до барака, обсушиться, поесть чем Бог послал и лечь отдыхать на нары».

С деляны приходили в обледеневших валенках и брюках, которые колом стояли. А однажды после дождя ударил сильный мороз. Обувь вымокла, подошвы ног примёрзли к валенкам. Еле добрела до барака. Ноги от холода сводило судорогой, от боли хотелось кричать. Пока оттаивала их и отогревала, не отступал страх, что отморозила совсем, но обошлось. В тот день обмороженных рабочих было немало. На деляне погреться не было возможности. Костёр гас от падающего снега и задувался ветром. К тому же с деляны, не выполнив нормы, уходить было нельзя. Сразу же посчитали бы дезертирством. Вот и терпели все беды. Женщины валили огромные лесины, другие обрубали ветви и сучья, жгли их на кострах. Третьи, пильщики распиливали лесины на определённую длину. Рабочие перетаскивали тяжёлые и сырые брёвна к дороге и складывали в штабеля.

Своих детей в военные годы видела редко, но знала, что за ними присматривают. В войну поставили её заведовать колхозной животноводческой фермой. В ветхих промерзающих сараях содержался скот. Тяжело было смотреть на исхудавших коров и телят. Сердце давила тревога, а выживут ли они? Кормов не хватало, падеж скота был очень большой. У полуживых животных и взгляд был, каким-то застывшим. Часто приносила из своего пайка корочку хлеба, чтобы размочить его в жидком пойле, или снопок душистого сена из собственного стога, чтобы хоть чуточку поддержать животное. Бывало, повоевав с начальством за корма, горько плакала от беспомощности. Из района на откорм привезли телят, а кормить у самих-то нечем. К военным

невзгодам прибавлялись погодные условия. Сильное наводнение затопило пойменные луга. Сена накопили мало. Кормов заготовили тоже недостаточно. Пришлось Марине Васильевне раздавать телят по домам. Односельчане кормили молодняк из своих скромных запасов.

В конце войны, после ранения, вернулся с фронта муж. Ушла с ним работать на пасеку. Здесь узнала, что кончилась война. От радости, обежала Марина Васильевна почти всех односельчан. Стучала в окна и собирала всех жителей в клуб. На митинге было столько радости оттого, что все лишения позади. Сколько слёз пролили те, в чьи дома не вернулись фронтовики.

Хлебные карточки Будильник Марии Кузьминичны

На Дальний Восток приехала накануне Великой Отечественной войны в 1940 г. по комсомольской путёвке. Здесь вышла замуж и стала работать бухгалтером – кассиром в большом радиоцентре, расположенном в посёлке Чёрная речка. Муж ушёл на действительную военную службу.

Вся деятельность радиоцентра относилась к разряду военной секретности. В нём посменно, в подземных бункерах несли вахту радио и телефонистки. Духота круглые сутки, несмотря на погодные условия. В бункерах отсутствовала положенная вентиляция подземных помещений. Иногда женщины и служащие теряли сознание и от бытовых неудобств, и от загруженности в работе. В том числе и от большой ответственности на секретном участке. В связи с вечной нехваткой кадров, на долю Марии Кузьминичны досталось обслуживание четырёх участков.

В 1941 году перед самой войной у неё родилась дочурка Зиночка, которую с первого месяца приходилось оставлять в яслях и бежать на работу, надеясь, что с малюткой всё будет в порядке.

В Хабаровске Мария получала деньги на заработную плату, хлебные карточки, продовольствие со складов. Автобус в те годы до радиоцентра не ходил, и до города надо было добираться по-разному, то пешком некоторое расстояние, то на попутных машинах.

Однажды, в студеный лютый февраль, Марию послали в управление за очередными деньгами и карточками. В Хабаровск она доехала на машине, а на обратном пути шофёр её не дождался. Что делать? Ночевать в городе с драгоценным грузом или в сорокаградусный мороз идти пешком? К вечеру поднялась сильная метель, снег залеплял лицо. Но Мария знала, что должна дойти до радиоцентра, до своего дома, где ждала материнского молока и ласки её малютка Зиночка. Воспоминание о ней согревало сердце матери, и заставляло идти на решительные поступки. Знала, что её ждут рабочие радиоцентра. Ведь она несёт те драгоценные в войну хлебные карточки. Ноги увязали по колено в сугробах. Но, едва остановившись, Мария чувствовала, что её веки смыкает сон. Она знала, что нельзя поддаваться слабости. Так хотелось присесть, отдохнуть, но это означало вмёрзнуть в сугроб, и никогда уже не увидеть свою дочурку. Двигаться дальше – значит жить. Когда руки перестали чувствовать тяжесть сумки, понимала, что это исподволь подбирается неотвратимая в такие погодные условия смерть от замерзания. Заставляла себя встрепенуться и продолжать двигаться, идти дальше во мгле ночи и ревущей метели. Для подкрепления решимости она представляла себе лица самых нуждающихся подруг, в семьях которых нет уже и крошки хлеба. Постепенно отступала слабость, исчезал страх.

Наконец, Мария различила в темноте силуэты антенн. Едва передвигая ноги, добрела до дома начальника станции Петриченко упала через порог в открывшуюся дверь. Все были поражены, никому и в голову не приходило, что можно было дойти в такое ненастье. Но она дошла и доставила без потерь все документы, хлебные карточки и деньги. До собственного дома её довели под руки, ноги отказали. Там ждала соседка, она присмотрела за квартирой, на столе стоял успевший уже остыть ужин, а в кровати мирно посапывала дочка.

Тепло вспоминает Мария Кузьминична о сплочённом коллективе радиоцентра, о том, как жители сердечно заботились друг о друге. Вспоминает, что такие победы над собой и над обстоятельствами ей приходилось одерживать потом ещё не раз.

Постоянно ждала письма от мужа, в которых он писал, чтобы она берегла малютку, берегла себя. Не одну пару валенок протёрла Мария на дороге от Хабаровска и обратно.

И за всю войну лишь одна запись стояла в её трудовой книжке: «принята на работу 12 мая 1941 года, уволена 16 июля 1946 года».

На далёкой Украине осталась её большая семья. Братья воевали на фронтах, мама помогала партизанам. Старший брат погиб в боях под Боровичами, но в списках погибших он не значился. До сих пор с замиранием сердца, прислушивались родные к информации о пропавших бойцах в годы войны. Но пока безрезультатно.

Муж сестры Афанасий с боями прошёл всю войну. Домой пришла на него похоронка. Мама и родные уже оплакали, как вдруг получают письмо о том, что он жив и здоров, что его спасла медсестра. Она видела, как Афанасия вместе с другими бойцами завалило в блиндаже от разорвавшейся рядом бомбы. Она раскопала завал и вытащила израненного Афанасия. Письмо он отправил из госпиталя, после лечения вернулся обратно в свою боевую часть.

Мама Марии и родственники тайно пекли хлеб и переправляли партизанам. Часто гости из леса находили приют в их доме, пробираясь в разведку. И однажды, во время очередного визита партизан, внезапно рухнула крыша от случайно попавшего во время вражеского обстрела снаряда. Все, кто в это мгновение находились в доме, погибли под развалинами. От сильного удара мама получила сотрясение головы и вскоре умерла.

Мария не знала, что во время войны она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Через несколько лет ей приходит письмо от бывшего начальника:

«Здравствуй, Мария Кузьминична!

Вообще говоря, ждал от вас небольшого письма. Не знаю стечение или что другое вам помешало написать, но факт остаётся фактом. Пришлось писать самому. Меня очень интересуют судьба людей, с которыми мне когда-то приходилось сталкиваться в жизни. Конечно, интересуют судьбы хороших людей. А вас я часто вспоминаю за вашу преданность, аккуратность, точность исполнения, любовь к работе. В моей практике из бухгалтеров нет лучших примеров. Суть моего письма. Я получил на вас медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Медаль и удостоверение находятся у меня в сейфе. Желая вручить её вам. С уважением С. Я. Боровик».

После войны Мария Кузьминична переехала на постоянное местожительство в село Казакевичево и до самой пенсии работала в колхозе. Вырастила детей, внуков и до конца своей жизни оставалась такой же жизнерадостной и ответственной.

Годы военного детства Сухаревой Елены Александровны

Дальний Восток, город Хабаровск, 1941 год. Здесь не слышно грохота снарядов и разрывающихся гранат, не было страха попасть под бомбёжку или нарваться на мину. Война далеко отсюда. Это глубокий тыл. Но мирная жизнь в один день кончилась для всей огромной страны. А для детей «свинцово-пороховых» закончилось и детство. В ту пору Елене Александровне Сухаревой, ныне жительнице села Казакевичево, было всего 12 лет. Отца и старшего брата забрали на фронт, дома осталась мама с двумя детьми. Тысячи женщин и подростков встали на рабочие места вместо ушедших на войну отцов, мужей и братьев. Среди тружеников тыла, оказывающих фронтовикам неоценимую помощь, была и Елена. Целый год она работала на тяжёлом для подростка предприятии – табачной фабрике. В ту пору городская хабаровская девчужка с лихвой хватала тяжёлого военного труда.

«Мешки с табаком были такие огромные, что, когда я тащила их вверх по лестнице, меня саму не было видно, - вспоминает Елена Александровна. Края этих мешков очень больно били по пяткам. На втором этаже мы их распаковывали, очень аккуратно вынимали листья табака. Каждый лист тщательно просматривали, чтобы не было среди них почерневших и попревших, следили, чтобы завязки от пучков табака ненароком не попали на конвейер, под резку.

С тех пор я на всю жизнь запомнила все стадии производства табака: от разгрузки подвод с затаренными мешками до упаковки махорки в тарные ящики и отправки последних на фронт».

Сколько детских слёз пролито было над каждой пачкой махорки! «Во время работы в цехе стоял густой табачный смрад. От него першило в горле, свербело до слёз в носу, но никуда не деться. Если уйдёшь с рабочего места, встанет весь конвейер. Немножко прокашлявшись во время перерыва на свежем воздухе, мы снова возвращались, молча надевали насквозь пропахшие едким табаком марлевые повязки. Некоторые девчонки не выдерживали, угорали от табачной пыли и теряли сознание. Конвейер не останавливался и работал в три смены, пока не заканчивалась партия табака – сырца. За вредность нам выдавали не только заработную плату, но и дополнительный продовольственный паёк: соевое молоко, хлеба 600 г. и сахару 200 г. Хлеб мы съедали в цехе во время перерыва, потому что постоянно хотелось есть и пить. Но маленький кусочек хлебца я всегда оставляла, чтобы отнести домой своему братишке. К концу смены он весь пропитывался табачным запахом. Но дома и ему были рады», - вспоминала Елена Александровна. Лена, как и другие подростки, понимала, как нужна была поддержка и табак нашим солдатам. Он отвлекал бойцов на некоторое время от горя и боли, навевал воспоминания о родном доме, согревал в стужу. Всегда верила и мечтала, чтобы пачка, собранная её детскими руками, обязательно попала на фронте отцу и брату. Девчонок жалели, и больше года на вредном производстве работать не позволяли. Елене предложили работу в пошивочной мастерской.

Пройдя ускоренные курсы обучения в ФЗУ, она получила профессию портного. Но и здесь, в пошивочной мастерской, лицом к лицу она встретила с немymi свидетелями войны, вещами, присланными с разных фронтов на переработку. Это были шинели бойцов: тяжело раненых, находившихся на излечении в госпиталях и тех, кто погиб во время боя. В Хабаровск, такие тревожащие сердце грузы приходили постоянно. Работницы пошивочной мастерской сами загружали старьём подводы и везли на склад. Открыв вагон, со страхом и скорбью чувствовали, что прикасаемся к вещам погибших наших бойцов. От шинелей исходил «запах смерти» - грязи и крови. Детскому уму, глазам и сердцу было не в состоянии воспринимать суровые свидетельства войны. Слёзы не унимались. В гнетущей тишине девчонки раскладывали окровавленные шинели по кучам и определяли по остаткам сохранившейся ткани, сколько можно будет выкроить из них верхнонок или бурок. Каждая из девушек в эти моменты думала о близких фронтовиках, от которых давно нет известий. Каждая молила Бога, чтобы не эта, прошитая пулемётной очередью, насквозь вся в дырах шинель, оказалась с плеча родного брата или отца.

Были шинели без рукавов, значит, боец потерял в бою руку. По расположенным отверстиям от снарядов мы научились определять ранения бойцов. Мама дома только горестно вздыхала и давала наказ «Старайся, выполняй всякую работу, шей и верь в победу!» В работе стали меркнуть первые жестокие для девичьего сердца впечатления.

День за днём, все военные годы Елена Александровна провела в работе. За войну незаметно повзрослела. Война не пощадила детей, не доигравших в игры, не дошавших в городских дворах, зато наградила взрослыми качествами характера. Мужество, смелость, выносливость, требовательность стали характерными для людей военного поколения. Война преподнесла ей урок, научила сопереживать, остро чувствовать беду и боль другого человека. Тыловые подвиги Елены Александровны отмечены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945»

Соснина Лилия Иннокентьевна

Кто в нашем селе не знал в годы войны «Лильку», - лихо скачущую верхом на лошади маленькую девчушку, потомственную казачку, представительницу знаменитой здешней фамилии?

Как и все дети училась она в школе, в которой занятия не прерывались, несмотря на невзгоды и тяготы военного детства. Бросив школьную сумку, едва перекусив, летела Лилька к лошадям. К лошадям у Лили было особое чувство, оставшееся от предков–казачков. Попросилась работать в конюшне после школьных занятий. Везла воду в учреждения села, дрова из лесу, несколько тон навоза на поля и огороды. Но больше всего нравилось маленькой казачке ухаживать за лошадьми, кормить их, выгуливать, ходить в ночное, чистить. Сначала был конь Чалый,

он скончался от раны, нанесённой волком. Затем Лиля ухаживала за жеребцом Белогривчиком. Она разговаривала с ним, как с человеком. В военные зимы на конюшне, ближе к весне постоянно не хватало фуража, что привело к немалому падёжу животных. Правление колхоза, учитывая её добросовестное отношение к животным, выдало двух жеребят на вскармливание. Надежды, что их удастся выводить, не было даже у Лили и её мамы. Украдкой от своих домашних, от строгой мамы, Лиля припрятывала постоянно продукты. Где кусочек хлеба в мизинец, где вареную картофелину, а где стацит из домашних стогов клок душистого сена. Мама только подмечала, что у Лили появились на лице большие синие круги под глазами, явно от недоедания. И, конечно, видела она, как Лиля, достаёт припрятанное лакомство для жеребят. Уж больно ласково они тычутся мордами в её ладонь. В их семье всегда было трепетное и ответственное к лошадям отношение. Весной сдала подопечных в колхоз. С гордостью она вела жеребят под уздцы на конюшню на виду у всего села. В такой момент мать сильно гордилась дочерью. В душе она была благодарна ей, что дочь унаследовала принцип, сам не доедай, а животное накорми. К удивлению взрослых выкормила подопечных жеребят. Не подвела, выполнила поручение, жеребятки за зиму окрепли и набрались сил. С нетерпением мать ждала дочку, чтобы узнать результат.

Конюх, дед Хамицкий, постоянно говорил ей: «Лилька, тебя же кони прибьют!» Но она, по мальчишески закинув ногу, мигом оказалась в седле. Единственный раз её сбросила лошадь, когда надо было везти обед трактористкам. Ну и что? Потёрла наездница ушибленное место, поворчала для порядку, взнуздала ретивую лошадь и ускакала. Конюх лишь только вздохнул: «Эх, лихая головушка». А сам исподтишка любовался и сравнивал с отцом и дедом.

При распашке огородов Лиля под уздцы водила лошадь, верхом боронила поля и огороды. Любила окучивать картофель. Сама шла с поводом, а подруга направляла окучник вдоль посадки.

Как и все, досыта наелась «тошнотиков». В колхозе всю войну продолжала действовать пасека. При хорошем цветении медоносов она давала хорошие сборы мёда. Собранный мёд выдавали на трудодни, делили по числу едоков в каждой семье колхозника.

День победы начинался для неё как самый обыкновенный день. С утра Лиля управлялась с домашними делами, доила корову. И вдруг услышала крик, и сердце бешено застучало. «Война кончилась! Победа!» Все выбежали на улицу, поздравляли друг друга, плакали и рыдали в голос от счастья, и от горя, и не поймёшь, не разберёшь от чего, скорее от душевного потрясения.

За трудовые заслуги в годы войны Лилия Иннокентьевна Соснина была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Горбунова Лидия Александровна

Война принесла много бед и страданий семье Горбуновых, которая проживала в посёлке лесозаготовителей на Оборе. До сих пор не сотрётся из её памяти страшная ночь, когда пекарь Гриша смело и настойчиво постучал в окно дома, в отворившиеся оконные створки крикнул: «Война началась! Всем руководителям срочно надо явиться в контору посёлка!» Вспоминает Лидия Александровна:

«От тревожного сообщения громко заплакала мама. Её рыдания были предчувствием надвигающейся беды, огласили на некоторое время весь дом. А мы, дети, как-то притихли и думаем, что такое война? Вернувшийся отец был очень серьёзен и задумчив. Объявил нам, что его мобилизуют на фронт. Нас, детишек он очень любил и на прощание наказывал нам: «Слушайте детки маму, учитесь». Он очень желал, чтобы мы учились и выросли грамотными.

В письмах с фронта он писал: «... Меня беспокоит, что дети почему-то не учатся». Причиной была война. Малолетней девчушкой работала в колхозе села Невельского. В последнем письме, 1944 г. отец написал: «Если останусь жив, буду вас учить». Но не пришлось ему исполнить своё желание. Геройски погиб в бою с бандеровской бандой, освобождая украинский город Дубно. Вражеская пуля сразила его насмерть во время переправы по горной реке, в том

месте, где бандеровские бандиты держали упорную оборону. Как потом рассказывали папины сослуживцы, вода в реке обогрелась красной кровью убитых бойцов. После боя, разгромив бандеровцев, тело отца не нашли. И писем от него не было. По розыску пропавших без вести фронтовиков была найдена его боевая часть и однополчане. Мама долгое время надеялась, что раз тело не обнаружили, возможно, он жив и находится среди партизан или в немецком плену.

Лидии Александровне в ту пору едва исполнилось 12 лет. В колхозе работала на всех работах, куда отправляли подростков и детей. Рубили большое количество жердей для различных колхозных нужд. Шкурили каждую и раскладывали рядком на просушку под палящим солнцем. Жерди использовались для ручек к сельхозинвентарю, и из них деревенские мастера делали лёгкие грабли для сенокосиц.

Несколько летних сезонов работала в женской бригаде по выращиванию табака для военных нужд. Во время его созревания листья общипывались, и на руках ребят долгое время оставались жёлтые несмываемые пятна. Затем листья связывали и развешивали на вешала под навесом. В жаркие дни от табака нёсся резкий отравляющий запах. Дети переворачивали связки, чтобы листья сушились равномерно.

Никогда не забыть ей, как наравне с взрослыми женщинами выходила в поле жать серпом зерновые. Комбайнов в колхозе не хватало. Рожь, овёс поспевал и требовал к себе срочного внимания. Тогда женщины выходили в поле с ручным инвентарём: серпами и литовками с «грабками». Грабки – специальные три рожка, особое приспособление, надевалось на косу – литовку. Грабки умело мастерил дед Киргизов. Перед косьбой он на каждую литовку одевал грабки и проверял, ровно ли ложатся скошенные колосья зерновых. Жали серпами. Особенно, когда сильный ветер, разметав колосья в разные стороны, тогда женщины становились на жнивье с большими серпами. Чтобы захват колосков был больше, частенько серп, как оса жалил руки в самые трудные моменты. Когда спина у молоденькой девчушки уставала, то всё ей казалось таким неудобным. Радовались, что вслед их работе, по полю идут дети поменьше, с холщовыми сумками наперевес, в которые собирали оставленные колоски.

В летнее время работали в колхозе с раннего утра и до позднего вечера. Солнце клонилось к закату, а женщины и подростки, усталые, спешили домой управиться с домашним хозяйством: доить коров, поить жидким пойлом, кормить свиней, птиц, носить для домашних нужд воду. После всех дел хорошо было сполоснуться в остывшей, но сохранившей тепло, баньке и потом была свободна почти до поздней ночи. Шли на посиделки, на берег реки. Пели песни, шутили, когда не было похоронок. Детства у нас-то и не было, у детей военного времени. Всё заботы и заботы. Порезвимся немного во время работы, но тут же зоркий глаз бригадира останавливает нас, снова принимаемся за работу. Резвых игр в годы войны не было. Подростки все были серьёзные.

На следующее лето предложили работать почтальоном. Отказываться от работы было нельзя. Могли неправильно понять и затем осудить, как дезертирство.

Работа почтальоном накладывала свой отпечаток ответственности, серьёзного отношения к работе. В день ей приходилось преодолевать 30 км. До села Черняево и обратно. За почтой ездила верхом на лошади. Умела её запрягать и управлять. Почта состояла почти из одних писем. Похоронки сама не отдавала, вначале оповещала руководство колхоза, и вместе несли прискорбную весть.

Вместе с жителями зимой участвовала в заготовке дров для учреждений села. В лесу пилили большие кучи отбракованного лесником сухостоя, а затем возницы перевозили в нескольких подводах. В памяти отложился скрип полозьев саней по зимнику, продувавшаяся насквозь февральским ветром ветхая одежда. Не забыть вкус небольших кусочков замёрзшего хлеба, сала, и другой еды, собранной мамой.

Семья сдавала налоги: 11 кг - домашнего сливочного масла, 625 кг - картошки, 46 - мяса, и несколько десятков яиц. Кроме продуктов строго сдавали шкуры с забитых на мясо домашних животных. Перед жителями был выбор, вместо продукции можно налог выплатить деньгами, вырученными от продажи сельхозпродукции. Продавали в основном картофель, которого собирали неплохие урожаи.

Лидия Александровна сознавала, что чем лучше ухаживать за домашним огородом, семья будет иметь достаточный приработок к семейному бюджету.

Зимой, бывало, начинали заниматься учёбой с учителями. Пробелов у школьников за военные годы было немало, потому что большую часть времени работали в колхозе. Учебников не хватало, покупать было дорого. Да мама не знала, что важнее купить: обувь или одежду, которые как назло быстро изнашивали и были чиненные – перечиненные, либо учебник и книги.

С большим удовольствием Лида участвовала в проведении творческих вечеров и концертов в местном клубе. Досугом подростков занималась супруга начальника заставы, фамилию с годами призабыла, но помнит её очаровательный голос. С концертами выступали на полеводческих станах, на пограничной заставе, в клубе.

День Победы встретила на рыбалке. Рыбачила на удочку под наблюдательной пограничной вышкой. Пограничник с высоты птичьего полёта, перегнувшись через перила, крикнул ей: «Кончай рыбачить, война кончилась!» Бегу домой, на сердце такая радость и лёгкость. Вижу, тётя Нюра забор чинит, я ей на бегу тоже кричу: «Кончай работать, война кончилась! Потом починишь забор!»

Вскоре все жители села узнали новость, которую с нетерпением ждали каждый день. Выходили на улицу, обнимались, целовались, поздравляли друг друга с победой. В этот день никто не сидел дома, от радостной вести много общались, мечтали о главном, чтобы скорее вернулись домой фронтовики.

Нелегко пришлось Лидии Александровне в военные годы, как и многим подросткам нашей Родины. Не дав доиграть в подростковые игры, а заставила не по годам повзрослеть, стать ответственнее за свои поступки, за порученное дело. Проявила стойкость и выносливость на трудовом фронте. Её труд заслужено был отмечен. Лидию Александровну наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.»

Как, какими словами выразить благодарность за детский вклад в победу?!

Дальневосточная нефть Бадиной Елены Ивановны

Елена Ивановна в военные годы жила в посёлке Октябрьском Амурской области, где с давних лет родители добывали золото. В войну местный колхоз выращивал зерновые. Пока братья воевали на фронтах, Елена Ивановна с мамой, Пелагеей Николаевной, успевали управляться с домашним хозяйством, вместе с остальными колхозниками с рассвета работали в поле. Сев проводили с помощью сеялок, а вот убирать хлеб приходилось вручную. Техники не хватало, жали серпом. Он требовал осторожного обращения, от неловкого движения можно было пораниться в любую минуту. На поле, борьба шла за каждый колосок. Жницы ловко срезали пучки колосков, укладывали в сноп, перевязывали его и ставили в суслон. К вечеру спина становилась такой согбенной, что и не разогнёшь, зато был хорошо виден позади результат дневного труда. Вечером с первыми сумерками, едва хватало сил взобраться на телегу, возвратиться домой. Как ни уставали на работе, всё же молодёжь поздним вечером шла в клуб – повеселиться и отвлечься от забот и хлопот. В тёплые летние вечера по посёлку звучали протяжные казачьи песни.

Не забыть Елене Ивановне и сенокосную страду, когда мошка не даёт и рта раскрыть, а пот катится по спине ручьями. А косцы всё машут и машут косами. Слышен лишь звон отбиваемых и опрашиваемых кос да мягкий шорох срезаемой травы. Белеют спины жнецов в холщёвых белых рубахах, да женщин в белых косынках. С устали так приятно прильнуть к кринке прохладного кислого молока, утоляющего жажду и придающего силы! На сенокосном лугу много народу, даже дети здесь. Кто ворошит сухое сено, ладно сделанными маленькими вилами и деревянными граблями. А кто из «сосунков» просто ползает недалеко от мамы по скошенной траве.

В 1943 году стране, фронту, срочно понадобилась нефть, разработанные скважины которой были законсервированы. В первую очередь, чтобы снять перегрузку с западных месторождений, и регион не оставался без горючего, если японские войска перережут единственную железнодорожную магистраль. Нефть на амурской земле была. Среди девушек набирали бригады на буровые скважины. И как не отговаривала Пелагея Николаевна свою дочь от необдуманного

шага, Елена пошла на буровую, не прислушавшись к маминым сетованиям, мол, тайга глухая и здоровьем ты не вышла, и буровые свечи тяжелы, и сил у тебя нет. Ответила: «Мама, ведь есть девушки намного слабее меня». И уехала. Елена Ивановна рассказывает о своей нелёгкой работе на буровой:

«Обучали нас прямо в деле, непосредственно на добыче. А потом, с буровых последних мужчин забрали. Все работы полностью доверили женскому коллективу, да старый мастер остался при нас. По старинной традиции умылись первой своей нефтью, плясали от радости. Поплилась она родная в район, на перерабатывающий завод и дальше на фронт. Нефть связала небольшую женскую бригаду «амурских нефтяников» с фронтом. На месторождении Гарь запасов нефти было мало. Зато это был самый близкий источник. Работа на буровой была не из лёгких. Плохие дороги можно сказать бездорожье. Машины с грузом, в основном, буровыми трубами, зачастую застревали на колдобинах и промоинах бездорожья. Приходилось перетаскивать на своих плечах штабеля металла. Летом сильно донимал гнус и комары. Постоянно жгли дымокуры. Спали под накомарниками. По вечерам снимали с себя множество клещей, о прививках не было и речи.

Работала младшим помощником мастера. Устанавливала трубы в свечу, крепила их. А для этого требовалась сила и сноровка. После смены поскорее спешила снять пропитавшуюся мазутом и нефтью робу, тяжёлые кирзовые сапоги и тут же валилась от усталости на нары, чтобы выпрямить спину и дать отдых ногам. А назавтра снова на смену. И так изо дня в день, без выходных и праздников.

Месяцами не видели хлеба. Его невыгодно было возить ежедневно, он появлялся вместе с грузом. Но от нефти работницы не чувствовали его хлебного духмяного запаха. Каждая мечтала, что вот кончится война, придут они домой и влать поедят хлеба. Тяжелее всего была работа в зимнее время, когда ладони сквозь брезентовых верхонок примерзали к холодному и настывшему металлу. Сильно стыли руки и ноги, вечно мокрые от промывочной воды. Часа на буровой не выдерживали от холода, бегом бежали к кострам, чтобы обогреться и просушиться. Погрелись и снова к буровой, к свечам. В такие морозные дни мечтали о приходе весны. Весной легче и настроение лучше. В метели и снегопад еле передвигались по глубокому снегу, но продолжали работать. Уйти с работы считалось в военное время дезертирством и подлежало суровому наказанию. Женщины и девушки бригады понимали, что как бы не было трудно здесь на буровой, всё же труднее там, на фронте, где воюют их братья и отцы. Им, обязательно необходима нефть.

Значит, нам здесь надо преодолеть все трудности и добыть как можно больше нефти для фронта. Помню, как плакала от усталости, от бессилия, от пронизывающего холода, и как спасали мои обмороженные руки и ноги. Спасибо родным, что позаботились и прислали горшочек топлёного гусиного сала. Им, вместо крема, дневного и ночного, мазали женщины лицо и руки.

Страшны для незащищённых женщин были дикие звери. Летом, частым и непрошенным гостем на буровую навевался медведь и наводил переполох не только среди собак, но и работниц. Зимой становилось страшновато от волчьего воя. Волки близко подходили к жилью. Охранникам приходилось отпугивать волков и стрелять в воздух. Но к утру все страхи и горести забывались, снова спешили на буровую.

Однажды все мучения кончились, и студёные зимы, и непроезжие дороги, и неподъёмные буровые свечи. Пришла победа. После войны нам пришлось несколько лет работать на буровой. В скором времени прислали мужчин.

Все трудности войны выдержала на своих плечах простая русская женщина. Там, на буровой Елену Ивановну Бадину наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г».

Манжуло Раиса Петровна

Предвоенное и тяжёлое время войны пережила Раиса Петровна в родном городе Бугуруслане. В 1933 году, в пору репрессий, когда никто не знал, что будет завтра, вынуждена была пойти работать. Детей принимали на лёгкую работу. Раю взяли в кондитерский цех варить кон-

феты. Одновременно училась на продавца. Во время занятий слышала от подруг, что набирают на курсы кочегаров при тресте «Восток–нефть». Решила попробовать свои силы. По завершении обучения была направлена в кочегарку, следила за температурой и давлением в котлах. Накануне войны заболела, - уже в больнице узнала, что немцы напали на нашу Родину. Первое чувство было связано с вопросом «Что делать? Как обстоят дела дома? Где брат? Наверно ушёл добровольцем на фронт?» Она спешит на работу, зная, что нефтепродукты нужны фронту. В войну работали в четыре смены. Питались очень скудно. За вредность, дополнительно к пайку получали килограмм хлеба и литр молока. В это время Раиса Петровна вступила в партию и стала профоргом.

С фронта, эшелонами привозили в котельную на стирку и выпарку от вшей – солдатские шинели, фуфайки, ватные брюки. Тяжело было брать их в руки, от них веяло смертью, и по швам гнездились вечные спутники войны, вши. Каждая из вещей побывала с хозяином в боях. При виде засохшей, побуревшей крови, оторванного рукава или дырочки на уровне груди, сразу одолевали невесёлые мысли. От увиденных фронтовых вещей, слёзы набегали на глаза. Женщины их тщательно пропаривали и иногда, оставаясь после смены, аккуратно чинили дыры. Работали без аварий, крепким коллективом. За этот труд Раису Петровну и других женщин в 1943 г, наградили фуфайками, которые были роскошью. А в следующем году за хорошие показатели в работе наградили шерстяным отрезом. Раиса Петровна сшила себе красивое платье.

После смены вязали вместе с мамой носки и варежки, собирали их в посылку и отправляли на фронт.

Добровольцем на фронт ушёл брат Раисы – Павел. Красивый девятнадцатилетний парень погиб геройской смертью в первый же год войны. Три месяца он бил врага, в дом пришла на него похоронка. Следом получили ещё семь, на всех двоюродных братьев. Неутешное, великое горе! Семьи лишились кормильцев. Здесь в Бугуруслане стояла лётная часть. Как всякая девушка, Раиса мечтала о хорошем парне, с которым можно было разделить и радость и горе. Влюбилась она в высокого, стройного лётчика с пышной шевелюрой волос. С фронта шли письма от незнакомых бойцов. Переписывалась она с солдатом Ваней, которому её адрес дал родной брат. Не писать она не могла, не хотелось расстроить бойца. Все пять лет он писал ей удивительные письма, здесь были строки не только о боевых заслугах, но и о своих чувствах, и слова благодарности девушке, которая своими письмами скрашивала сложную фронтовую жизнь. В письмах он объяснялся в любви. Но её сердце принадлежало другому молодому человеку. Об этом Рая сообщить Ивану не могла. Неожиданно Дмитрия оставляют в Бугуруслане в должности коменданта города. Только с открытием второго фронта Раю и Дмитрия разлучила война. После окончательной победы над врагом, лётчик Дмитрий Иванович Манжуло спешит к своей невесте, в надежде, что неизвестный боец Иван не опередит его. И едва они зарегистрировали свой брак, как на работу к ней явился демобилизованный Иван. Он был сильно огорчён, но благодарен был солдат девушке за письма, такие желанные и долгожданные. Они на фронте согревали его сердце и лелеяли мечту о любимой, которой у него ещё не было. Погоревал по-мужски, затем простился и вернулся на родину. А Рая, вплоть до 1946 г. - вся в заботах: вахта, стирка, починка, сельхозработы. Потом они с мужем поехали на его родину, Дальний Восток. В 1950 г. Дмитрия Ивановича демобилизовали и перевели в Казакевичево начальником почты. Долго работал, но по нездоровью ушёл работать почтальоном. Разносил по домам газеты и письма. А неугомонная Раиса Петровна, где только не работала: на местном коммутаторе телефонисткой, оператором на телеграфе, в полеводческой бригаде, на обработке рыбы в период кетовой путины и даже дорожником, укладывала асфальт к родному селу. Крепкой и энергичной она оставалась до самой старости. Ухаживала за своим огородом и делилась воспоминаниями. Ей было о чём вспоминать, чем дорожить, что успеть передать своим детям и внукам.

Шалаева Елена Андреевна

Елена родилась в селе Невельском. Повзрослев, устроилась на работу в село Казакевичево, в овощехранилище пограничного отряда. В 1938 г. вышла замуж за местного жителя Андрея

Дмитриевича Шалаева. Уж больно по душе пришёлся ей юноша. В 1939 г. на свет появилась дочка Людмила. О военных годах вспоминать нелегко: «22 июня 1941 года находилась дома и вдруг по радио услышала тревожный голос диктора Левитана: «Началась Великая Отечественная война. Родина в опасности!» А тут совсем недавно разрешилась сыном Анатолием, несказанно порадовав мужа. Что будет? Ведь Андрея заберут на фронт. Он так и сказал: «Надо, мать, я должен защищать Родину и тебя, любимая, с детьми».

А в военкомат ежедневно сельчане подавали заявления об отправке на фронт.

Втроём пошли на сборный пункт – Андрей Шалаев, Богодоров и Ткачёв. Были зачислены в одно отделение стрелкового полка. Вместе попали на фронт и вместе приняли первое боевое крещение, воевали на Волоколамском направлении. Бои были неравными и кровопролитными. Наравне с контратаками приходилось отступать. Попали в окружение. Отстреливаясь, отошли к заброшенному дому и на ночь расположились в подвале, где на сорокаградусном морозе просидели всю ночь. Боялись выдать себя врагу и не жгли спасительных костров. Среди них было много раненых. Только на следующий день замёрзших бойцов обнаружили санитары, их задачей было собрать убитых с поля боя. Все трое попали в госпиталь с сильными обморожениями конечностей. Двоим, сразу же ампутировали пальцы ног. Андрей не согласился на ампутацию и был списан из армии. Около года он пролежал в госпитале. Санитарным поездом вернулся в Хабаровск и боялся возвращаться домой. Мрачные мысли одолевали его: «Да нужен ли я жене и детям. Такая обуза с гниющими ногами...»

К Елене Александровне на работу приехал офицер из военкомата и спросил: «Лена, вы возьмёте к себе мужа?» «А как же, обязательно», - ответила она и заплакала от страшного предчувствия. Металась в догадках и успокаивала себя, был бы живой, хоть раненый, контуженный, без рук, без ног, но он же мой, родной. «Не испугаетесь?» - Нет, – ответила она и побежала домой собираться в город за мужем. В военкомате увидела его, и сердце остановилось. Сидит Андрей худенький, выболевший. Окинула взглядом, вроде всё на месте. Но лишь посмотрела на ноги, сразу поняла, что с ним приключилась серьёзная беда. Обут был муж в бумажки, сшитые вручную из ватника. Кинулась к нему со слезами, конечно, не сдержалась. А он сразу с вопросом: «Как дети? Возьмёшь меня?» Своим поцелуем дала понять, что он ей так же дорог, как раньше, как всегда. Как изменился его взгляд! Слова любимой развеяли и расеяли его тревожные мысли. Приехали домой, дочь Людочка кинулась на шею: «Папа вернулся!» А сын Толя пробурчал: «Мой папа воюет!» Ведь он не знал отца, появился на свет перед самым его уходом на войну.

Ноги ещё долгое время болели, и Елене Андреевне ещё больше приходилось зарабатывать, чтобы хватало мужу на лечение.

Шли годы, здоровье постепенно шло на поправку. Андрей работал в колхозе. Помогал ветеринару лечить коров, лошадей. Стал печником, и к нему шли все, кому надо было поправить старую печку или при строительстве дома сложить новую. Андрей был мастером своего дела. Когда почувствовал, что ноги стали надёжнее, поступил в рыболовецкую бригаду, долгое время бороздил реки, выполняя планы по заготовке рыбы. И в этом деле тоже стал мастером. Знал, как и где надо поставить сеть, на какой тоне лучше ловить осеннюю рыбу – кету. Какие-то навыки он получил по наследству от своего деда и других рыбаков.

Елена Андреевна всю жизнь проработала в полеводстве и на огородах родного колхоза, в овощехранилище воинской части, на разделке и засолке рыбы. К любому делу она относилась ответственно и добросовестно. О военных годах рассказывает с болью, слезами и грустью. Радостно осознавать, что не потеряли в трудностях войны человеческие качества, такие как сердечность и ответственность, любовь и заботу. Они смогли вырастить, несмотря на лишения, своих детей. В этом большая заслуга всех матерей, и в том числе Елены Андреевны.

Нелёгкий, фронтовой хлеб Шуткиной (Бацановой) Ирины Васильевны

В 17 лет Ирине пришлось познакомиться с мужской профессией. Она родилась в селе Казакевичево, здесь закончила накануне войны школу. Семья была большой: двое взрослых и семеро детей разного возраста. Вспоминает, как тяжело жилось многодетным семьям. Не хватало продуктов питания, так как излишки уходили на всевозможные налоги, не хватало обуви и одежды; сшили бы сами, да кожи от телят и коров сдавали в госприёмку. Разве что картошку удавалось обменять на вещи для малышей. Чтобы как-то прокормить семью, мама Ирины бралась за любую работу на полях и огородах. А Ирина успевала утром отнести и отвести младших в ясли и детский сад, затем бегом в школу, а вечером её снова ждало домашнее хозяйство. Девушка – подросток должна была всерьёз помогать родителям.

О войне, как и все сельчане, услышала по радио. Оно было в каждом доме в виде чёрной тарелки. Взрослая Ирина серьёзно восприняла ужасающую весть. С первых дней войны село стало провожать на фронт мужчин, одного за другим. И за первый военный год их почти никого не осталось. Идёшь по улице, а во дворах снуют одни старики да женщины с малыми детьми. В это время в посёлке Ильинка, в МТС объявляют набор на курсы трактористов. Сговорившись с Машей Ипатовой, пошли в правление колхоза и попросились на курсы трактористов. После шестимесячной учёбы они уже сами, как заправские специалисты, привели тракторы в свой колхоз. Пахали на тракторах умело, знали каждую выемку, каждый взгорок на полях и огородах. На полях хутора Свободного поднимали землю под посевы зерновых и картофеля. На Грязном Кривуне – под гречиху. В Муине пахали под огороды. Картофеля выращивали очень много. Сеяли просо, которое после уборки и сортировки тут же сдавали в район. В поле, до десяти гектар сажали табак. Его собирали дважды по мере созревания. Ранний сбор листьев табака шёл на переработку лёгких сортов табачных изделий. Крепкий табак собирался во время полного созревания. Заготовленные листья табака, правильно, качественно высушенные на вешалах и упакованные в тарные мешки, отправляли на табачную фабрику. На заготовку листьев табака из района приходила разрядка. Сельчане старались вырастить отменный и хорошего качества табак, потому, что знали, как дорога на войне табачная «понюшка». Резали сами табак и отправляли на фронт.

Весной и осенью девушки не уходили с поля от рассвета до заката. Их трактора, словно стали ручными, не доставляли особых хлопот, не ломались. Огорчала трактористок весенняя распутица да бездорожье. Приходилось оставлять трактора на поле, а за горючим отправлялись на телеге. Зимой, немного подремонтировав, отправлялись вывозить на поля и огороды органическое удобрение. Самим приходилось наполнять тележку–прицеп. Тяжело было, изрядно уставали, но работать на тракторах им нравилось. Тракторами тянули прицепы с сеном по ледовой дороге с Большого Уссурийского острова. Так все пять лет.

Любили девушки и повеселиться. В центре села находился клуб, куда свободными вечерами спешила молодёжь. Пели песни, которые разносились по всей округе. Заслушаешься и забываешь все тревоги, утихают боли. Исполняли частушки, в которых упоминали ленивых. Вот каким изображали колхозные певуны, красавца–бригадира, который любил командовать людьми, призывал на работу, постукивая с утра по ставням окон.

Андряшка Некипелов,
Кучерявый, как баран.
На работу он ленивый,
Только ходит по дворам.

И про строгого председателя исполняли частушку:

Председатель наш колхозный,
Ходит в сером картузе,
Подойти к нему, проблема,
Не подъедешь на козе.

За свою нелёгкую работу Ирина ежегодно после жатвы получала несколько килограммов третьесортной пшеницы, в которой было больше семян сорняков. Но и этой сорной горстке семья была рада. Мама, Евдокия Мироновна брала у соседей жернова и молола зерно. К Рож-

деству пекла вкусные оладьи. Младшие сёстры и братья получали много радости от этого лакомства, гордились Ириной.

За заслуги Ирина Васильевна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны, она до самой пенсии работала в родном колхозе.

Лончакова Пелагея Ильинична

Пелагея Шериколобова, в замужестве Лончакова, наша коренная станичница, уехала к мужу в село Невельское, там прожила до окончания войны, и только в 1946 г. вернулась в родное село. Во время войны ей одной надо было поднимать трёх девочек–подростков. Муж умер в годы репрессий. Пелагея Ильинична была сильной и волевой женщиной. Умело рыбачила, заправски подвернув рукава и подобрав юбки, тянула невод в дни кетовой путины, ловила рыбу сетями. Затем рыбу сортировали, засаливали. Выловленный частик, разбирали по домам, жарили в русских печах, упаковывали в ящики и отправляли на районные склады для военных нужд. Здесь матери помогали верные помощницы, её дочери – Зина и Галя. Лошадей в колхозе было мало, вместо них запрягали быков, которые иногда были так упрямы, что не желали двигаться с места. Женщинам надо было становиться рядом с ними и что есть силы тянуть за повод. Тогда было не понятно, кто в упряжке, бык или женщина? Женский труд в колхозе в военные годы был поистине тяжёлым и каторжным. Дети Пелагеи Ильиничны почти не видели свою мать. Чуть забрезжит рассвет за окном, как она уже готовит им поесть и спешит на работу. Вечером, едва управившись с домашними делами, валилась с ног от усталости. Но никогда не жаловалась и не плакала. Дочки не слышали сетований на горькую судьбу. На второй год войны старшая дочь отправляется на лесозаготовки. Обычно Пелагея Ильинична варила кислые щи, замораживала и передавала с оказией на участок дочери. За то, что дочь работала на лесозаготовках, семья получала хлебный дополнительный паёк.

Поработала на колхозных полях и младшенькая, девятилетняя Галя. С холщовой сумкой через плечо шли дети вместе с учительницей на поле собирать колоски пшеницы и ржи. Зимой после уроков собирали в домах сельчан древесную золу из печей в бочки, в которых она хранилась до полевых работ. Ранней весной эти же дети распыляли золу на полях, улучшали плодородие почвы.

Летом 1945 г. дочь Зину взяли на учёбу в ФЗО, по окончании учёбы отправили работать на военный завод, производить боеприпасы для фронта. С этого времени мама стала брать на работы в огород и на поля младшенькую Галю. Наравне с женщинами она сажала рассаду овощей, полола и собирала урожай. Гордилась, когда мамина бригада больше выращивала овощей и сдавала на склад. Знала, что в этом и её, детская заслуга. Дети, работавшие на огородах, радовались, когда в обед все располагались на краю поля под раскидистым деревом и приступали к еде. Конечно, детей старались первыми накормить, чем бог послал. Летом село было пустым весь день. Редкий инвалид сидел на скамеечке у двора и что–то мастерил. Каждому колхознику определяли сотки на выращивание и обработку, какого–либо овоща. Галина Алексеевна вспоминает, как вместе с мамой они обрабатывали тридцать соток, занятых кукурузой и картошкой. Трудно было, а мама подгоняла: «Не отставай, доченька, к обеду этот участок надо обработать. А там, отдохнём». И от её слов становилось теплее на сердце, и грядки словно казались короче.

Осенью серпами жали зерновые. Если для Пелагеи Ильиничны это был повседневный и привычный труд, то для девочки Гали – нелёгкая работа. Чего проще нарезать серпом зелёной травы для домашнего скота, или же заниматься столь ответственной работой в колхозе? Где каждый колосок зерновых был на счету. Как бы не было трудно, Галя рядом с мамой справлялась на жнивье. В тонких её ручонках умело вязались снопы и ставились в суслоны, колосями вверх. Сверху он накрывался, словно крышей большим снопом колосьев зерновых. За день работы, на сжатом поле они выстраивались словно солдаты. В умении ставить суслоны преуспевали взрослые. Требовалось при этом, чтобы он стоял крепко, и сильные ветры не смогли разметать их по полю. Затем их свозили на ток, к молотилке.

Летом сельчане спешили после работы в лес за дикоросами. Голубицы и ежевики в окрестностях росло много. Иной раз выйдет хозяйка с ведрами на коромысле, глядишь, через час – другой уже возвращается с полными ведрами сизо–чёрной ягоды. Кто мёдом её заливал, кто в стеклопосуду затаривал и опускал в погреб, другие сушили. Таким образом, заготавливали на зиму любую лесную ягоду. Зимой варили кисели и пекли вкуснейшие пироги. Во время войны вместо заварки широко использовали жареные пластики тыквы. Их размельчали, толкли и бросали в чай. В лесу собирали дикие груши, сушили их в русских печах. В такие дни по селу разносился ароматный пряный запах! С солью, в войну была большая проблема. Ценилась она на вес золота. В продаже её почти не было, обменивали на самое ценное, что было в доме.

Об окончании войны, семья Лончаковых узнала от мальчика, бежавшего по селу. Он кричал: «Война кончилась, война кончилась!»

В этот день состоялся самый большой праздник. Все радовались, искренне поздравляли с победой друг друга.

Пелагею Ильиничну, за труд в годы войны заслужено наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Девушка с мужской профессией - Чернова Ефросинья Поликарповна

Жила в нашем селе маленькая, сухонькая бабушка Ефросинья Поликарповна. До замужества её фамилия была Ретивых. Приехала она на Дальний Восток в 1937 г. из Сибири к брату, который жил на хуторе Свободном. В эти годы в стране происходили жестокие репрессии. И на место арестованного пасечника Сиротенко поставили С. С. Чернова.

Началась Великая Отечественная война, и Савелия Сергеевича призвали в армию. Несмотря на то, что у него было больное сердце, его определили помощником интенданта в хозяйственный отряд, расположенный в Николаевске–на–Амуре. Занимался заготовкой продовольствия для фронта. На оморочке ловил рыбу в море. Однажды в сильный шторм он едва не потонул в Татарском проливе. С таким же, как и он, хроническим больным, вёз Савелий Сергеевич соль к рыбацким станам. Сильная волна опрокинула оморочку, и пошёл он со всей поклажей ко дну. Был холодный и ветреный ноябрь. Нивхи, рыбачившие неподалеку, заметили разыгравшуюся трагедию и успели спасти тонущего человека. В своём чуме они тщательно растёрли его перпичьим жиром и подлечили. Все пять лет в море, на заготовках. А после войны вновь вернулся на пасеку.

В Казакевичево Ефросинья Поликарповна устроилась прачкой на местную заставу. Четверых детей надо было поднимать и прокормить в военные годы, пока муж находился на службе. Домашних проблем было много. Надо заготовить на зиму дров, запастись продуктами. Сама возила дрова из лесу на саночках, затем колола. Так как семья не состояла в колхозе, то им не дали надела земли под огород. Да и от налогов не освободили. Приходилось родителям выкручиваться. Маленькую зарплату надо было растянуть и на пропитание, и на уплату сельхозналогов, так как натурального продукта не было. На маленьком клочке огорода она старалась вырастить хотя бы зелень да морковь, чтобы у детей были витамины. Стирала очень много, бельё привозили с Уссурийской заставы. Зимой в прачечной было холодно. На ноги ей выдали валенки без калош. А на полу повсюду сырость и вода, валенки намокали, ноги стыли и замерзали. После стирки штопала бельё.

Однажды начальник заставы увидел, что она еле поднимается в гору, ноги еле слушаются, исхудала вся. Выделил несколько килограммов муки и овсяной крупы. Вот счастья–то в семье было! «Сварю кашу, дети радуются, а у меня на сердце тяжело, ведь ненадолго хватит, чем дальше–то кормить?» Давали ей иногда остатки пищи из солдатской столовой, хоть некоторое время дети были сытыми.

Летом всех, кто и не был колхозником, заставляли работать на колхозных полях, отрабатывать долги по налогам. Выделяли положенные сотки картофельного и кукурузного поля. Здесь старались помогать старшие дочери. Иной раз сама уходила в прачечную, а девчонки самосто-

ательно работали на поле. Старшей Ксении было четырнадцать лет. В войну подростков из больших семей отправляли по направлению от колхоза на учёбу в ФЗО, где было полное государственное обеспечение. Попала она учиться на помощника машиниста паровоза. По окончании училища работала на паровозе в Бикине. Возили военные грузы: лес, боеприпасы, продовольствие, военную технику, бойцов на фронт.

Хлебнула горя пятнадцатилетняя Ксения! Ей пришлось, как настоящему кочегару бросать в топку уголь. За одну поездку надо было перекидать лопатой двенадцать тонн. Наплачешься. А помощи ждать неоткуда. Кочерга для паровозных топок чугунная, тяжёлая, еле удерживала её в руках. Да и не всегда удерживала. Нагнёшься к огню чуть поближе, то вспыхивала шапка. Не раз загоралась на ней телогрейка, вата тлела от искр. По возвращению надо обязательно очистить топку от прикипевшей золы. После поездки вид у неё был страшный: вся в саже, одежда обгоревшая, клочками с фуфайки висит вата, руки чёрные от въевшейся золы. На ладонях кровавые мозоли. Не раз писала маме: «Убегу, не выдержу». Мать писала в ответ хорошие и добрые письма и наказывала дочери: «Терпи, дочь, война, ты не одна так работаешь. Нам тоже не сладко». А прислать что-нибудь съестное, она, конечно, не могла, потому что у самих ничего не было.

С поездки вернёшься, только прикорнёшь на нарах, забудешься тяжёлым сном, как уже будят: «Чернова, в поездку!» До отправления надо ещё привести в порядок котёл и тендер, куда уже оперативно загружают уголь. В эти годы видела она, как шли поезда на фронт. Для увеличения пропускной способности дорог, железнодорожники широко практиковали отправление поездов друг за другом с малым интервалом в 12–15 минут. При этом использовали на пути следования «живые светофоры». Охранники-регулирующие железнодорожных путей на период следования поездов расставлялись в укромных местах, и сигнальными фонарями регулировали пропуск по перегону, что позволяло иметь на перегоне сразу несколько эшелонов. Применялось одностороннее движение. Такие меры повышали пропускную способность в 2–3 раза, и вовремя подвозить войскам необходимые грузы.

Поезда с войсками, танками, артиллерией, боеприпасами и горючим бесперебойно шли на Сталинград. Трудно в эти годы было даже мужчинам, не говоря уже о девушках. В работе не замечала, мимо каких населённых пунктов проезжали. Ближе к фронту поезд шёл в тёмное время суток. Неокрепший организм девушки не выдерживал физических нагрузок. Вдруг пришло письмо от соседки, в котором сообщалось, что мама лежит в тяжёлом состоянии в больнице, а дома, под присмотром соседей остались маленькие сестрёнки и нуждаются в её помощи.

Ксения долго не колебалась, поехала домой. Знала, что за такой «подвиг» в военное время её накажут. В колхозе решили, раз мать лежит в больнице, то Ксения должна отработать штраф – три месяца работать бесплатно. Только тогда выдали паспорт.

Кем только в войну не работала Ксения: и счетоводом в колхозе; и в кочегарке воинской части; в школе вела делопроизводство, каждое лето выходила на работу в поля и огороды колхоза. Жала рожь, овёс. Не раз ранила серпом и без того болевшие руки.

Долгожданную победу встретила на работе. Все жители от переполняющих радостных чувств поздравляли друг друга с победой, тут же плакали те, у которых на фронте погибли родные. Кричали друг другу: «Ура! Война кончилась! Конец фашистам! И звали всех отправиться к клубу, где уже собирался народ на митинг.

Труд Ксении, и её мамы, Ефросиньи Поликарповны Черновых тоже обеспечивал нашу Победу, одну на всех.

Бадина Анфиса Трофимовна

Бывшие жители села Невельского помнят в военные годы привлекательную семнадцатилетнюю рыжеволосую девушку Анфису. Наверно, цвет её волос олицетворял в ней такие качества, как смелость, храбрость и трудолюбие. До войны ей хотелось продолжить учёбу, чтобы получить образование и специальность. Но строгий отец настоял на том, чтобы она пошла, работать в местный колхоз, так как там, ещё до войны не хватало рабочих рук. Работала в полеводческой бригаде, выращивала овощи, косила сено.

О начале Великой Отечественной войны узнала рано утром по радио.

До сих пор запомнился голос диктора: «*Киев бомбили, началась война*». Важная новость всполошила всех сельчан. Уже тогда в июне 1941 года, убеленные сединами старики, покуривая самокрутки с самосадом, горделиво уверяли с усмешкой в усы: «*Что ж, побьём мы Гитлера и его свору, как дать, побьём*». И они были правы.

В начале войны Анфису с подружкой отправляют учиться на тракториста в МТС села Черняева. Едва научившись водить трактор, им поручили в колхозе пахать землю. Поля находились за 10 км от села, и трактористкам приходилось целыми месяцами жить на полевом стане. Терпели многие неудобства, самое главное ощущали одиночество. На работе сильно уставали, к вечеру валялись с ног, им хотелось отдохнуть, чтобы в ночь вновь выйти в поле, потому что надо было выполнить не только установленную норму, но и успеть приготовить поле под посев и засеять семена во влажную землю. Девушки знали, работать надо, несмотря на недомогания и неудобства. Ведь в селе нет мужчин, которые бы сели за штурвал трактора. Следили, чтобы пахота была ровная и качественная, без огрехов, строго следили за глубиной вспашки. Во время посевной работали у них прицепщицами - подростки, распределяли по сеялке семена на полосе. В уборку урожая работала Анфиса учётчицей урожая. Обмеряла вспаханные поля, затем засеянные, просчитывала собранный урожай. Работа учётчицей была ответственной. Надо было пешком проходить большие расстояния по полям и вести правильный и точный учёт.

Осенью работала вместе с другими девушками и подростками на молотилке. Успевали до наступления холодов справиться с обмолачиванием зерновых. Снопки на молотилку подавали вручную. От молотилки постоянно шла пыль, которая к вечеру от жары и пота цементировала и стягивала кожу. У всех, кто работал на молотилке, было одно желание, поскорее добраться до воды и отмыться от пыли.

В 1943 году все жители села Невельского испытали сильнейший голод. К концу зимы у многих односельчан закончились зимние запасы овощей, так как колхоз сдал сверх установленных районом нормы овощей, сена и фуража.

Отец, Анфисы, Трофим был председателем колхоза, мучился тем, что колхозники голодают, а дети и пухнут от голода. До весны ещё долго. Трофим решил, выдал в пекарню часть зерна, заготовленного на будущий урожай. В дальнейшем раздал по 200 грамм пайки хлеба на душу населения. Ему был дорог каждый колхозник. Однажды ему посчастливилось убить в дубняке дикого кабана. Тушу кабана разделил по кусочку всем голодающим семьям. За заботу о колхозниках его арестовали, но вины не нашли. Едва он вернулся домой, сразу написал заявление военкому об отправке на фронт. На фронт отца провожала вся деревня, каждая солдатка давала ему наказ: «*Если встретишь моего мужа, то передай весточку от семьи, что мы любим и ждём*».

Отец Анфисы, Трофим погиб в жестоком сражении с фашистами под Сталинградом, в бою за Мамаев курган.

Горько было вспоминать Анфисе, как её родные выжили в военные годы. Вся опора их жизни была мама – Ульяна. Спустя шестьдесят лет, она вспоминает те мгновения и минуты, когда женщина голосила, рыдала от отчаяния. Но не такой была мама Ульяна. Дети восхищались её выдержкой, они никогда не видели слёз. Сильная была женщина. Шесть подвод запрягала в колхозе и вела санный прицеп на остров зимником за сеном. Сама загружала каждую подводу вилами, и отправлялась обратно. Такая вот была у Анфисы мама Ульяна.

В 1944 г. Анфису и ещё нескольких девушек, по направлению колхоза отправили на работу под Комсомольск–на–Амуре. Там, в таёжной глухомани, через мари и болота молодёжь края прорубала дорогу на Ванино. Здесь Анфиса испытала новые трудности. Питались очень плохо, работали вместе с заключёнными. Жили в бараках, часто страдали от простуды, вшей, нарывов. Летом донимали комары и гнус. На полях не спасали многочисленные дымокуры.

Весть о Победе встретила на лесной деляне, где рубила лес. Был выходной день, но девушки работали сверхурочно и управлялись с поваленным лесом. Ближе к обеду, ещё вдалеке заметили скачущего к ним всадника. Вспоминали девушки, как у каждой от тревоги сердце заволновалось: «*Кабы, что ни случилось?*». Нарочный, подъезжая к ним, кричал: «*Девчата, милые,*

война закончилась! Ура!» Все, кто находился на деляне, поняли его слова и начали от радости целоваться, кричать «Ура!» Работать, от такой волнующей вестии уже никто не мог, вернулись в посёлок. «Такую радость, я не испытывала уже никогда», - говорит Анфиса Трофимовна. «Многие плакали, смеялись, снова плакали, танцевали от всеобщего ликования». После войны ещё год поработала на лесозаготовках. Только в день её приезда, Анфиса и остальные домашние увидели маму Ульяну плачущей.

Анфиса Трофимовна, её сестра, мама Ульяна поистине заслуживают больших человеческих почестей, потому что, как все трудились для нужд фронта, приближали долгожданную победу.

За трудовой вклад Анфиса Трофимовна и её мама Ульяна были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Смелые и честные люди

За что генерал-лейтенант ударил министра обороны в 2011 году

https://pulse.mail.ru/article/za-cto-general-lejtenant-udaryl-ministra-oborony-v-2011-godu-7948898120186815403-6876013956669836033/?user_session_id=32124456400e0ed&qid=094604f59fbf5eb4&utm_partner_id=901&utm_campaign=main&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru&utm_test=x1&utm_content=lenta_main_mail_ru_v1

Генерал, который ударил министра – своего непосредственного начальника. Казалось бы, случай вопиющий, и позор такому высокопоставленному офицеру, нарушившему субординацию. Однако все не так, как может показаться на первый взгляд. Валерий Геннадиевич Евневич на момент марта 2011 года – в должности генерал-лейтенанта начальствовал Главным управлением боевой подготовки ВС РФ.

Генерал-лейтенант в 2011 году Валерий Геннадиевич Евневич.

Евневич считался кандидатом на должность командующего ВДВ. Имел репутацию грамотного военачальника, был участником нескольких военных компаний, имел множество наград. Герой РФ. Евневич прошел весь свой путь как настоящий военный, от боевого командира до генерала. Однако вместо командующего ВДВ Евневича назначают помощником министра обороны – полевого боевого генерала назначают на штабную должность при молодом министре обороны Сердюкове.

Министр обороны Сердюков Анатолий Эдуардович.

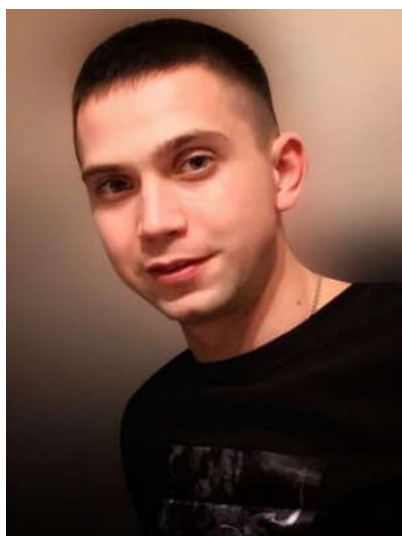
Ходить с папкой за молодым министром и слушать его выпады в адрес достойных офицеров, в общем, быть его секретарем. По информации из Википедии Евневича понизили в должности как раз из-за конфликта с Сердюковым, однако информации о дальнейших, более интересных событиях в источнике нет. Конечно штабная должность Валерию Геннадиевичу не нравилась. Министра не любило большинство военных. Раздражительность к руководителю с куда меньшим жизненным и профессиональным опытом копилась очень быстро.

И вот однажды, во время перерыва между совещаниями Евневич говорил по телефону. В этот момент к нему подошел министр Сердюков, и в своей обычной манере начал хамить. Дело дошло до нецензурных оскорблений, среди которых Министр велел прекратить телефонные переговоры и вернуться к работе. Евневич ни на секунду, не теряя самообладания и продолжая телефонный разговор, развернулся к министру и аккуратно отправил его коротким прямым справа прямо на паркет.

А затем, как ни в чем ни бывало вернулся к телефонному разговору. Сердюкову хватило ума не продолжать эту ситуацию. Несмотря на инцидент Евневич в будущем стал главным военным представителем России при НАТО.

Памяти земляка

Положил душу за други своя

1 января 2023 года, выполняя свой долг перед Родиной, героически погиб житель Щербинки, прихожанин Знаменского храма в Захарьине Маркелов Лев Евгеньевич. Спасая товарища из-под завала, он принял смерть от танкового удара.

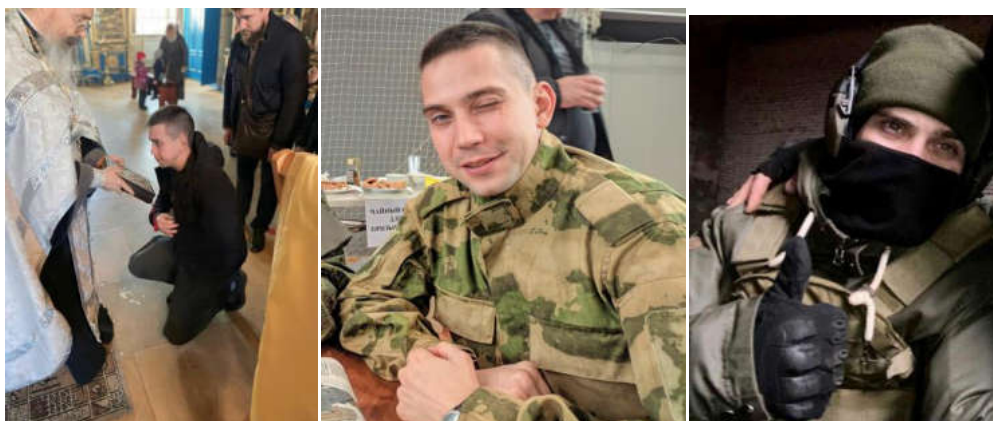
Лев Маркелов родился 31 января 1990 года в Томске. В возрасте шести лет вместе с семьей

переехал в Щербинку. Родители получили благословение служить в храме иконы Божией Матери

«Знамение» в Захарьине (мать Наталия Маркелова – регентом церковного хора, приёмный отец Петр Червак – алтарником). Лев вырос при храме, посещал Воскресную школу, с дружной приходской паломнической группой протоиерея Николая Киселева посетил множество святых мест.

Окончил начальную школу в Липках, специальный кадетский класс Военно-инженерной академии при школе ГОУ 1863 в Южном Бутове, затем – филиал Московского Политехнического института. В 2012–2013 гг. отслужил срочную службу в армии. Двенадцать лет, с пятого курса института Лев работал на Щербинском лифтостроительном заводе – сначала резчиком металла на ножницах и прессах, позже – слесарем МСР и оператором станков с ПУ, потом мастером цеха, последние два года – инженером технической поддержки в отделе развития IT-сервисов.

Лев все годы жил церковной жизнью, у него было много друзей на приходе, в школе, на работе, среди щербинской молодежи. Он был простым, улыбчивым, обаятельным человеком, готовым к общению и помощи, умел дружить по-настоящему. Был зрелой личностью и одинаково ровно общался как с детьми, так и с теми, кто старше его по возрасту и общественному положению.

13 октября 2022 года Лев Маркелов был мобилизован на СВО. В армию шел сознательно – на защиту веры и Отечества. Говорил, что чувствует в этом свое предназначение. Лев был целевой, сильной духом личностью, своим поведением и молитвами укреплял товарищей в вере, учил молиться. 29 ноября они прибыли на передовую в Сватово. Задача их подразделения заключалась в том, чтобы обозначать линию обороны. Бойцы посменно сутки дежурили в окопе – сутки отсыпались в подвале деревенской избы близлежащего населенного пункта.

30 декабря Лев разговаривал по телефону с родными. Просил мать пребывать в молитвенном состоянии каждую секунду, а особенно молиться в новогоднюю ночь, когда люди отвлекутся на встречу Нового года. Двух младших братьев просил передать молодежи, что хватит жить в кайф.

В ночь на 1 января ребята вернулись с позиций. Встречали Новый год. Лев сказал: «Год был трудный, запоминающийся. И каждый из нас совершил, возможно, главный поступок в своей жизни. Пусть все наши цели и задачи будут выполнены». С 4 утра расположение отряда начали обстреливать, беспилотник разрушил сарай, в котором хранилось оборудование. Около 12.30 дня по наводке с дрона был совершен обстрел из танка по дому, где жили бойцы.

Двое спали в комнате, на них рухнула стена. Шестеро ребят, среди которых был Лев, стали поднимать стену и вытаскивать из-под завала товарищей. Первым вынесли Илью. Потом Лев, Игорь и Данил вытаскивали на носилках тяжело раненного Алексея. Когда они вынесли его на улицу, прилетел второй прицельный танковый снаряд. Лев и Игорь погибли на месте. Данил был тяжело ранен и, не приходя в сознание, умер через семь дней. Божьим проведением спасенные ими ребята остались живы.

Тридцать дней Лев Маркелов не дожид до своего 33-летия. 21 января он был захоронен в церковной ограде Знаменского храма рядом с памятным крестом «Всем за веру и Отечество живот свой положившим». Согласно ритуалу, военный караул произвёл салют тремя холостыми залпами в воздух, после чего зазвучал Государственный гимн Российской Федерации. Сотни людей, прощаясь, благодарили воина Льва, отдавшего жизнь за нашу страну, а значит, за каждого из нас.

И просили Господа принять его душу, отошедшую в мир иной в высшем, самоотверженном порыве – так, как заповедовал Христос.

Светлая память о воине Лье, который явил пример смелости, мужества и героизма, навсегда останется в наших сердцах.

Родные, близкие, прихожане храма иконы Божией Матери «Знамение» в Захарьине,
коллектив АО «ЩЛЗ»

Поэзия сегодняшнего дня

Тогда вас люди называли псами -
Ведь вы лизали немцам башмаки,
Орали "Хайль" осипшими басами,
Ревели "Ще не вмерла" от тоски.

Где вы прошли - пустыни и руины,
Для трупов не хватало больше ям.
Плевала кровью "Ненька Украина"
В хозяев ваших, прямо в хари вам.

Вы б пропили её, забыв о Боге,
Вы б выжили и нас с своей земли,
Когда бы Украине на подмогу
С Востока не вернулись "москали".

1935 - 1963

Теперь вы снова, подвязавши кости,
Торгуясь, как потасканная бл@дь,
Нацистов новых кликаете в гости -
Украинские хлеб и сало жрать.

Симоненко Василий (украинский поэт).

Написано более 60 лет назад, а как про сегодняшний день.

Национальная Служба Казачей Информации

Уральское-Казачество 24 янв в 11:47

Официальное заявление Атамана генерала казаков Америки доктора Сергея Цапенко морского посла

Полковник Бандурка и казаки Северной и Южной Америки.

Пожалуйста, дайте мне знать, действительно ли вы являетесь членом картеля Захарова. Как вы сказали мне в нашем сегодняшнем телефонном разговоре, вы не знаете о мистере Захарове. Захаров организовал свое личное членство и представительство казаков Америки на официальном уровне.

Спасибо, что дали понять, что г-н. Захаров использует ваше имя и официальный статус полковника начальника штаба казаков Америки без вашего одобрения и ведома. Пожалуйста, посмотрите, что и как г-н Захаров использует ваше звание и личную информацию.

Председателю

Совет старейшин казахов Северной и Южной Америки, Член Совета старейшин Всемирного союза Казачьих Атаманов В. Ф. Бандурке

Казаки Америки никогда не голосовали за Захарова мировым атаманом. Казаки Америки никогда не дают никаких прав представлять Америку на любом уровне и в любой организации.

Мы делаем официальный протест в ООН и просим г-на. Захаров снял американский логотип и флаг со своего кабинета и визитных карточек. Мы сообщим послу США в Казахстане, чтобы подать в суд, если г-н. Захаров не выполнит нашу официальную просьбу. Как Атаман Генерал Казаков Америки сообщаю Вам, что Вы и другие Казаки Америки оказываете господину Захарову любую официальную поддержку и права на репрессии. Г-н Захаров является персоной нон грата в Российской Федерации. Беларусь. Украина и другие страны. Мы попросим правительство США отменить MR. Захарову виза в США в качестве протокола иностранного агента, если он не прекратит провокацию против казаков США, казаков и граждан Северной и Южной Америки.

Это нарушение международного права личного представительства.

Все пока. Любо.

международная неправительственная организация
ВСЕМИРНЫЙ СОЮЗ КАЗАЧЬИХ АТАМАНОВ

international non-governmental organization
THE WORLD UNION OF COSSACK ATAMANS

84 Kenessary street, office 2a, Astana, 010008, KAZAKHSTAN tel./fax +7 (7172) 37 48 73 3977274@gmail.com

15.01.2023

г. Астана

**Председателю
Совета старейшин казаков
Северной и Южной Америки,
Члену Совета старейшин
Всемирного Союза Казачьих
Атаманов В. Ф. Бандурке**

Уважаемый Виктор Федорович!

Доводим до вашего сведения, что по решению Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) ООН Международная неправительственная организация «Всемирный Союз Казачьих Атаманов» получила Специальный консультативный статус при ЭКОСОС ООН. Письмо-уведомление было получено нами 29.12.2022 г.

В период первого заседания Комитета по неправительственным организациям в Штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в мае 2017 года мы с Вами имели честь быть принятыми постоянным представителем Казахстана в ООН, и вот спустя 5 лет наша казачья организация – первая и единственная в мире – получила официальный статус. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы мировое сообщество и правительства заинтересованных стран обратили должное внимание на историю казачества в XX веке и сделали не только выводы, но и начали работу по нашей полной реабилитации.

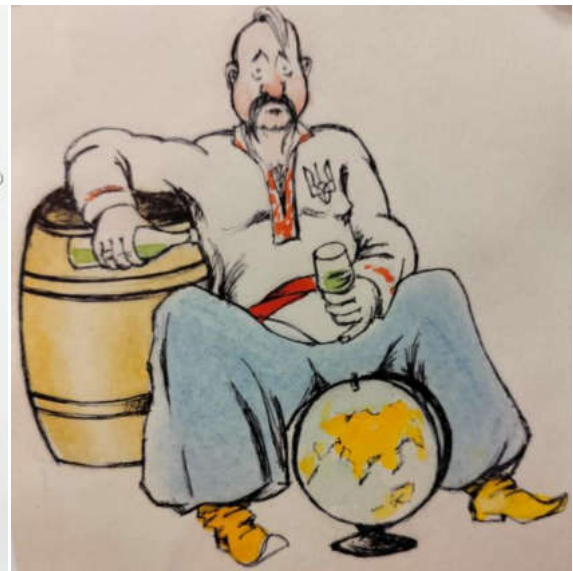
От всей души поздравляем Вас с Рождеством Христовым и Новолетием! Желаю Вам, дорогой Виктор Федорович, мира, счастья и добра! Храни Вас Бог!

Приложение: копия письма-уведомления.

Верховный Атаман
Всемирного Союза Казачьих Атаманов,
казачий генерал, академик

 Ю. Ф. Захаров

Сатирические картинки на темы дня

Трон Зеленского.

- Ещё по стакану... и на Москву.

Рисунки А. Толкачёва

№2 (29) февраль 2023 года

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

*Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока*

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар» и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте единственного в России Музея НКВД.

Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»
nkvd.tomsk.ru

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея», «Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале, может не совпадать с мнением редакции.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
С шестого номера журнал выходит только в электронном варианте.

Редакция журнала «Казачи за Камнем» является независимым СМИ современного казачества, сохранившего свои традиции, пережившего геноцид, не имеет какой-либо специальной подготовки по проведению экспертиз, направленных на выявление в текстах признаков экстремистской деятельности, следственную и судебную практику по этой категории дел не отслеживает, не обобщает и не анализирует. Также не обладает знаниями специалистов в области политики, культурного наследия России и не имеет знаний по философии. Таким образом, мы объективно лишены возможности самостоятельно оценить ту или иную статью на предмет наличия или отсутствия в ней признаков экстремизма. Это касается и материалов авторов, присланных напрямую для размещения в журнале. Также, насколько нам известно, до настоящего времени не существует каких-либо общепринятых и однозначных критериев отнесения того или иного текста к числу экстремистских, в каждом конкретном случае такие признаки устанавливаются путём привлечения специалистов в различных областях (как правило, филологии и лингвистики) знаний. Вместе с тем мы являемся законопослушными гражданами, не имеющими намерений совершать общественно опасные поступки, в том числе преступления и правонарушения экстремистского характера. В соответствии с Законом «О противодействии экстремистской деятельности» на правоохранительные органы и прокуратуру РФ возложены задачи выявления и пресечения действий экстремистской направленности, в том числе путём вынесения предупреждений о недопустимости экстремистской деятельности. На основании изложенного, в случае, если на страницах журнала «Казачи за Камнем» будут выявлены признаки экстремизма, просим незамедлительно уведомить об этом редактора журнала для оперативного удаления из номера журнала указанного текста, фотографии или картинки.

Редакция журнала «Казачи за Камнем»

